

ОЛЕГ ЕЛШИН

БЕСТСЕЛЕР

МИЛЛИОН ДЛЯ ГЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЖЕНСКИЙ РОМАН

Олег Игоревич Ёлшин

Миллион для гения

Текст предоставлен правообладателем

Миллион для гения:

ISBN 978-985-549-678-7

Аннотация

Посвящается гениальному математику Григорию Перельману – человеку, доказавшему теорему Пуанкаре. По неизвестным причинам он отказался от премии Математического института Клэя в один миллион долларов США. Мотивы своего поступка он объяснять не стал.

«Миллион для гения» – книга-эксперимент. По форме это роман в романе. Один безвестный Писатель пишет книгу о великом Математике – Гении, человеке, который не взял свой заслуженный «миллион». Постепенно понимает, что совершенно изменил свою жизнь, но уже не писать не может, и теперь эти двое топчут жизни свои, рождая в безумной фантазии гениальные творения: один – на страницах романа, другой – наяву. Но мир этот сжат со всех сторон привычными оковами и правилами. Мир примитивен, он не желает меняться, подпуская к себе кого-то еще. Эти двое находятся за пределами общепринятых правил и норм (понятий). Поэтому все происходит в каком-то сюрреалистическом изображении и измерении. Только так можно воспринимать его и существовать. Писатель проходит

все ступени: от безвестности и унижений к славе,... но к еще большим унижениям. Так устроена жизнь. Его герой повторяет эти поступки по-своему. А может быть, теперь он сам идет вслед за своим героем?... Все перепуталось, все трансформировалось. Люди превращаются в символы, события – в мистический роман. Уже теряется грань между реальным и выдуманным, и только одно остается неизменным – основное условие этой жизни, которое носит название жанра «Экшен»...

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	109
Часть 3	236
Часть 4	319

Олег Ёлшин

Миллион для гения

Посвящается гениальному математику Григорию Перельману – человеку, доказавшему теорему Пуанкаре. По неизвестным причинам он отказался от премии Математического института Клэя в один миллион долларов США. Мотивы своего поступка он объяснять не стал.

*Я посадил к себе на колени уродство и почти сразу же почувствовал невероятную усталость.
(Сальвадор Дали)*

*Если начнешь играть в гения, то непременно им станешь.
(Сальвадор Дали)*

Часть 1

1

Электронные письма летели одно за другим. Они врывались без разрешения, появлялись в уголке экрана и просили, нет, даже требовали и настаивали на том, чтобы их прочитали. Хотя бы открыли и обратили на них свое благосклонное внимание. Высокий человек в домашнем костюме сидел перед компьютером и изумленно за этим наблюдал. Его словно пробудили от долгой спячки, на него сыпался град величинной с битый ржавый кирпич, и он не знал, как от него увернуться. Постепенно изумление сменялось раздражением. Он почесал бороду, взъерошил жесткую шевелюру и подумал:

– Может быть, все это выбросить и удалить не читая?

И от такой мысли ему на мгновение стало хорошо и спокойно.

– Все ли? – снова подумал он.

Пять лет им никто не интересовался, все это время он был предоставлен самому себе и вдруг о нем вспомнили. Он уже не надеялся и думать забыл об этом, но ОНИ вспомнили и теперь вторгались в его жизненное пространство. Он даже догадывался, кто эти – ОНИ. Но сейчас очень хотелось не

видеть этих настойчивых писем и не замечать ничего...

За распахнутым окном светило солнце. Шум редких машин, проезжавших трамваев, щебетание птиц напоминало о жарком летнем дне. Какая-то канарейка уселась прямо на подоконнике, нагло уставилась на него и улетать, по-видимому, не собиралась.

– Что? – спросил он.

Птица молчала, продолжая на него смотреть.

– Чего ты от меня хочешь?

Она сидела, с любопытством наблюдая за ним, а он за ней. Еще одно письмо и еще, уже десятки без спросу появились на экране компьютера, нахально занимая места (как в первых рядах партера, клали ноги на спинки передних сидений), устраивались в папке, где их пока никто не читал, и чувствовали там себя неудобно. Они не привыкли к такому обращению, а этот болван даже не представляет, какую новость ему принесли!

– Ну, открой же нас, проведи упрямой рукой, нажми на клавишу, и мир для тебя станет другим! Мир перевернется! Какой болван! Настырный болван! И канарейка на подоконнике словно вторила этим упрекам. Еще минута спокойствия, еще мгновение такой привычной и продуманной жизни, и все изменится. «Болван» чувствовал, ощущал это каждой клеткой, каждой извилиной напряженного мозга. А как хотелось просто уйти в свой привычный мир, спрятаться там, где никто не потревожит, где ты один... и кое-что

еще. Но канарейка, не отрываясь, смотрела на него, а письма все летели и летели. Он с сожалением огляделся, словно ища защиты там, где пока не было никого, – только рабочий стол и диван в его маленьком кабинете, в котором он спал, и работал, и жил. Жил до сих пор так спокойно, что весь мир помещался на этих крошечных квадратных метрах. Пространство, которое он по мановению своей прихоти или по воле мысли неукротимой, по какому-то чудесному прозрению или случаю мог превратить в целый океан или планету, галактику, где никто его не тронет. А тут эта птица на подоконнике и огромная стая писем...

Он провел мышкой, щелкнув клавишей. И тут началось!

– Мистер Клейзмер, ученое сообщество поздравляет вас с величайшим открытием...

– Ученые Америки готовы признать ваше доказательство...

– Весь мир, столетие ожидавший решения этой сложной задачи, склоняется перед вашим гением...

– Математики Британии и Франции торопятся пригласить вас...

Еще десятки писем, обрадованные такому вниманию, следовали одно за другим. Он пролистывал их и, не читая, смахивал с экрана в электронную корзину. Наконец казенный язык одного из них приковал его внимание, заставив дочитать до конца:

«На совете директоров Математического института..., ку-

да входят ведущие математики мира, было принято решение: Господину Георгию Клейзмеру за доказательство теоремы... присудить премию в один миллион долларов. Вам, господин Клейзмер, необходимо опубликовать свое доказательство в одном из нижеперечисленных журналов и прибыть по адресу...»

Далее шли координаты, список научных журналов и сухие поздравления. Сухие, потому что эти господа считали, что миллиона вполне достаточно и добавлять к нему больше ничего не нужно. Скорее всего, они были правы.

От слова «прибыть» ему стало не по себе. Прибывают в места поневоле. В места, откуда можно не вернуться.

Миллион долларов... Не вернуться...

Телефон неожиданно зазвонил. Он замер, удивленно уставившись на него, дверной звонок тоже начал издавать нежданные трели, а на экране монитора снова письма и письма:

- Мы просим приехать Вас на пресс-конференцию...
- ...дать интервью...
- ...выступить на нашем канале...

Он включил телевизор. С экрана на него смотрела всем знакомая диктор, а за ней виден был его портрет и поздравления, поздравления, поздравления... Вереница сообщений, нескончаемые стаи писем, громкие настойчивые звонки в дверь и из динамика телефона. Все завертелось перед глазами, в потревоженном сознании, закружилось в веселом хо-

роводе, затягивая куда-то в высоту. Теперь было непонятно, что это – путь на Олимп, куда поднимут на крыльях сияющей славы или торнадо, которое черным вихрем увлечет ввысь, а потом швырнет в зияющую бездну – пустоту. Сознание плавило, стены росли, увеличиваясь в размерах, потолок поднимался на немыслимую высоту. Диван висел огромным зеленым облаком, а стол с компьютером превратился в маленькую точку, откуда как назойливые осы, вылетали все новые и новые письма. А огромный экран телевизора на недостижимом отдалении огромными губами диктора новостей повторял одни и те же слова – миллион долларов... теорема... долларов... миллион... миллион...

Клейзмер вскочил и бросился к окну. Канарейка, убедившись в том, что он прочитал все новости и теперь в курсе последних событий, вспорхнула и улетела. А он еще долго под аккомпанемент звонков стоял, опираясь на подоконник, глядя в окно, где трамваи, издавая металлический звон, скользили по рельсам, ехали машины, шли редкие прохожие, а наверху спокойно и привычно сияло солнце.

2

– Леонидов, тебе письмо!

Голос ее сотрясал воздух во всей квартире, и поневоле захотелось зажать уши.

– Какого черта ты не проверяешь почту? Ты слышишь ме-

ня?

Она ворвалась как всегда не вовремя, и он, с сожалением отрываясь от компьютера, успел прочитать последние слова, которые еще не просохли и светились на экране электронными чернилами – «миллион долларов... теорема... долларов... миллион... миллион...»

– Хорошо, что успел дописать главу, – подумал он.

– Письмо, я тебе говорю! – повторила она.

– Слышу, Галя! Слышу! Я не глухой!

Он зашел в электронный бокс и прочитал...

– Ничего себе! – воскликнула она, заглядывая через его плечо.

– Леонидов, да они же хотят купить твой сценарий! Ну, ты даешь,... ну, Леонидов!

Он в оцепенении смотрел на экран:

«Кинокомпания НИК-Пикчерс готова рассмотреть ваши условия о покупке киносценария для создания художественного фильма. Вам надлежит позвонить по телефону... и обговорить все детали, а также прибыть по адресу... для получения гонорара...

Кинокомпания НИК-Пикчерс».

«Надлежит прибыть», – неприятно резануло глаз, и он с удивлением уставился на экран, где совсем недавно писал эти слова, а теперь они по какому-то странному совпадению

перепрыгнули со страницы книги на страницу письма.

– Прибыть, – неожиданно произнес он.

– Что ты бормочешь? – спросила она.

– Ничего, это я так, о своем...

– Ничего? Давай, звони! – и кинулась за телефонной трубкой.

– Так, спокойно, – продолжала она, набирая номер. – Соberись с мыслями, думай, что будешь говорить.

Потом с сомнением на него посмотрела.

– Хочешь, я сама позвоню... Ну, как твой литературный агент. Так сказать, импресарио...

– А «импресарио» читала мой сценарий? – спросил он с вежливой улыбкой.

– Нет, – потом добавила, – ну, ... пока нет... Ты же знаешь, Леонидов, у меня куча дел, ... я не успела, ... я обязательно прочитаю, – и обняла его сзади за плечи...

– К тому же, импресарио бывают у музыкантов...

– Не отвлекайся, это сейчас не важно, – сказала Галя.

Длинные гудки перебили ее тираду, и он взял трубку из ее рук. Галя включила громкую связь.

– Кинокомпания НИК-Пикчерс, – металлическим женским голосом представился телефон. – Я слушаю вас!

– Будьте добры господина Силаева, – попросил он.

– Кто его спрашивает? – уже громче произнес женский голос, и ноток металла прибавилось.

– Леонидов, – сказал Леонидов.

– И все? – удивился голос.

– Пока да, – почему-то ответил он – разговор начинал забавлять. Он чуть не засмеялся, едва сдерживая себя, но жена сурово погрозила кулачком.

– Так, ... давайте еще раз, – сказала металлическая девушка. – Кто вы и как вас представить?

– Просто, Леонидов, – сказал он.

– Просто? Вы думаете, этого достаточно?

– Думаю, да.

– Вы уверены? – металлу в голосе поубавилось, осталось лишь удивление.

– Конечно.

– Он знает вас, он ждет вашего звонка?

– Безусловно, – уверенно ответил Леонидов, и девушка сдалась. Теперь на всю комнату звучала громкая мелодия, пока на другом конце провода его переключали в святая-святых. «Импресарио» замерла, подняв большой палец в сжатом кулаке. Весь этот короткий разговор она нервно ходила, тыча рукой в воздух, словно приколачивала его ответы, придавая им больше убедительности, и сейчас была очень довольна.

– Слушаю вас, – услышал он сухой голос.

– Господин Силаев? – спросил он.

– Слушаю, слушаю вас.

– Здравствуйте. Вы написали мне письмо, ... насчет моего сценария, ... меня зовут Леонидов.

– Ах, Леонидов! Здравствуйте. Слушаю вас, – уже теплее произнес тот.

– Я бы хотел подробнее поговорить о вашем фильме, – сказал он.

– Подробнее... Ну, конечно, подробнее. Во всем нужна конкретика... Сколько? – неожиданно спросил голос из телефона.

– Не понял?... В каком смысле?... Алло. Вы слышите меня?

– Да-да, – спокойно ответил голос, – хорошо слышу, только не слышу ответ на мой вопрос – сколько?

Долгая пауза повисла в комнате, и только ровное уверенное дыхание телефонного аппарата. До этого его жена продолжала дирижировать, мелькая перед ним, но теперь и она замерла, как вкопанная. Леонидов тоже молчал. Первой опомнилась Галя:

– Миллион!

– Что миллион? – не понял он, зачем-то зажав трубку телефона, хотя тот своими микрофонами слышал все, развесив электронные уши. Галя замахала руками и повторила:

– Миллион!

Леонидов почему-то вслух повторил это слово.

– Миллион? – переспросил спокойный голос из телефона, – миллион рублей, конечно же? – уточнил тот.

– Конечно! – моментально ответил он, сам не веря такому.

Галя застыла с открытым ртом. Поправлять его было

поздно, но все равно была ошарашена.

– Хорошо, – спокойно ответил его собеседник. Снова возникла небольшая пауза.

– Что я должен сделать? Нам нужно встретиться, обсудить сценарий? Когда мы сможем поговорить? – с нетерпением воскликнул Леонидов.

– Завтра... в 14.00, если вам удобно, вы можете приехать, подписать договор и забрать деньги.

– И все?

– А что еще?

– Нет, нет, ничего, – задумчиво произнес он.

– Тогда до свидания, господин Леонидов, до завтра, – сказал Силаев.

– До завтра, – неуверенно попрощался Леонидов, желая что-то добавить, но не нашелся, а телефон уже издавал короткие гудки...

Она закричала так, что слышно ее было на первом этаже. И на последнем этаже, и на всех остальных уже знали, что ее муж только что заработал миллион!

– Миллион!.. Ну, что ты не радуешься? Леонидов, что с тобой?... Это шок, это пройдет, на выпей.

Она суетливо достала из бара бутылку виски, налив ему и себе. Он сидел, придавленный – какое-то чувство недосказанности осталось после разговора, поэтому молчал, переваривая каждое слово.

– Миллион! – продолжала она, – а может, нужно было

сказать... два?... Или три!?!... Нет, миллион тоже хорошо! Для начала совсем неплохо. Да? Леонидов? Ну, что ты молчишь?... Хочешь, я поеду с тобой? – внезапно спросила она. – Надену лучшее платье, которое ты мне подарил... сто лет назад, и поеду. Уже не думала, что оно когда-нибудь пригодится. Я буду твоей Лаурой,... как у Дали,... помнишь?

– Лаура была у Петрарки, а у Дали – Гала, – очнулся он, поперхнувшись виски.

– Ну, Гала. Не важно, пусть будет Гала.

– Нет, Галя, пожалуй, я поеду один, – но, спохватившись, добавил: – А тебя я возьму на премьеру – идет?

– Идет! Идет, мой Леонидов. Идет!.. Миллион... На премьеру...

Наконец она, пританцовывая, удалилась, а он все сидел, сжимая в руке бокал, медленно вслух бормоча: – Миллион... миллион... сценарий... миллион рублей... миллион...

Вдруг взгляд его упал на большое окно. Оно было открыто, а на подоконнике сидела птица. Присмотрелся.

– Канарейка! – опешил он. – Откуда? Ты что тут делаешь? Потрясающе!

Птица какое-то время еще сидела и смотрела на него.

– Канарейка... миллион...

Посидела так, повертела хвостом и, поняв, что все самое интересное позади, улетела.

Пожалуй, случилось самое знаменательное событие в его жизни. До этого было все как у всех. Детство, юность. Потом с большим восторгом поступление в театральный институт, куда могли пройти по конкурсу лишь дети «заслуженных» и «народных», где уже между собой выстраивали конкурс «народности» своих родителей. Но, повезло. Дальше бессмысленная учеба в институте, который теперь находился в новой стране, с новыми законами и правилами, где никакие «народные» уже были не нужны – наступало начало девяностых. Потом семья, ребенок и годы-годы бизнеса: торговли, контрактов и переговоров, поездок и отгрузок, приемок и сдач. Так пятнадцать лет! И, наконец, все остановилось в его жизни, все замерло.

Однажды, сидя в офисе у компьютера, заполняя бессмысленное время и пустоту экрана, он написал несколько строк, потом страниц, глав. И все завертелось, закружилось в жизни, изменилось и попросило чего-то еще, непознанного, неизвестного ранее, но столь желанного. Книга, вторая и третья, конечно же, никому не нужные и невостребованные издательствами. Но, не тут-то было... Видимо, годы бесполезного сидения в театральном институте не давали покоя, прося о чем-то еще:

– Ты получил уникальную профессию, ты все помнишь,

так почему протираешь штаны в этом офисе, выносишь отсюда деньги, бросаешь их на ветер снова и снова? Ты способен на большее! У тебя все впереди, а ты еще даже не начал!

И он все бросил. Он не мог не оставить эту бессмыслицу, потому что в сознании горел огонек затаившегося счастья, трепетный огонек, который согревал, а в душе вибрировала незнакомая мелодия или пока лишь ее предчувствие. Но эта музыка уже заполняла всю его жизнь без остатка. И теперь, просыпаясь, он начинал каждый день с удовольствием, боясь что-то упустить, пройти мимо.

– Ты все пишешь?... Ну-ну...

Эта фраза стала единственной, которую изо дня в день он слышал от жены. Оно и понятно. Сын вырос, поступил в институт, а они, такие еще молодые, особенно она, хотели чего-то большего. Но, что это – большее, они не знали. Только надеялись. Но уже делали это в разных комнатах и разных постелях. А постель с облегчением вздохнула – ей надоело таскать на себе этот охладевший груз, балласт, который хотелось сбросить и плыть налегке в одинокую диванную старость. Да и черт с ней, с этой постелью. Ведь не в ней же дело... Книги!

Прошел год, прошел второй.

– Почему ты не напишешь киносценарий? – как-то раз спросил его друг, с которым они вместе учились в институте. Он прочитал его «творения» и теперь давал советы: – Такое

просится на экран!

Друг был режиссером документального кино и скоро... очень скоро должен был снять первый фильм. Скоро – спустя почти двадцать лет после окончания института.

– Что с ним делать дальше? – удивился Леонидов.

– Как что? Отошлешь на киностудии, сейчас их сотни, наверняка кто-нибудь заинтересуется. Это настоящий «Экшен»!

– Что? – переспросил он друга, но тот уточнять не стал.

Сценарий был написан, и теперь этот звонок! Как будто Ангел взял его за руку и теперь уверенно вел по длинному коридору киностудии в «святая-святых»...

Они поздоровались. Напротив сидел здоровенный дядька, который совсем не походил на киношника. Хотя, какими теперь они должны быть, он не знал. Помнил лишь мастеров старого кино, которое смотрел раньше. Но все так изменилось...

– Вот договор, ознакомьтесь и подпишите, – предложил Силаев.

– Да-да, договор..., – он смешался, тупо уставившись на предложенную бумажку. Сколько в своей жизни он прочитал договоров, его уже тошнило от такой формальности. Он не желал тратить время на эту мелочь. И обмануть его было невозможно. Ему заплатят деньги. Огромные деньги! И дело совсем не в них.

– Можно узнать подробнее, какое это будет кино? – спросил он, немного волнуясь. Силаев удивленно на него посмотрел.

– Понимаю, это дело режиссера, но я, как никто другой в материале, и сумел бы помочь...

– Вы не будете читать договор? – перебил его тот.

– Нет, ... то есть, ... я уже прочитал, ... ознакомился...

– Тогда подпишите и дело с концом, – сказал Силаев.

– И все же, я могу услышать некоторые подробности? Какова концепция, замысел?

Силаев выжидающе молчал.

– Ах, договор, – вспомнил Леонидов. Он взял со стола ручку, небрежно подмахнув в нужном месте, отдал продюсеру его экземпляр, свой небрежно сложил и сунул в карман.

– Формальности окончены? – спросил он, – мы можем поговорить по существу?

– Конечно, – спокойно ответил Силаев, – по существу.

И достал из сейфа две пачки новеньких пятитысячных купюр, положив их на столе. – Прошу, ваш гонорар.

Сказав это, замолчал, давая понять, что разговор окончен, с интересом ожидая реакции на две пухлые новенькие пачки. Леонидов оцепенел. Он заворожено смотрел на деньги, наконец, перевел взгляд на Силаева.

– У вас еще какие-то ко мне вопросы? – спросил тот.

– Да, – встрепенулся Леонидов, – конечно! У меня масса вопросов...

– Вы не будете пересчитывать деньги? – удивленно перебил Силаев.

– Я уже пересчитал, – в нетерпении воскликнул Леонидов и замолчал, мучительно соображая. Наконец произнес: – Вы знаете, ... я начну с конца, ... для меня самое главное в форме реализации сюжета – эзотерический финал...

– Какой финал? – нервно переспросил Силаев.

– Эзотерический, ... ну, вы понимаете!

– Да-да, понимаю, отчего же не понять? – пробормотал тот и загрустил.

– Понимаете? Замечательно! От такого финала, пожалуй, зависит все. Вся история сводится именно к такому концу. Не технологии, не деньги или политические акции, не сцены насилия или перевороты – ничто не спасет общество! Переворот в сознании, смещение акцента, переоценка ценностей. Если, наконец, человек сбросит надоевшую обувь, пройдет босиком по мокрой траве, окунет ноги в волнах океана, будет ходить по мокрому песку, смотреть на солнце, просто жить, только тогда эта история оживет и засверкает. Привычные законы или, как теперь говорят, понятия, отойдут в сторону и зритель задумается. А задумается – значит поймет!

Леонидов внезапно остановился, взглянув на Силаева. Тот с удивлением и неподдельным интересом слушал его. Потом медленно произнес:

– Честно говоря, ... я еще не читал ваш сценарий.

– Как? – Леонидов был ошеломлен.

– У меня слишком мало времени, – раздраженно ответил тот. Но, опомнившись, уже мягче добавил: – У нас есть люди, которые делают это лучше меня. Я всего лишь продюсер, – помолчав немного, добавил, – всего лишь хозяин проекта, ... но режиссер мне обязательно подробно доложит обстановку, ... то есть сюжет.

– А я могу поговорить с режиссером? – настаивал Леонидов. – Дело в том, что это мое детище, как вам сказать... мой ребенок, ... и я хочу достойно передать его из рук в руки.

– Я не определился еще с кандидатурой режиссера, – устало ответил Силаев.

Потом он внимательно посмотрел на Леонидова, – да, не волнуйтесь вы так! Во-первых, вы прошли огромный конкурсный отбор – наши люди пересмотрели сотни работ, прежде чем остановиться на вашей! С чем вас и поздравляю! Во-вторых, мы профессионалы, и вы полностью можете довериться нам. Киностудия НИК-Пикчерс – это не детские игры! Господин Леонидов, это будет настоящий блокбастер! – заверил он.

– Блокбастер? – непонимающе переспросил Леонидов.

– Да! Настоящий Экшен!

– А, понятно, – сказал он, услышав знакомое слово, – его друг, кажется, так называл этот новый жанр.

– Экшен! И вы можете не волноваться!.. Так, вы будете пересчитывать деньги?

– Нет, ... нет, ... спасибо... я уже пересчитал.

Он положил две пачки новеньких купюр в сумку и встал.

– Мы обязательно пригласим вас на премьеру, господин Леонидов. Вы нам понадобится на презентациях и пресс-конференциях, о чем указано в договоре, который вы внимательно прочитали, – с улыбкой добавил он.

– А когда будет премьера? – спросил Леонидов.

– По плану – ровно через год! – уверенно произнес Силаев.

– Через год, – прошептал Леонидов.

Тот протянул через стол свою большую лапищу, и они попрощались.

4

Он снова шел по длинному коридору. Ангел, видимо, оставил его по дороге, заскочив в шикарный буфет или заглянув в съемочный павильон. Да, и не нужен был сейчас этот Ангел – свое дело он уже сделал. Леонидов тоже заглянул в какую-то открытую дверь. Там стояли декорации неизвестного фильма. Увидел двухэтажное здание, с крыши которого головой вниз летел человек, и грохот автоматной очереди расстреливал тишину зала. Тот шлепнулся в болото, и брызги воды разлетелись во все стороны. Какая-то женщина, подойдя к двери и грозно на него посмотрев, перед его носом прикрыла ее. Теперь он шел по длинному коридору, ноги вязли в болоте, неизвестно откуда взявшемся на этом

паркете. Он с трудом их передвигал, вокруг все падали и падали тела, а грохот автоматных очередей слышался со всех сторон. И если бы он упал, наверное, задохнулся бы в этой тине... Какая-то девушка, идя навстречу, мило улыбнулась, и он пришел в себя, нормально добрел до выхода, но все еще казалось, что ноги мокрые, обувь перепачкана, а вода хлопает и чавкает в туфлях.

Но, выйдя на улицу, стало легко и приятно на душе – в сумке лежал МИЛЛИОН! С удовольствием небрежно махнул рукой, и сразу же два такси наперегонки устремились к нему, почуяв клиента. С радостью постоял в пробках, глядя по сторонам – город радовал шумными улицами и площадями, мигающими светофорами и людьми, снующими в разные стороны. Солнце ему улыбалось, кинотеатры замирали, с уважением глядя вслед. Скоро он снова придет сюда, скоро будет премьера, и толпы людей выстроятся у окошечек касс, а на рекламных щитах будет шагать нарисованный босой человек, и будет мочить ноги в ласковых нарисованных волнах океана.

– Как потратить миллион?

Он бросил перед ней на стол, как в дешевом кинофильме, пачки с деньгами, уселся в кресле, положив ноги на журнальный столик, и закурил сигарету. – Жалко, нет сигары, было бы очень кстати, – подумал он. А жена молчала и серьезно

на них смотрела.

– Как потратить миллион? – наконец повторила она. – Никак! Нужно делать второй миллион! – и решительно заявила:

– Год! Мы не будем терять целый год! Потом ты промелькнешь в титрах, и о тебе сразу же забудут. А мы за этот год до премьеры раскрутим тебя и сделаем настоящей знаменитостью! Какое издательство откажется теперь от нас?

Он задумался, продолжая курить, потом произнес:

– Ты хочешь превратить мое занятие в коммерческое предприятие?

– Конечно! А как еще? – недоуменно переспросила она.

– То есть, ты хочешь, чтобы я писал и делал на этом деньги?

Длинная пауза повисла в комнате, потом Галя произнесла:

– Ты уже сделал это – они лежат перед тобой на столе.

– Это случайность, но не самоцель! – настаивал он.

– Любую случайность можно превратить в закономерность или ты что-то имеешь против? – говорила она мягко и разумно. Мягко, потому что знала его характер, и не хотела обострять разговор. И все-таки он не выдержал:

– Нет, милая, нет! Этого не будет! Или я пишу и серьезно делаю это или занимаюсь «остальным». Есть вещи несовместимые! Так, как хочешь ты, не получится!

– Почему? – спокойно спросила она.

– Если ты делаешь это ради денег, ничего существенного не напишешь!

– А как же Бальзак или твой любимый Дали? Они стремились заработать как можно больше. Я недавно смотрела передачу. Дали даже называли мистер Доллар. Но он гений! Или ты изменил свое мнение о нем? – разумно продолжала она.

– Я не помню, чтобы Бальзак заработал сумасшедшие деньги, скорее наоборот, всю жизнь считал долги... Дали? Да, он стал очень богат, но, скорее всего, это заслуга Галы. Пойми, имея такой стимул, никогда не сделаешь ничего достойного, – это закон! Такой стимул по своей сути порочен. Посмотри, что сегодня творят «мастера» на экранах и в литературе, в театрах, в кино. Можно сойти с ума! Суррогат, дешевый заменитель, хот-дог! Я не хочу этого, мне это не интересно.

После этой тирады замолчал, уставившись в окно. Долгая пауза зависла в комнате.

– Ты говоришь, Галя? – твердо сказала Галя, спустя какое-то время. – Значит, я и буду твоей Галой, а ты сиди и твори... писатель. Остальное – не твоя забота, – и добавила: – Разделим обязанности, устраивает?

– Если тебе это интересно, ... – задумался он, – конечно, ... почему бы и нет.

– На том и порешили, – примирительно произнесла она, подведя черту, а глаза ее загорелись незнакомым огнем. Потом спросила:

– А чего, собственно, хочешь ты? Написать и положить в

стол?

– Нет, Галя, конечно же, нет... Хочу, чтобы меня читали...

– Но тебя не будут читать, пока ты не станешь известным писателем. Это и есть закон! Ты сам это понимаешь?

Она была убедительна, и он не нашел, что возразить:

– Да, наверное,... пожалуй, ты права..., это замкнутый круг... Что мы сделаем с деньгами? – уже спокойнее спросил он.

– Вложим в тебя, то есть, в новый бренд под названием Леонидов! Кстати, ты не хочешь взять псевдоним, а то как-то?...

– Нет, пока останусь Леонидовым, – возразил он, – меня не стесняет моя фамилия...

– Как знаешь, – согласилась она, а он, задумавшись, добавил: – Послушай пару минут, хочу тебе кое-что прочитать.

– Конечно, послушаю, Леонидов, еще как послушаю, теперь я слушаю только тебя, – серьезно ответила она.

Он внимательно на нее посмотрел и начал читать:

«Клейзмер снова посмотрел в окно. Канарейки не было. Взглянул на экран компьютера. Там письма, как маленькие муравьи, двигались по плоской поверхности. Но самое ужасное, они уже спрыгивали и начинали расползаться по комнате. По его комнате! Они были крохотные и безобидные, но их было очень много, и все вместе они напоминали огромный

рыжий ковер, который шевелился, потревоженный звонками в дверь и телефона. Дверь начинала деформироваться. Она прочно висела на старых, ржавых, добротных петлях, но теперь изгибалась, шевелясь лохмотьями металла и дерева после каждого звонка, изворачивалась, словно ее щекотали или кусали эти муравьи. Но рук она не имела, и нестерпимый зуд заставлял делать немыслимые движения. Это был мягкий сосуд, наполненный жидкостью, который колыхался в воздухе, меняя цвет и размер, но пока еще прикрывал надувшимся телом дверной проем. Телефон был похож на маленькую разъяренную крысу. Она сотрясала черным носом, на котором держалась трубка, пытаясь сбросить ее. Сбросить и заставить замолчать. Но тогда был риск, что из трубки тоже поползут муравьи или вырвется рой диких ос, от которых уже не избавишься. Клейзмер почувствовал, что его гонят из собственной жизни. И во всем этом хаосе оставалось незыблемым только одно письмо – то самое, которое он дочитал до конца. Оно горделиво, по-хозяйски, заполняло весь экран:

– Вам присуждается премия за доказательство теоремы... миллион... миллион долларов... миллион... миллион...

Окно было раскрыто. Как захотелось шагнуть в него, сделать шаг, потом еще и еще, идти так по спокойной гладкой поверхности, оставляя под собой тротуары и дороги, мигающие светофоры и дома.... его дом... А над головой солнце. А дальше можно свернуть куда угодно, куда захочешь! И он знал эту дорогу! Он вычислил ее! А теорема? Просто она по-

палась ему на пути, и он легко, мимоходом, пнул ее, как мячик, случайно оказавшийся под ногами, и доказал, как само собой разумеющееся. За что ему дают этот миллион? Нужен ли он ему, и что он будет с ним делать? Интересно – много ли это? Он мысленно прочертил дорожку от экрана компьютера в сторону окна. Потом еще и еще. И теперь зеленые маленькие купюры стелились перед глазами. Они чертили в воздухе крохотную зеленую тропинку, которая стелилась над городом по прямой, предлагая по ней пойти. Шаг и еще, сотня другая. Там внизу улицы и площади, люди, ничего не видящие, собаки, в испуге задирающие морды. А над головой бесконечное небо и солнце, а ты по узкой тропинке идешь по прямой. Как просто и скучно, как хочется сделать шаг в сторону и раствориться в этом удивительном пространстве, перешагнуть его, изогнуться, ступить куда-то еще. Но твоя тропинка крохотная и зеленая, ты выбрал ее, значит, должен идти, не оглядываясь. Забыть обо всем доказанном, еще непознанном, и только шагать.

Вдруг посмотрел вдаль. Тропинка обрывалась. Эта прямая лента зеленого цвета заканчивалась, а за ней пропасть, и ты уже легко соскакиваешь с крохотной зеленой линии, падая вниз. И головой, и носом, и телом трехмерным прилипаешь к дороге, превращаясь в кровавую кляксу, в собственную тень, в след. А на краю зеленой тропинки сидит та самая канарейка, которая звала за собой. Но она вспорхнет и улетит, а ты грохнешься носом вниз.

Не интересно! – вздрогнул он. – Скучно! Глупо! Стоило ли того?

Клейзмер подошел к компьютеру, стер письмо, остальные тоже, поднял и сразу же повесил трубку телефона, дверной звонок сам понял все и замолчал, а диктор с экрана огромными губами теперь рассказывала совсем другие новости. В окно светило солнце, в комнате стало просторно, уютно и хорошо. Снова появился объем, тени и следы исчезли, муравьи и осы, сидящие в черном телефоне, тоже, тропинка провалилась, пролилась зеленым дождем. А заботливый ветер подхватил ее и унес, схоронив подальше отсюда в зеленом могильнике, чтобы не пачкала все вокруг, не сорила, не гадила своими зелеными купюрами. Он успокоился, с удовольствием подошел к окну, где солнце беззаботно светило, улыбаясь ему, а мир стал великим, многомерным и полным жизни. И мир этот снова принадлежал ему».

– Он сумасшедший? – произнесла Галя.

Леонидов немного помолчал, подбирая нужные слова.

– Я хотел, чтобы ты кое-что поняла. Если мы что-нибудь теперь делаем вместе, ты должна быть на моей стороне, а тропинка эта не должна быть тупиковой.... Ты должна быть со мной! Договорились?

– Договорились. Да, Леонидов, конечно, я буду с тобой. Я постараюсь понять тебя. Только...

– Что?

– Ничего. Ты тоже будь со мной, тогда все получится. Хорошо?

– Только не буду тенью или следом, ладно?

– Да... Да... Конечно... Хорошо...

– Ну, что, – уже весело спросил он. – Начнем наш год?

– Начнем, – воскликнула она, с удовольствием на него посмотрев.

– И, вообще, Леонидов... возвращайся...

Она странно на него взглянула, и он даже смутился.

– Я никуда не уходил, – возразил он, – я рядом.

– Да, рядом. Но очень далеко... В соседней комнате. Такое расстояние иногда бывает бесконечным, непреодолимым. Впрочем, мы вместе куда-то уходили...

– Да, бесконечным, пожалуй, ты права, – и тоже с удовольствием на нее посмотрел...

5

Три недели он мог спокойно работать... Или не работать вовсе. Не важно – бывало всякое. Они снова оказались в одной комнате, и теперь даже старенькая кровать не возражала, почувствовав себя молодой. Галя теперь начинала трудовой день с нескончаемых переговоров и поисков в Интернете. Она неистово искала «правильное» издательство, забросив все дела. Целую кучу своих дел. Леонидов бесконечно ее уважал, хотел помочь, но не мог, потому что мог только

ко писать или не писать вовсе. Но уже какие-то смутные радостные предчувствия одолевали его. Галя напоминала фонтан, который источал мощные струи и потоки несокрушимой энергии. А где-то уже сидели люди, ждали ее звонка и согласия на встречу с новым, никому неизвестным писателем, по роману которого снимали «блокбастер»... «экшен». Наконец, в один из таких дней она потащила его в магазин.

– Почему в магазин? – вяло, но с интересом сопротивлялся он. Начинаясь новая интересная игра, в которую они ввязались и теперь делали это вместе и с удовольствием.

– И снова появятся деньги, – говорила она.

– Наконец меня будут читать, – думал он.

– Но прежде всего – смена имиджа! – возвестила она.

Магазины один за другим открывали свои двери, приглашая, предлагая, настаивая. Это были особенные магазины, здесь почти никого не было, только длинные ряды костюмов, нарядов и аксессуаров.

– Я в джинсах и футболках пятнадцать лет занимался бизнесом. Зачем все так сложно и дорого? – смеялся он.

– Прошла твоя джинсовая жизнь, – смеялась она в ответ, – ты поступаешь в новый клуб, и одежда должна быть соответствующая.

– И откуда ты все знаешь? – удивлялся он. А ей все не нравилось.

– Это не то! И это! Все не то!.. Я знаю, куда нужно идти!

Медильяне!

Наконец, открыв последнюю на сегодня дверь и решив, что пора заканчивать, он снова увидел стеллажи и скучные длинные ряды с вешалками и одеждой!

– Тряпки! – ворчал он, – обыкновенные тряпки.

– Тебе нужен костюм, – сказала она, и глаза ее загорелись при виде изысканных нарядов. – Пойду в женский отдел, а ты пока выбирай – потом покажешь!

Она ушла, а он остался один. Медленно прошелся по ряду, по другому. Эти костюмы висели, как скучные живые отрепья. Они готовились вцепиться и поставить свой штамп, клеймо на человеке, который предпочитал свободный стиль и свободный образ жизни. А эти сейчас превратят его в чемодан. Человек-чемодан, застегнутый наглухо на все пуговицы, а в шею непременно вопьется дурацкий галстук и будет мешать ему жить, дышать и даже думать. Зачем людям нужна форма? Почему они должны быть одинаковыми? Клуб, – вспомнил он. – Стадо! Обыкновенное стадо, где люди ходят в одних и тех же вещах-костюмах, думают одинаково, живут одинаково, только по-разному умирают, но и тогда облачаются в костюм, даже «туда» отправляясь в нем. А еще в белых тапочках. Какой абсурд!

Посмотрев на ценник одного костюма, присвистнул.

– Пять тысяч долларов! Ничего себе!

– Дорого? – спросил его какой-то старичок немислимым образом одетый. Он был словно с другой планеты или с кар-

тинки дорогого журнала. На нем был то ли костюм, то ли накидка. Было непонятно что это. Брюки или джинсы... Нет, не джинсы... И не брюки... И не костюм вовсе... Какая-то невероятная одежда и в неё облаченный невероятный старичок.

– Дорого? Конечно, дорого! – ответил он. – На эти деньги можно слетать в Италию, купить такой же костюм, отдохнуть всей семьей и вернуться назад. Или зайти в соседний магазин и купить там десяток таких костюмов.

– Таких нет, – улыбнулся старичок, – таких вы не купите нигде. Это Медильяне. Великий Медильяне! А, значит, не важно, сколько они стоят.

Старичок не был похож на продавца, и было непонятно чего он хотел и откуда взялся. А тот продолжал:

– Стоит однажды купить хотя бы одну вещьцу этого Кутюрье, вы попадаете в особый мир и становитесь другим человеком. Потом приходите сюда снова и снова. А продавцы пользуются этим, и уже все равно, сколько они допишут нулей к цене, которую определил Медильяне. Это совсем другие ощущения. Попробуйте!

– Хотите сказать, что на вас так действует обыкновенная одежда? – спросил он.

– Необыкновенная одежда! Дьявольски необыкновенная одежда! Я тоже так думал раньше. Меняется психология, походка, мысли, образ жизни. Я часто сюда прихожу и покупаю какую-нибудь мелочь. Иногда в это место приводят татуиро-

ванное распальцованное быдло, а выходит он отсюда настоящим денди. Стоит потом у кассы, и ты думаешь, что этот человек получил образование в Оксфорде, а не на зоне. Вот так!

– Вы преувеличиваете! – засмеялся Леонидов.

– Нисколько! Попробуйте! Появятся другие ощущения. Это как сменить не одежду, а кожу, изменить свою жизнь!..

– Но на ней даже нет лейбла, кажется, так это называется, – сказал с сомнением он.

– Ни то что, лейбла, как вы изволили выразиться, даже пакет, в который положат попку, будет черного цвета. Абсолютно черного и без единой надписи. Этот бренд не нуждается в рекламе. Но, завидев вас на улице с таким пакетом, все будут оборачиваться, зная, что вы идете от Медильяне.

Он внезапно умолк и уставился куда-то вдаль. Леонидов тоже посмотрел туда.

Он подумал, что сошел с ума. Голова закружилась, а глаза неотрывно следили за незнакомой женщиной. Удивительной, неземной красоты женщиной. На ней было надето сказочное платье черного цвета, глаза ее блестели... Нет, светились таинственным блеском в сумеречной темноте зала. Но что-то знакомое было в этом взгляде и походке. Нет, совсем незнакомое... Она подошла, что-то говорила, спрашивала, а он, затаив дыхание, смотрел на нее, открыв рот, не в силах вымолвить ни слова. Так продолжалось минуту, и другую... Это была мечта! Сказка наяву! Дьявольское наважде-

ние! Если сейчас она повернется и уйдет, он будет плестись и преследовать ее бесконечно долго, всю оставшуюся жизнь, и жизнь эта превратится в кошмарную, щемящую, восхитительную сказку. Женщина будет переходить из комнаты в комнату, ускользать по незнакомым улочкам и переулкам. Незнакомые города и страны будут мелькать мимо них. Какие-то другие миры. И везде только этот сумрак, черным блеском манящее платье, скрывающее гибкую фигуру, дивную осанку, душу в божественном теле и зовущий волшебный, порочный и одновременно девственно-невинный блеск ее глаз... Это была Галя. Его Галя! Нет, не его!

– Ты очень многословен, мой писатель, значит, тебе понравилось, – наконец, услышал он. – Так на меня ты не смотрел, наверное, лет семнадцать, сколько мы с тобой знакомы. Или вообще никогда так не смотрел.

– Да, пожалуй, вы правы, – очнулся Леонидов, обернувшись к старичку...

– С кем ты разговариваешь? – спросила она, – здесь никого нет.

– Нет? – удивился он.

– Нет, – улыбнулась она, – только ты и я.

Он протянул руки и взял ее за талию. Она не возражала, окинув его удивленным взглядом. Его словно ударило током. Это была его Галя, но... это была не она. Теперь нельзя было так просто к ней прикасаться! А глаза ее говорили о том же:

– Нельзя. Я другая. Нельзя. Выбрось свои джинсы, наде-

вай один из этих костюмов, и ты станешь одним из нас. Ты будешь достоин!

– Добро пожаловать в наш Клуб, – эхом вторил голос старичка, который куда-то исчез, да и был ли он, вообще, старичок этот?

Костюм не давил, не стеснял движений, был невесомым. И Леонидов вдруг почувствовал, как меняется осанка, меняются мысли, желания. Не может какая-то одежда, тряпка, так подействовать на него! Может! Он видел другое выражение своего лица в огромном зеркале. У него была другая судьба, другая жизнь.

– Экшен! – вспомнил он.

– Это вам не детские игры!

– Добро пожаловать Клуб!

– Да, не детские, – подумал он и, теперь, не отрываясь, смотрел на нее, на свою Галю. Нет, не на Галю, на женщину, которую он никогда не знал. И вдруг невероятное желание охватило его – снять с нее... Нет, сорвать это черное платье. Разорвать его на куски, на длинные лоскуты и наброситься со звериной яростью на то, что оно скрывало, что было столько лет ему знакомо, но чего он, оказывается, никогда не знал. Просто смотрел другими глазами... Неужели нужно надеть какую-то тряпку (волшебную тряпку, – шептал голос старичка рядом), чтобы потом возникло такое варварское чувство? Она тоже неистово глядела большими горящими глазами, чувствуя и понимая его. Невозможно так

желать женщину, которую знаешь уже целую жизнь! Такого не бывает!

– Добро пожаловать в Клуб, – шуршал где-то рядом старичок.

– В дьявольский Клуб! – очнулся он, приходя в себя.

– Дьявольский фантик! Фантастическая обертка!

6

А сейчас они заходили в просторный офис, который находился в огромном здании в самом центре города и даже в самом центре страны. Галя, наконец, определилась с издательством и после коротких телефонных переговоров привела его сюда. Это было одно из самых крупных издательств, которое «держало» большую половину книжного рынка. В душе пело, в душе ликовало неистребимое желание быть напечатанным и, наконец, лежать во всех книжных магазинах, в переплете, в словах и мыслях, помещавшихся в его книгах. Он смотрел по сторонам: кабинеты, коридоры, стеллажи. Книги... книги... запах книг... Волшебный аромат... Обложки, иллюстрации... Это же настоящее издательство, это Храм книг! Здесь их придумывают, печатают, издают. Потом они широкими реками растекаются по магазинам, попадая в руки людей, где бы те ни находились: в квартиры и офисы, в метро и на скамейки в парках, в школы, самолеты и поезда. Они разлетаются, неся в себе мысли и сокровенные

фантазии, образы и мечты, не сбывшиеся в жизни, но написанные так ярко, что кажется, они уже твои. И жизнь твоя не придумана, а как в сказке, как на страницах романов. И все это рождалось здесь – в настоящем Храме книг...

– Пришли, – сказала она, уверенно пнув ногой какую-то дверь.

Человек, сидевший перед ними, оказался достаточно молод и лыс, энергичен и приветлив. Его спортивную фигуру непринужденно облачал пиджачок... пиджак... тот самый... оттуда! И они, эти два человека в пиджаках, встретились как хорошие друзья. Еще не успели познакомиться их хозяева, не успели поговорить, но клубные пиджаки уже приветствовали друг друга, словно приглашая этих двоих... троих не тратить время на пустяки, и просто пожать друг другу руки.

Наконец, он очнулся от этих мыслей, а Галя уже какое-то время обсуждала договор:

– Я хочу, чтобы не возникло в дальнейшем никаких разночтений, – говорил лысый издатель. – Давайте сразу порешаем все вопросы и начнем работать.

– Почему вы не платите автору аванс, а предлагаете деньги лишь с продажи тиража? – возмутилась Галя, листая договор.

– Нормальная практика, – весело сопротивлялся издатель. – Мы еще ничего не заработали, чем же нам платить? Тираж продается, и только после последнего ушедшего эк-

земпляра я выплачиваю всю сумму гонорара.

– Но последний экземпляр может быть и не продан, – продолжала она. – Его вообще могут не продавать или делать это годами, и тогда автор не получает ничего?

– Вы хорошо подготовились к встрече, – засмеялся издатель, – вы правы, некоторые издательства имеют такую практику. Но это обыкновенное мошенничество, мы так не работаем. Мне интересно допечатывать, увеличивать тиражи, выжимая из них максимальную отдачу.

Услышав это, Леонидов посмотрел на Галю, ему стало неудобно за нее. Зачем она начинает разговор с подозрений, когда эти люди печатают книги... Книги! Не колбасу, не кирпичи! Неужели она не понимает, что они не способны на такие поступки? Здесь такое невозможно! Здесь это неуместно!

– Хорошо, я готов выплачивать процент от продаж частями и ежемесячно, – согласился издатель.

Галя победно на него посмотрела.

– Но, вы должны четко соблюдать эксклюзив, – продолжил он.

– Что это значит? – спросила она.

– Там написано. Договор заключается на пять лет, и в течение этого времени вы имеете право печататься только в моем издательстве. А книги, которые мы берем в работу, поступают в нашу собственность навсегда, и вы теряете на них права.

– То есть? – спросила она. – Вы поставите на них имя другого автора?

– Нет, – засмеялся он, – только ваше и ничье другое, – но, я буду определять политику продаж, тиражей и распространения. Другими словами, вы можете распрощаться с вашими книгами, но получать свой процент.

– Навсегда?

– Конечно!

– А если вы закроетесь, обанкротитесь? Если мы захотим изменить условия?

– С момента подписания договора я начинаю вкладывать в автора и его раскрутку огромные деньги, неизвестно, окупятся они или нет, а вы уже хотите пересмотреть условия. Или я должен миллионы тратить на пиар-компанию неизвестного автора впустую?

– Но, по одному из романов скоро выйдет фильм, и часть вашей работы, если не всю, мы уже сделали, – сказала она.

– Но вы хотите все прямо сейчас, а фильм выходит только через год – будем ждать?

– Нет! – в ужасе воскликнула она.

– Правильно. Нет! Тогда я просто выкупаю ваши права на книги и выплачиваю процент. Как картины. Если вы художник и продали свою картину, теряете ее навсегда. Вы меня понимаете?...

– Да! Да! Конечно! – подключился Леонидов к разговору, который уже начинал его раздражать. Его будут печатать,

продавать, в конце концов, платить деньги – чего же еще? Зачем ей эти детали? Сколько можно говорить о деньгах?

– И издаваться вы будете только у меня на моих условиях.

– Пять лет? – переспросила она.

– Пять лет, – подтвердил издатель.

– А если что-то пойдет не так и нас это не устроит? – снова спросила она.

– Через пять лет вы продолжите писать ваши шедевры и отнесете их в другие издательства, а эти оставите мне навсегда.

– То есть пять лет мы работаем на вас? – переспросила она.

– А я на вас – устраивает? – улыбнулся издатель.

Леонидов подумал, что через пять лет ему будет 46 лет. Сколько он успеет за это время написать? Как Гварнери, делал скрипки и отдавал их покупателю-хозяину долгие-долгие годы...

– А если вы не сможете ничего продать или не захотите, вы откажетесь от своих прав? – спросила она.

– Я смогу, – ответил он, – не случайно вы пришли именно в мое издательство, зная, что оно одно из крупнейших в стране.

– А вы взялись с нами работать, зная, что через год выйдет фильм по нашему сценарию! – гордо заявила Галя.

– Совершенно верно – у нас обоюдный интерес, – согласился тот.

– Хорошо, допустим, мы согласны, – ответила она. – Что дальше?

– Дальше вы подписываете договор, и мы начинаем работать...

Леонидов был счастлив! Он помнил это издательство – все свои книги он присылал на рассмотрение сюда, но неизменно получал отказ. Все эти два года, четыре книги и неизменный ответ: Это не наш «формат». А тут сидит напротив него издатель и говорит свое «хорошо»! Это победа, это начало! Поворот в судьбе! Как просто: надел костюм, принес рукописи, подписал договор, а дальше работа и работа – тысячи страниц, десятки книг, масса планов. Он будет нести их сюда, а дальше они пойдут на книжные полки, к людям! Храм книг!..

– ...сначала мы дорабатываем, вносим изменения и дополнения, убираем лишнее, потом редактируем, корректируем и в печать. Ну, а дальше, господа, ваши рукописи, наша работа и ежемесячные гонорары. Начнем?!

– Да! – с радостью согласилась она.

– Простите, как дорабатываем? – внезапно спросил Леонидов.

– Как обычно, вносим некоторые изменения, – спокойно ответил редактор.

– Изменения?... Вы меняете содержание книг?

– Конечно!.. Это обязательное условие... Почитайте договор, там сказано об этом.

– То есть, вы берете мою рукопись, переписываете, меняете сюжет, смысл? – он не верил своим ушам.

– Не все, конечно. Кое-что... Немного... Чуть-чуть... Кое-что дополняем или убираем. Так работают все – вы не знали об этом?

– Нет, – ответил он совершенно огорошенный... А зачем?

– Понимаете, книга – это товар, и только издатель знает конъюнктуру рынка, знает, что читателю интересно, что он будет читать. А автор зачастую витает в облаках. Но его шедевр продавать нам... Короче, книга должна иметь свой формат, только тогда она становится товаром и ее будут покупать.

– Судя по всему, вы окончили литературный институт или факультет журналистики? Неужели вы позволяли, как вы говорите, изменять ваши книги или статьи? – спросил он.

– Я не закончил ни то и ни другое, – засмеялся издатель, – ничего за свою жизнь не написал... И не собираюсь! Это бизнес, как вы не понимаете, просто бизнес! – ему было весело, он уже хохотал. – Писал!.. Я занимался логистикой!..

– Чем? – не поняла Галя.

– Перевозками, – подсказал Леонидов.

– Совершенно верно, – подтвердил издатель, – перевозил книги, отгружал, начинал простым грузчиком, коробейником...

– Но, как же вы работаете с этим товаром? – удивилась Галя.

Он снова засмеялся: – Я делаю это давно и делаю лучше других! Ведь мы живем в замечательной стране в замечательное время, где простой грузчик может стать хозяином уважаемого издательства! Это же замечательно! Или вы так не считаете? – и он поправил восхитительный пиджак на широкой груди.

И тут Леонидов вспомнил слова старичка о том, что любой, надевший такой наряд, становится похожим на человека-денди, который закончил Оксфорд. Но как теперь их различать?

– Да-да, вы правы! – пробурчал он в ответ. – Но, неужели нужно править мои книги? Что вас в них смущает?

– Честно говоря, я не читал ваших книг, у меня нет на это времени, – раздраженно ответил издатель и мягче добавил, – я всего лишь главный редактор... хозяин. Но у меня работают классные специалисты, которые ставят правильный диагноз. Что смущает? Вот записка моего редактора. Его смущает так называемый, – он внимательнее присмотрелся к тексту, и по слогам прочитал: – Так называемый э-зо-те-ри-ческий финал. Это неинтересно, несовременно! Главное – сюжет, захватывающая история! Непрерывная цепь событий! Должен быть настоящий блокбастер!

– Экшен! – неожиданно весело перебил он грузчика-издателя. Разговор начинал по-настоящему его забавлять. А Галя недоуменно на него посмотрела, не понимая этой радости.

– Совершенно верно! – воскликнул редактор. – Наконец

вы меня поняли. Кроме того, в дальнейшем мы будем давать рекомендации – что писать, а что не писать, на что не имеет смысла тратить время. А время, как вы понимаете, – деньги! Работать на заказ – что может быть интереснее и проще! Вам предлагают тему, сюжет, и вы своим талантливым пером делаете остальную работу. Любой писатель мечтает о таких условиях. Потом книга пошла! Мы делаем серию!

– Серию? – переспросил Леонидов. – Одинаковые книги? – теперь ему стало невероятно весело, и он тоже засмеялся. И сидели эти два человека в изумительных костюмах, смотрели друг на друга с пониманием и радостно смеялись.

– Нет! – хохотал редактор. – Книги разные, но название одно! Один Бренд! Леонидов 1! Леонидов 2... и так далее! И не нужно тратиться на раскрутку, читатель с нетерпением ждет продолжения! Он заваливает нас письмами: Когда? Он торопит нас!.. А мы вас!

– Всю жизнь писать одну книгу с одним названием, темой. Всю свою жизнь продолжать ее! Что может быть интереснее? – веселился Леонидов...

– Конечно! – издатель перевел дух и закончил, – очень рад, что мы друг друга поняли и все порешали.

– Да, поняли,... поняли..., – Леонидов встал и не торопясь направился к выходу. Медленно брел по длинному коридору, и в первый раз этот легкий, почти невесомый пиджак, жал со всех сторон. Он давил, перетягивая тело и мышцы, а галстук, накрепко вцепившись в горло, хотел его

придушить. Повсюду сновали люди – «классные специалисты», книги свисали с пыльных полок и стеллажей, а на обложках был нарисован тот самый человек, который с крыши головой вниз летел прямо в болото, где разбивался, превращаясь в мокрую кровавую кляксу, в грязную тень, в след...

7

Телефон настойчиво звонил. Он жужжал, издавая звуки назойливой мухи или осы, которая, затаившись, ждала, когда ее выпустят на свободу. И тогда она вопьется в свою жертву, будет жалить и пить ее кровь. Это непреодолимое желание появилось в последнее время – выпить чьей-то крови. Ведь если это делают все, как заразительна, как сладка эта мука! Впиться в человеческую плоть, дотянуться до вены и почувствовать теплую вязкую, манящую сказку, густой коктейль из плоти, жизни и тепла. А этот человек так беззащитен, что ему уже все равно, сейчас его съедят или чуть позже разотрут твердыми челюстями. Даже кости превратят в порошок и тлен. А запах жертвы висел в воздухе и пьянил. Так почему бы не стать первой?

Человек снял трубку.

– Господин Клейзмер?... Журналист Бобрин.... Газета «ЖУРНАЛ».... Интервью для нас....

Все просвистело в ушах одной короткой, жизнерадостной

фразой.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – поздоровался он.

– До нас дошла удивительная новость! Вы получили математическую премию, но отказались от миллиона?

– Да.

– Но почему?

– Это не мой миллион, – просто ответил он.

– Как не ваш? Его присудили вам?

– Да.

– Значит он ваш!

– Нет.

– Но почему?

– Понимаете...

Клейзмер задумался, продолжая тщательно подбирать слова:

– Он не принадлежит мне. Сотни математиков продвигали это решение многие годы, а я оказался в конце процесса и был последним. Вот и все.

– Но вы закончили работу, значит миллион ваш.

– Нет.

– Стоп, давайте еще раз... Математический институт присудил вам премию в 1 миллион долларов. Так?

– Так.

Значит он ваш?

– Нет.

– Тогда чей?

– Понимаете, господин Бобрин, существует такое понятие как ученая этика и нельзя пренебрегать ею. Нельзя брать то, что не принадлежит тебе. Вы меня понимаете?

– Нет. Премию присудили вам, значит она ваша.

– Нет.

– Неужели я поверю, что вы просто так отказались от миллиона? Господин Клейзмер, мы с вами взрослые люди. Таким рассказням не поверит даже ребенок. То, что вы мне только что рассказали, невозможно! Нереально! Китч! Я не могу написать такое в нашей газете «ЖУРНАЛ»! Меня читатели засмеют, примут за идиота!

– Мне очень жаль, – ответил Клейзмер.

– Так, хорошо, я вас понял. Давайте поступим следующим образом. Я беру у вас эксклюзивное интервью и плачу 20 тысяч долларов, а вы откровенно рассказываете всю подоплеку. Устраивает?

– За информацию о том, почему я не взял миллион долларов, вы предлагаете мне 20 тысяч? Это неверное некорректное решение.

– Обычно мы платим такие гонорары всем нашим ВИП-клиентам, а вы еще даже не получили свою премию!

– Попробуйте решить эту задачу по-другому, иным способом и перезвоните мне. До свидания, господин Бобрин, – и он повесил трубку.

Она уже увеличивалась в размерах. Росла, мечтая о том дивном часе, который скоро наступит. Чудном волнующем миге, когда не помешает никто, и она вонзится в жертву, будет терзать ее и ранить, ворошить органы жалом, которому осталось лишь немного подрасти, и тогда оно превратится в копье, в страждущий меч, которому это брренное тело уже нипочем, и даже кости не застрянут в дырявых зубах. И тогда, обгладывая его по кусочкам, она будет владеть им, терзать, обладая всецело.

– Господин Клейзмер?

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я подумал над вашим предложением, могу добавить еще пять тысяч – это очень хорошая сумма. Подумайте!.. Вы меня слышите? Алло! Вы согласны?

– Вам нужно сменить алгоритм и идти совсем другим путем. Ваша арифметика по своей сути некорректна. Так у вас ничего не получится. Подумайте-ка еще. Я буду ждать вашего звонка.

И он снова положил трубку.

А она уже становилась огромной зеленой жабой, меняя цвет, уже длинной гиеной готовилась совершить прыжок... Нет, не так. Так не интересно! Теперь огромная корова маячила, зависнув в воздухе, как надувшийся стратостат. Сейчас этот тип закончит разговор, положит трубку, и можно

будет начинать. Хотя, чего ждать – можно прямо сейчас...

– Господин Клейзмер?

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я посоветовался с моим руководством. Мы идем вам навстречу. Тридцать тысяч долларов! Это огромный гонорар за такое интервью!

– Вы снова на ложном пути. Вы изначально неправильно решаете уравнение. Вы... как вам объяснить, соотносите кирпичи с помидорами, а котлеты с пчелами, – и он почесался от укола в щеку, но, уже не обращая внимания, продолжил, – переменные должны быть однородными. Попробуйте еще раз и обязательно перезвоните...

А щека уже горела от ядовитого укуса...

– Подождите! Не вешайте трубку! Я не могу дать вам миллион за ваш неполученный миллион! Я не виноват в том, что вы его не берете! Такая информация этих денег не стоит! Я понимаю, вы хотите получить намного больше!

– Вот! Намного больше, – обрадовался Клейзмер, – в каком-то смысле вы правы. Хорошо! Уже ближе. Но все равно, подумайте еще и обязательно перезвоните. До свидания...

Он снова повесил трубку.

Оса величиной с корову! А какое у нее жало! Какой удар,

когда ты заваливаешь жертву, пронзаешь острым копьём, и кровь брызжет из рваной раны, заливая красным соком все вокруг, но тебе этого мало! И тогда ты начинаешь вращать его, проворачивать, разрывая органы на части. Проникать все глубже и глубже, терзая уже безжизненную израненную плоть...

– Господин Клейзмер?

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я поговорил с руководством, подумал и понял одну простую истину – вы, господин Клейзмер, просто придурок! Самый настоящий придурок! И это все, что я могу сказать!

Копье вонзилось и прожгло острой болью его беззащитное тело...

– Вот! Наконец! Вы сами решили эту простую задачку, и не нужно было никаких денег! До свидания, господин Бобрин, – и Клейзмер повесил трубку.

Потом его рука начала увеличиваться в размерах, стала огромной, как лапа динозавра, и своей чешуйчатой пятерней легко ударила по щеке... по израненной щеке. И оса-корова, не ожидая такого, расплющилась, растеклась по лицу, забыв о своих похотливых желаниях, а желания ее стали плоскими

и безобидными, и оса тоже стала плоской.

«Придурок» подошел к окну. Оно было широко распахнуто, а за ним начинался бесконечный удивительный мир, который он доказал. Его борода развевалась на ветру, шевелюра шелестела черным взъерошенным садом, а глаза горели и пронзительно смотрели вдаль... Или куда-то еще... Так почему же он не делает этот шаг, зачем ждет чего-то? Ведь он открыл его! Ошибки быть не могло!.. Вот, только жаль, что ОНИ не поймут. И никому этого не объяснить. Только он один и этот порог, через который так хочется переступить. И какая-то сладостная мука от шага, который он сделает... скоро, очень скоро, обязательно сделает... разлилась по всему телу. Только жаль, что они не поймут.

– А этот тип не так уж беззащитен, – подумал телефон, намереваясь ему позвонить. Но одумался. Мало ли что?

Леонидов стоял у окна и смотрел вдаль. Было жаркое лето. Было хорошо и спокойно. Он поступил правильно. Иногда нужно что-либо сделать, а иногда ничего не делать, и тогда ты окажешься прав. Как просто было подмахнуть ту бумагу, оставив рукописи, и гори все огнем. И загорелось бы, запылало в умелых руках «классных специалистов». Стирались бы строки и страницы, люди, им придуманные, их лица и судьбы. На них с Галей тоже надевали бы другие наряды, постепенно сделав их другими. Они переписали бы его

книги, переписали два года его жизни и заплатили бы за это. За каждый месяц и день, за каждую строчку.

С тебя медленно снимают кожу, свежуюют, меняют мозги. «Кое-что». Немного, «чуть-чуть». И ты становишься «чуть-чуть» другим. Небольшая пластическая операция на мозгах и в душе. Пластика души! Душевная пластика!

Они изменяют тебя, жизнь, заберутся в твою кровать и там тоже будут «кое-что» менять и редактировать. Галя окажется совсем голая как на операционном столе. Они вдвоем будут лежать рядом во время этой операции целых пять лет, и пять лет яркий свет будет слепить глаза, а они под наркозом, который будут выплачивать ежемесячно, разрешат отрезать от себя понемногу... или «добавлять».

– Можно убрать селезенку!

– Как селезенку?

– Вы же подписали договор! Ничего страшного, можно и без нее, другие живут! Еще можно отрезать легкое!

– Но!

– Есть второе легкое, вы не волнуйтесь! А здесь мы укоротим нос и подрежем губы. Так будет лучше, намного лучше, не волнуйтесь! Все по договору! Теперь приставим костыли и укоротим ноги, все четыре ноги. Теперь вставим сердце от свиньи. В наш высокотехнологичный век мы заменим все, и вы станете идеалом, символом для многих! И равняться будут на вас, и завидовать! Просто мы подкорректируем! Немного. «Кое-что». Чуть-чуть!

И любить друг друга они тоже теперь будут на этом столе под наркозом по договору, и жить тоже. Им немного, «чуть-чуть», изменят биографию, может быть, дадут новые имена, псевдонимы. Потом будут водить пером, приглашая на праздник, который они придумали. И на этом празднике соберутся все в удивительных нарядах и будут праздновать победу нового автора, новый бренд. А люди снова будут читать и аплодировать. Аплодировать, потому что сравнить больше не с чем. «Разве вы не знаете, так работают все?» Как жаль, что они так и не поймут и не узнают, что же им хотели сказать...

– Этого не будет! Не будет! – подскочил он в ужасе.

– Нет, нет, не будет... Тихо!.. Все хорошо... Это сон...

Просто дурной сон!

Он лежал на скомканной простыне, на изумленной кровати, а Галя держала его за руку. Было темно и никакого пронзительного света. Никаких скальпелей или других хирургических орудий пыток. Кроме нее, здесь пока не было никого.

– Господи, как хорошо, что ты у меня есть, – Леонидов медленно приходил в себя.

– Спи. Все будет хорошо.

– Да, будет. Все будет...

Как это удивительно и здорово, как весело, как будоражит воображение, меняет сегодняшний день и жизнь. Как интересно начинать новое дело! Свое! Когда тебе всего сорок с небольшим, а ты чувствуешь себя мальчишкой, потому что позволяешь придумать в своей жизни что-то еще! Что-то новое!

– Леонидов, ты абсолютно прав. Мне бы твою интуицию. Как я сразу не разглядела этого издателя. Чем мы хуже его? Мы что, не можем сами создать писателя, не можем раскрутить его, тем более, он у нас есть! Мы не можем сделать свое издательство? Ерунда! Мы живем в замечательное время в замечательной стране, где простой грузчик может стать уважаемым издателем! Чем мы хуже грузчика? А у нас есть главное...

– Костюмы от Медильяне! – пошутил он.

– Нет! Можешь не иронизировать! Они тоже пригодятся, но немного позже... Главное – книги! А они уже написаны!

– И лежат в электронном виде в компьютере! – засмеялся он.

– Ты совершенно прав! Пора издавать свои книги! Грузчик печатает чужие, а мы свои! Будем печататься!

– Галя, скажи, а у тебя никогда не возникало желания прочитать что-нибудь? Хотя бы одну из моих книг?

– Потом, Леонидов! Потом! – засуетилась она. – Не сейчас, Леонидов, у нас масса дел!

Но приостановила на секунду свой ретивый галоп и мягко добавила: – Прочитаю! Обязательно прочитаю! Но сначала напечатаю их!

И снова ее закружило в безумном вихре, в водовороте идей, куда уже затягивало не раз. А он только смеялся, совсем не обижаясь. Обижаться на нее было невозможно.

– «ИЗДАЕМ И ПРОДАЕМ». Вот наш ближайший план! – прочертила она в воздухе этот пока лишь нарисованный в ее воображении плакат. Но он уже искрился, сверкая в свете ее блестящих глаз, в потоке безудержной энергии и фантазии.

– Что бы я без нее делал? – подумал Леонидов.

– Я провела небольшой маркетинг и вот результат, – она загадочно на него посмотрела: – Сотни фирм, маленьких издательств, типографий занимаются настоящим делом! Представляешь! Сегодня ты можешь без цензуры, без всяких разрешительных и запретительных контор и отделов так называемой культуры принести свою рукопись в такую фирму и через несколько дней получить тираж! Более того! Слушай внимательно! «Издаем и продаем». Все они занимаются, безусловно, полезным делом. И если ты напечатался у них, они с легкостью начинают продавать твои книги. А это – главное! И ни от кого не зависишь! Никаких эксклюзивов и договоров! Ты не закладываешь себя в ломбард! Пишешь и печата-

таешься, снова пишешь! Потом весь тираж продан! Ты заработал на разнице кучу денег и потом эту кучу...

– Едешь на край света и швыряешь ее на ветер!

– Нет! – гневно воскликнула она. Всю кучу ты вкладываешь в новую кучу, но уже книг, снова печатаешь, снова продаешь, и так, пока спрос на них не уляжется. Пока ты не забросаешь все книжные полки в домах любимых читателей. А к тому времени наваяешь новые шедевры! И так до бесконечности!

Глаза ее горели! Она была в восторге. Как это просто, имея небольшую сумму, открыть целое дело, а дальше работать, больше не думая ни о чем, кроме своих книг. Как замечательно продавать не чужое, а свое! Потому что это твое у тебя есть!

– ДЕЙСТВУЕМ!

Теперь они шли по новому коридору... коридорчику, где на каждой двери были вывески разных фирм.

– Вот, – произнесла она, – здесь!

«ИЗДАЕМ И ПРОДАЕМ!» – было начертано на ней!

Они вошли в дверь. Небольшой кабинет, в нем двое мужчин, а вокруг книги, книги... Тысячи книг окружали их, и эти двое казались маленькими, заблудившимися детьми среди нагромождения. – Вот! – подумал он. – Здесь, пожалуй, люди занимаются настоящим делом! Пусть этот кабинет находится не в самом центре Москвы или страны, а на окраине,

но здесь книг в сотни раз больше, чем в издательстве, откуда они сбежали. Храм книг! Вот как он должен выглядеть! Вот кто делает настоящее дело и печатает настоящие живые, книги, а не подделки.

Договор оказался всего лишь на страничку, и в нем почти ничего не было, а главное, никаких обязанностей для автора и эксклюзивов.

– Никакого эксклюзива? – тем не менее, грозно спросила Галя.

– За кого вы нас принимаете? – вежливо ответил маленький издатель. – Конечно, никакого.

В договоре было всего два пункта: Первый – ИЗДАЕМ. Второй – ПРОДАЕМ. Даже Галя не стала изучать его. Изучать там было нечего. Разговор не занял много времени.

– Через три недели вы можете получить ваш тираж, – сказал маленький издатель, пересчитывая деньги.

– Получить? – спросила она. – Он нам не нужен. Вы же будете его продавать!

– Ну, я в том смысле, что... посмотреть,... поддержать в руках и расписаться. А потом мы будем продавать! Конечно, будем, – и он обернулся на горы книг.

– Расписаться? Да, расписаться. Конечно, – успокоилась Галя.

– И никаких длинных договоров, дорогих костюмов и галстуков, – думал он. – Ребята в футболках и джинсах делают свое дело. Настоящее ДЕЛО! Вот каким должен быть Храм

книг. Все просто!

Теперь они шли по короткому коридору, коридорчику, и глаза его светились. Уже не болото, не вязкая топь, а широкое озеро расстилалось вдалеке. На поверхности один за другим появлялись маленькие бугорки – островки, на которых росли крохотные деревья, покрытые сказочными цветами и листвой. Прямо на глазах на волшебных ветвях вырастали прекрасные плоды. Райский сад! А между островками плавали люди. Они причаливали к дивным берегам, срывали прекрасные плоды, клали их в лодки и уплывали. А на смену им появлялись другие.

Вот так его книги, его и таких же, как он, будут попадать к людям, в их лодки, на полки. А если плоды покажутся кислыми и невкусными? Значит, люди выбросят эту дрянь и не станут читать.

9

С другом они встречались «часто» – один-два раза в году. С тем самым другом, с которым вместе учились когда-то, но потом дороги разошлись. Друг остался верен профессии, а он ушел в бизнес на целых пятнадцать лет. И все эти годы они «часто» встречались – один-два раза в году. Трудно представить себе место, где им было бы удобнее посидеть, спокойно поговорить, обсудить планы. Каждая такая встре-

ча была возможностью посмотреть на себя в зеркало со стороны, сказать то, что думаешь. И место должно было соответствовать. Может быть, это был ресторанчик или пивная, а может, какое-то другое заведение в самом центре Москвы. В любом случае, они сидели за бесконечно длинным столом. Длинным, потому что всегда можно позвонить старым друзьям, и те непременно придут. Здесь можно было говорить громко, вставая со своих мест, широко жестикулируя, что-то показывать. И чтобы постоянно подходил официант, меняя пустые кружки с пенным напитком на полные. И, конечно же, в этом месте можно было сидеть бесконечно долго.

Что можно делать столько времени, они не знали, о чем говорили, не помнили, потом вспоминали, удивляясь, держась за больную голову. Иногда эти встречи начинались в полдень и затягивались до глубокой ночи. Они могли находиться там почти сутки, о чем-то говорить, спорить, доказывать, кому-то звонить, строить грандиозные планы.

Это место напоминало палубу огромного корабля, который собирался отправиться в далекое плавание, но почему-то пока стоял у причала на якоре. Но ветер перемен уже трепал паруса, и салфетка в руках официанта, развеваясь, как флаг, едва не улетала в открытое море... А может быть, в океан... Шум волн за бортом, порывы непокорного ветра и азарт встречи заставляли говорить все громче, темпераментнее. Нервно переворачивались, шевелились в своих постелях или жизньях, пиджаках или в ночных халатах те, о ком

они вспоминали. Целые каналы телевидения, самые крупные издательства замирали, понимая, что сейчас решается их судьба, их будущее. Решаются самые главные, глобальные, можно сказать, фундаментальные положения, на которых стоят такие гиганты как документальное кино или современная литература. Да, что там современная, вся классическая литература и кино за столетия существования. Хотя, разве кино существует столетия?... Это не важно! Главное, каким будет это кино и жизнь людей в целом! Вот такое место в самом центре Москвы служило им для встречи. Какая же это пивная или ресторан? Палуба огромного лайнера – не иначе. А на ней эти двое – смотрящие вдаль.

– Старина! Рождается грандиозный проект под названием Театральный канал. Министр скоро выделит деньги, и мой документальный фильм о театре будет показан в день открытия в прайм-тайм!

– Прайм-кто? – переспросил Леонидов.

– Не важно, кто. Главное, будет показан первым! И канал этот станет первым! – и он поднял свой бокал.

– За тебя, Петров! За тебя, старина, за ваш канал!

И они выпили.

– Конечно, пришлось вложить деньги. Не без этого. Несколько тысяч долларов. Но как только канал заработает, все окупится! Обязательно окупится!

Леонидов с восхищением посмотрел на друга, который

уже двадцать лет работал неизвестно где, неизвестно кем, но трепетно и терпеливо ждал своего часа. И теперь вложил все скромные сбережения в этот фильм.

– Главное – Театр!

И они снова выпили.

– А зачем ты выкинул деньги на свои книги? – спросил тот. – Подписал бы договор и был бы сейчас известным писакой? Богатым писакой!

– Переписанным писакой или литературным рабом! – ты прав.

– Наступи себе на горло, старина! Так работают все, – и ехидно улыбнулся.

– Ты же вложил свои деньги в фильм, не стал дожидаться, когда откроется канал.

– Ну, уж нет! Театр – это святое! Театр – это театр! К тому же, мой продюсер пообещал, значит, все вернут, обязательно вернут! Все окупится! Главное театр!

– Театр! – и они снова выпили.

– Так что, мы с тобой теперь товарищи по несчастью!

– По счастью! Открываем свое дело на собственные деньги!

– Дело! За дело!

Дельфины за бортом резвились, подплывая совсем близко. Им тоже хотелось узнать о новом канале и новом писателе, о том, что нового у этих людей и чем они живут. Паруса

просились в дорогу вслед за ветром. А ветер уже надувал их нетерпеливой трепетной силой, звал в неизведанные дали, где только плеск волн и солнце ласкает утренними лучами бескрайний океан. Оставалось только сняться с якоря.

– А кому ты платишь, Петров? – спросил Леонидов. –
Взял камеру и иди снимай.

– Как кому? – удивился тот. – Оператору заплати? Заплати! Монтажеру тоже. Осветителю заплати. Машину возьми напрокат. Композитору! Нашел классного композитора, раньше был звукооператором. Теперь пишет музыку – берет недорого. Сценаристу заплати? Заплати!

– Сценарист кем был раньше?

– Сценарист? – задумался он, – сварщиком! – и засмеялся.

– А оператор?

– Оператор – фотографом. А художник по свету – электриком! – уже хохотал он. Леонидов тоже хохотал.

– А грузчиком никто у тебя не был?

– Грузчиком? – засмеялся Петров, – грузчиком был я. Закончил театральный и двадцать лет был грузчиком, а теперь режиссером! – и снова захохотал.

Леонидов тоже смеялся, потом встал и торжественно взял слово:

– Мы живем в прекрасное время, в прекрасной стране, где электрик становится художником, а звукооператор композитором, фотограф оператором! А сварщик может стать

сценаристом...

– А режиссер грузчиком! – перебил, хохоча Петров.

– А режиссер – бизнес-крысой! – добавил Леонидов. – Так выпьем за то, чтобы грузчик снова стал режиссером, а крыса писателем!

Якорь сам собой поднялся из воды, и последние капли упали на, раскаленную от солнца, палубу. Официант вместо салфетки сам завис в воздухе, развеваясь на ветру белым флагом в черных брюках, а на голове его лихо сидела фуражка моряка. Он уцепился одной рукой за рею, а другой аккуратно подливал в бокалы пиво, и пена летела во все стороны. Корабль гордо, уверенно отошел от причала, поплыв по волнам. И куда его занесет этот ветер, было непонятно. Что ждет его на пути – оставалось загадкой. Но этим двоим было все равно. Главное плыть!

10

Это было для Леонидова потрясением! Он смотрел, не отрываясь, на коробки с книгами и не мог прийти в себя.

– Распишитесь здесь... и здесь...

Он на ощупь водил рукой по листу бумаги, ставя подпись и продолжая смотреть на книги. Потом бережно взял одну. Легкая, невесомая, волшебная тетрадка, на ней было название его первой книги, на обратной стороне фотография и

его имя. Раскрыл ее, и месяцы работы, безумного, безудержного труда восстали из памяти. Они были в каждой букве и строчке, на каждой странице. Вот его придуманные люди, они, переходя со страницы на страницу, взрослеют, меняются их жизни, судьбы. Вот финал, и человек, сняв надоевшую обувь, бредет по берегу, и песок запоминает каждый его шаг. Потом океан стирает их, и они растворяются. А человек все идет и идет...

Леонидов закрыл книгу, бережно положив ее в коробку. Точно такое же чувство у него было, когда появился на свет его сын. Он летел через весь город к родильному дому, потом долго стоял под окнами, наконец, в ее руках увидел его, и солоно-горькая нежная радость заволокла глаза и комом стояла в горле. Он смотрел и не мог отвести глаз. И теперь так же стоял и смотрел.

– Вы заберете какое-то количество экземпляров? – спросил маленький издатель.

– Заберу? А разве можно?

– Ну, конечно же, можно! – ответил тот. Он был, словно тот врач из роддома, спокойный и уверенный, уставший от работы, равнодушный и вежливый. Каждый день через его руки проходят малыши. Десятки маленьких людей. Он уже не удивляется ничему. Интересно, если у него родится сын, что почувствует он? И почувствует ли?

– Можно, можно, – ответил тот, – берите, сколько хотите! Они ваши! Берите, хоть все!

– Как все? – отпрынул он. – Что же вы будете продавать? Что пойдет в магазины?

– Берите сколько хотите, – повторил маленький издатель, – и распишитесь в получении...

Леонидов взял десять штук,... нет, двадцать, расписался и подумал:

– Интересно, когда я забирал сына из родильного дома, тоже расписывался? Не помню,... уже не помню...

– До свидания, – попрощался маленький издатель.

– А дальше..., – спросил Леонидов, – когда вы их продаете? – и вновь посмотрел на коробки с книгами. Он смотрел, понимая, что больше их никогда не увидит. Они пойдут в магазины, потом перейдут на полки к людям, и он потеряет их навсегда. Но ведь для них он писал! Он делал это для людей! Тогда, какого черта? И все равно было жалко прощаться с ними, расставаясь навеки,... навсегда...

– Звоните, – равнодушно сказал маленький издатель, – через месяц, через два. Сейчас мертвый сезон. Лето.

– Как, – удивился он, – а что, летом книги не читают?

– Летом их не покупают, – грустно сказал издатель.

– Потрясающе, – подумал он. И уже вслух повторил: – Значит, звонить через месяц?

– Звоните, звоните, – повторил издатель, и они попрощались.

Он шел и думал: – Летом книги читают, но не покупают! Как такое может быть? А, может и дети летом не рождаются,

только растут те, которые уже куплены... , то есть, напечатаны... , то есть... Тьфу! – и голова шла кругом.

Но голова прошла, теперь можно было собраться с мыслями, сосредоточиться и писать! Только писать.

11

У собак есть странная особенность. Может быть, не только у собак, но и у других животных, но они должны быть обязательно хищниками. Так вот. Собаки не переносят страха по отношению к себе. Собаки сами по себе смелые животные, и такое трусливое поведение выводит их из себя. Такое недостойное поведение! И если они чувствуют, что человек боится, непременно накинутся. Почему-то это заложено в их инстинкте. Кто это сделал, зачем, мы не знаем. За ответом пожалуйста к господину Дарвину или Господу Богу – смотря, в кого вы верите больше. Так вот, эти собаки спокойно проходят мимо людей, вежливо, иногда даже заискивающе помахивая хвостами, но стоп... этот явно боится, он трусит, он трус! И тут начинается! Так обстоит дело с собаками. Но если собаки похожи на людей или уже почти стали ими. Или наоборот, были людьми, но превратились в собак или других хищников – все становится намного сложнее. Инстинкт неприятия боязни для них сохраняется и почти всегда служит причиной агрессии и даже насилия. Так устроен человек. Этот инстинкт общий для всех хищников. Но больше

всею такого человека-собаку раздражает непонимание. Если он чувствует, что не понимает кого-то, этот кто-то непременно начинает его раздражать и даже бесить. И тогда он опять начинает бросаться. Наверное, так самая обыкновенная собака превращается в бешеную.

Клейзмер шел по улице, и стайки собачонок преследовали его. Это были разные собачонки: просто дворняжки, попадались метисы, которые походили на какую-то породу, а иногда за ним следовал красавец – породистый пес – кобель или сучка. Дворняги слабо тявкали и быстро отставали. Но эти кобели, эти сучки! Они вели себя, как настоящие элитные псы, хрипели, пена стояла у рта, лапами упирались в асфальт, норовя укусить и даже разорвать, становились в стойку, готовясь к решающему прыжку, чтобы вцепиться в горло!

Они разыскали его! Они отобрали у него город и улицу, не давали спокойно добраться до магазина или просто пройти по скверу или парку! Остальные граждане шли мимо, не обращая внимания на этих псов. Они были нормальными, понимаемыми и не трусливыми людьми, поэтому не интересовали лающую свору, но этот человек!

И теперь он предпочитал общаться с ними только по телефону. Нет, он не боялся их. Может быть, даже хотел с ними поговорить, всякий раз с надеждой снимая трубку, но всегда слышал одно и то же. И все как-то не получалось. Он быстро проскальзывал по улице со своей авоськой, забегал в дом, в

подъезд, куда путь им был заказан. Но стоило открыть дверь в квартиру, все только начиналось.

– Господин Клейзмер! Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Журналист Собакин.... газета «Собачьи новости»....

Интервью для нас.

Все как всегда просвистело, пролаяло одной короткой, жизнерадостной фразой.

– Господин, Клейзмер! До нас дошла удивительная новость! Вы получили от Математического института премию в миллион долларов!

– Да, получил!

– Но вы не взяли ее!

– Не взял.

– Почему?

– Вы все равно не поймете, – с сожалением отвечал он. – До свидания, – и вешал трубку. Но телефон, не долго думая, начинал звонить снова:

– Господин Клейзмер, журналист Собакин. Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Но, почему я не пойму? – возмущенно хрипела мембрана в ухо.

– Потому что я не могу вам этого объяснить. До свидания.

И опять вешал трубку. Телефон весело звонил снова. Он уже полюбил эту ежедневную игру. Многие годы он молчал,

но сейчас разминал свои старые кости, работая за двоих:

– Господин Клейзмер, журналист Собакин. Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Но, почему вы не можете мне этого объяснить?

– Потому что вы не поймете, – и снова клал трубку.

– Господин Клейзмер, журналист Собакин. Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Господин Клейзмер, мне еще долго вам звонить? Может быть, вы ответите на мой вопрос? Ответьте, и я оставлю вас в покое!

– Звоните, сколько хотите, – ответил Клейзмер.

– Но почему?

– Вы не поймете, до свидания.

– Господин Клейзмер, журналист Собакин. Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– А зачем вы снимаете трубку? – устало спросил журналист Собакин.

– Я не могу вам этого объяснить, – спокойно отвечал Клейзмер.

– Но почему? – заскулил Собакин.

– Потому что вы все равно не поймете. До свидания.

– Господин Клейзмер! Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Господин Клейзмер, журналист Лайкин, газета «Собачья радость». Интервью для нас.... А почему вы не бреете бороду?

– До свиданья.

– Господин Клейзмер, журналист Степа, газета «Сахарная Косточка», а почему вы не стрижете ногтей?

– До свидания.

– Гоша! журналистка Жули, а почему вы не стрижетесь?

– До свидания.

– Гоша, здравствуй! Тяпкин. А почему ты не женат?

– А почему вы не уедете в Америку?

– Зачем вы ходите в филармонию?

– Почему вы любите собирать грибы?

Он стоял и смотрел в окно. Стайка собак, задрав морды, с любопытством смотрела на него, махала хвостами и поскуливала, пуская слюни. Вдалеке ехал трамвай, шли люди, дымились трубы завода. Там, дальше, золотые купола венчали верхушку Собора, а над ней вились стаи птиц, а еще дальше...

– Почему вы не спросите меня, что я доказал? Не спросите о том, что я понял? Что знаю? Что дано понять каждому? КАЖДОМУ! Придурки. Стайка придурков!

Леонидов сидел у компьютера и пытался сосредоточиться. Где-то далеко сейчас лежали его напечатанные книги, тысячи книг, они развозились машинами из маленького офиса по магазинам и киоскам Москвы. Устраивались поудобнее на полках, ожидая, когда же на них обратят внимание, когда купят?! Даже не в том дело, что купят, главное, что их

будут читать, а, значит, наконец, услышат его слова, мысли. Он не верил, что у книг есть мертвый сезон. Это не кондиционеры или мороженое, не арбузы или обогреватели, всем этим вещам есть свое время и свой сезон. Но может ли быть мертвым сезон для книг? А значит, где-то сейчас шагает человек с раскрытой книгой в руках и читает первые строки, продвигаясь все дальше и дальше. Они ведут его за собой, помогают перейти улицу на светофоре, не дают споткнуться, упасть. Снова ведут... А он сидит, думает об этом и не может сосредоточиться.

Звонок пришелся очень кстати. Телефон убедительно высвечивал имя Петрова, он снял трубку, и шум морского прибоя стремительно вырвался из динамиков. А на губах ощущалась соленая пена морских волн.

– Старик, привет, – скромно поздоровался тот.

– Привет, – ответил Леонидов.

– Не звонил тебе неделю – ты тогда... нормально добрался домой?

– Скорее, доплыл, – засмеялся он. – Качка была большая.

– М-да, – задумчиво пробормотал Петров. – Палуба явно накренилась. Морская болезнь мучила не одну милю.

– Ты хоть помнишь, где мы были? – спросил Леонидов.

– Надо вспомнить, – задумался Петров, – обязательно надо. Отличное место! Будем туда захаживать.

Они немного помолчали, тщетно пытаясь вспомнить. В голове лишь возникал образ официанта, почему-то висяще-

го на реке, флагом развевающегося на ветру. Вспоминалась его морская фуражка, в руке была бутылка пива, из которой он подливал в бокалы.

– Да, хорошо посидели, – первым очнулся Петров, – правильно посидели... Я что звоню, – продолжал он, – помнишь девчонку с нашего курса... Алку... Аллу... Ну, Аллочку.

– Ну, помню! Конечно, помню, – сказал Леонидов.

– Значит так, – повелительным тоном продолжил Петров. – Сейчас ты записываешь ее номер и звонишь.

– Позвоню, конечно, позвоню, почему бы и не позвонить – не общались лет двадцать...

– Ты меня не понял, – перебил Петров, – ты знаешь, кто ее муж?

– Нет, – ответил Леонидов.

– Известный московский издатель популярного и очень крупного издательства в стране. Соображаешь?

Молчание повисло в воздухе.

– Так,... не соображаешь, – грустно сказал Петров. – Ты звонишь и просишь свести тебя с ее мужем.

– Зачем? – удивился Леонидов.

– Зачем? – повысил голос Петров, – а затем, что тебе нужно нормальное издательство, если у тебя нет знакомств и связей, ты не писатель, а жалкий писака.

– Но, я уже сам напечатал несколько тысяч книг, и они скоро будут продаваться.

– Продаваться, – пробурчал Петров. – Записывай телефон

и звони, хуже не будет.

– Не будет, – согласился Леонидов, – хуже, конечно, не будет, – подумал немного и добавил, – а почему ты думаешь, что она станет мне помогать?

– Ты с ума сошел? Что ты несешь? Это же была одна компания! Ты помнишь наш курс? Помнишь спектакли? Да ближе этих людей по жизни никого и не осталось! Еще как поможет – вот увидишь! – сурово закончил он.

– Кстати, как твой фильм, как канал, все по плану? – спросил Леонидов.

– По плану, – проворчал тот, – снимаю. Министр пока денег не дает, снимаю. Прорвемся! Куда мы денемся!

– Что-то ты не в духе, – забеспокоился Леонидов, – у тебя все в порядке?

– Да, нормально... Короче, ты меня понял? Давай, звони. И продиктовал номер телефона.

Леонидов снова попытался сосредоточиться на тексте, но вскоре оставил это бесполезное занятие. Телефон, записанный на бумаге, лежал перед ним на столе и сверлил цифрами.

– Почему бы и не позвонить? Петров прав. Если бы позвонила она или кто-нибудь с курса, он все бы сделал для каждого из них. Вполне естественно. Даже любопытно. Почти двадцать лет прошло.

Из телефонной трубки повеяло весной, восьмидесятыми, безоглядной молодостью и влюбленностью. Влюблены тогда

были все. Могло ли быть иначе в театральном институте?

Голос ее совсем не изменился, он был низким и нежным, бархатным и молодым.

– Леонидов, ты?! Как ты нашел меня? Где ты пропадал столько лет?

– Почти двадцать...

– Двадцать? Ты хочешь сказать, что я такая старая? – и засмеялась.

Весна! Прекрасное время года, удивительное и незабываемое воспоминание в жизни каждого, кто через нее проходил. Исчезают, растворяясь в талой воде холода и зимние сугробы. Тают норы и лежбища, где хотелось переждать непогоду и ледяной застой. И вот она капелью будит тебя, заставляет забыть о прошлом, вчерашнем, забыть обо всем. Весна! Она пьяно шатается по городу, перебегая через улицы и площади, бесстыже заглядывает в окна, шевелит ветки деревьев, помогая им встрепенуться и вспомнить о чем-то, она светит яркими лучами, заставляя сердце биться чаще и смелее, тащит тебя переулками и подворотнями невесть куда. Вращает в водовороте шумного города, который тоже, кажется, сходит с ума. И ты тоже сходишь. Сходишь с ума, обещая вернуться, обязательно вернуться, только немного позже, потом. А пока она ведет тебя за собой, уносит, и ты совсем не противишься, потому что тоже этого хочешь. Хочешь всего!

Они говорили уже целый час, а за окном жаркое солнце напоминало о юности, учебе и далекой весне.

– Петров сказал, что ты теперь жена крупного издателя? – наконец спросил он.

– Ха! Крупного! Самого крупного издателя! Миллионы книг в год! Вот так, Леонидов! Жизнь идет вперед. Жизнь не стоит на месте! А ты чем занимаешься?

– Кстати, хотел к тебе обратиться, ... к твоему мужу, если ты не возражаешь, конечно.

– А что случилось, Леонидов. Зачем тебе мой муж?

– Я написал несколько книг, хотел показать профессионалу, и вообще, поговорить.

Она на минуту задумалась. Помолчала.

– Фу, черт, Леонидов! С тобой совсем потеряла голову! Мне же бежать за ребенком на кружок! Давай! Давай созвонимся позже!

Она уже летела с невероятной скоростью. Ветер свистел в телефонной трубке, и Леонидов едва за ней поспевал. Ветер теперь был совсем не весенним, а горячим, по-летнему знойным. Трубка в руках раскалилась и начала плавиться. И он тоже уже плавился на этой жаре, на бегу, едва за ней поспевая. А она все мчалась, не замечая никого.

– Так я могу показать ему свои работы? – сумел догнать он ее и, запыхавшись задать вопрос. А ветер все свистел, но она все-таки услышала.

– Да! Конечно, Леонидов! Какие могут быть вопросы? Присылай на мою почту, я ему передам! Поможем, конечно, поможем! Леонидов, давай присылай! Пока, пока, пока! – просвистело на прощанье.

Он бросил горячую телефонную трубку на письменный стол и долго еще смотрел, как она светилась красным огнем, остывая. А весна, прикрыв глаза, растворилась в вечернем знойном воздухе. И все-таки она была эта весна! Точно была! Как хорошо, что она была! Леонидов еще долго сидел и смотрел в окно. Думал, вспоминал, и больше сегодня не написал ни строчки.

12

Ангел уверенно вел его за руку по жизни. Книги его стояли в разных магазинах Москвы. Алла, наверное, уже прочитала его рукописи, а ее муж, крупный издатель, скорее всего, уже готовил для него договор – «правильный» договор, чтобы новый писатель мог, ни о чем не задумываясь, просто работать, писать, делать свое дело. Ангел был доволен им, а писатель своим Ангелом и Галей тоже. И такой тройственный союз их радовал, казалось, жизнь перевернулась, жизнь наладилась, стала такой, какой и должна быть, если ты талантлив, а рядом с тобой такие люди.

Прошел месяц с того момента, как он попрощался со своими книгами навсегда. Книги за это время проворно разбе-

жались по магазинам, по книжным лавкам, и теперь эти трое отправились их навестить. Сначала Леонидов просто хотел позвонить в издательство, но Галя настояла на таком походе, и теперь они прогуливались втроем, переходя от магазина к магазину. Втроем, потому что Ангел теперь был рядом. Он ни на минуту не желал его покидать, особенно в такой день.

У Леонидова было двойное чувство. Сейчас они войдут в магазин, он найдет на полке свою книжку, своего младенца, тот с укоризной на него посмотрит, и ему будет неловко. Но с другой стороны – он так хотел найти ее... их! Этого чувства не передать. Так бывает, когда на небе находишь свою звезду, смотришь на воду и видишь свое отражение. А самое удивительное, когда удастся подглядеть, как кто-то держит твою книгу в руках, перелистывает ее, читает...

Ангел прополз уже все полки, но ни одной книги не нашел.

– Проданы! – заявил он.

– Что? – не поняла Галя.

– Что, что? Все проданы – пошли в другой магазин...

– Пошли в третий...

– В четвертый...

Они оделись, как на праздник. На ней был восхитительный летний наряд или, скорее, по такой жаре его полное отсутствие, лишь намек на одежду. Есть одежда, которая совсем не одевает, только намекает или даже раздевает. Но Гале нравилось. С ее фигурой она могла себе это позволить.

Ангел всю дорогу на нее пялился, и ей было приятно. С легкой руки жены пришлось надеть пиджак – мало ли кто узнает. Ангел тоже вырядился, теперь он всегда надевал костюм из того самого магазина. Тогда он успел прихватить кое-что и для себя. И какая бы ни была погода, жара или дождь, не важно, всегда на нем был восхитительный строгий костюм и галстук-удавка. Но сейчас он представлял собой зрелище ужасное – «денди» в шикарном наряде с белыми крыльями за спиной, весь перепачканный, в пыли, ползающий по полкам магазинов с высунутым языком. Ангельский пот лил ручьями, наводняя маленькие лавчонки, а толку никакого.

– Продали! Я же говорю, все продали! – снова воскликнул он, спрыгивая с книжных пыльных небес.

– Я знаю, куда нужно ехать! – воскликнула Галя, отряхивая Ангела. – В самый крупный магазин в городе – Мир Книги!

– В Мир так в Мир, – согласились они.

Длинные галереи книжных полок, сотни метров книжных залов, целые этажи книг! Где-то здесь должны находиться его четыре маленьких детеныша. Четыре крошечных создания, которые затерялись в этой гигантской книжной стране.

– Как мы их здесь найдем? – воскликнул Леонидов.

– Целое кладбище! Братская могила! – проворчал Ангел, оценивая масштаб поиска, закатывая рукава.

– Я подойду к той девушке за компьютером, и через ми-

нуту мы будем держать твои книги в руках, – нашлась Галя.
– Не интересно! – вошел во вкус Ангел, – будем искать!
И снова – полка за полкой, стеллаж и еще один, проход, дру-
гой, третий, секция, отдел, этаж, крыша! А Леонидов стоял
посередине торгового зала, озирался по сторонам и думал:

Сейчас на какой-нибудь полке появится его книга, и он
будет на нее глазеть. Интересно, что он будет чувствовать.
Это как в первый раз отвести своего ребенка в школу, а по-
том издалека наблюдать, как тот совсем один, без родителей,
робко заходит туда; это, как получить его аттестат, взять в
руки его первую грамоту, первую награду. Да, что уж там –
отправить в космос! А потом стоять на этой большой Земле
маленькой черной точкой, песчинкой и с гордостью смотреть
наверх. И вот блеснуло что-то в звездном высоком небе. Это
он! Это его корабль! А ты маленькая песчинка, крошка, точ-
ка, затерявшаяся на планете, а твой сын там, он на недося-
гаемой высоте! Люди идут рядом, поднимают головы, тоже
смотрят наверх. С них спадают шляпы, они топчут их, тол-
каются, но опять идут, ничего не замечая, потому что невоз-
можно оторваться от яркого свечения, от удивительного по-
лета – полета на недостижимую высоту. И если стоит писать
книги, то такие, от которых исходит яркий свет и тепло, и
стоять они должны на высоте полки, благосклонно смотреть
на тебя, как смотрит икона из рамы, как луч пробивается
сквозь окно, как...

– В нашем магазине их не было, – спокойно ответила де-

вушка за компьютером.

– Как не было? – переспросила Галя. Она была потрясена.

– Как не было? – заорал Ангел. Он был взъерошен, ужасно перепачкан и изрядно помят. За это время успел перепахать всю страну книг на животе от полки до полки...

– Не было, – повторила девушка и равнодушно отвернулась.

– А ну-ка, давай, оторви свой зад от стула и пошевели пальчиками толстыми по клавиатуре. Расселась тут, курица! – выдал он. – Устроила насест! Лежбище! – продолжал Ангел. – Чертова кукла! Ты знаешь, что такое написать книгу?! Ты знаешь, как сложно ее продвинуть, отпиарить, отколбасить, ... то есть, отпечатать и принести сюда. А ей лень, видите ли, зад свой поднять...

Он мог говорить все что угодно, она все равно его не слышала, даже не видела, хотя это было к лучшему. Выглядел он ужасно – не по-ангельски. Но то, что она его не видела, Ангела раздражало еще больше! Он уже заскочил на стол, уселся на него верхом, свесил ноги, поставив их на ее белое платье, и начал дубасить девицу по голове.

– Ты будешь работать, курица, или тебе помочь? Или тебя носом твоим гламурным так ткнуть в монитор, что он расплющится? Или твои мозги заплыли тупостью, что уже ничего не соображаешь? А ну-ка, пошла отсюда! Давай, давай! Катись, клуша...

Вдруг он замер, в ужасе уставившись на экран: – Не бы-

ло! – воскликнул он. Потом обернулся на Галю и Леонидова и, прокручивая длинную базу данных в компьютере, снова повторил: – наших книг здесь не было! Точно не было!

Снова уставился на девушку, снял ноги с платья, погладил ее по голове и чмокнул в лобик: – Ладно, пупсик, прости. Это я так, не со зла. А похудеть тебе все равно не мешало бы.

И, спрыгнув со стола, развел руки-крылья от беспомощности.

Потом они ни с чем возвращались домой, и Галя успокаивала его, сегодня он перетрутился больше всех и переволновался, нужно все-таки уметь держать себя в руках, и в крыльях ангельских тоже.

Теперь Ангел выхаживал по комнате, широко жестикулируя-дирижируя, а Галя говорила по телефону, включив громкую связь:

– Я не понимаю, в каких магазинах лежат наши книги – о них никто не слышал! Прошел уже месяц! Целый месяц! Дайте нам адреса магазинов!

На том конце трубки зависло спокойствие и здравомыслие. И некоторая усталость объясняться с назойливыми клиентами.

– Ваши книги давно лежат в магазинах.

– В каких? – хором спросили они.

– В электронных, – ответил уставший голос. – Никуда ездить было не нужно и ничего искать, достаточно было вклю-

чить компьютер.

– В электронных? – тихо переспросила Галя, – почему в электронных?

– Потому что мы работаем с электронными магазинами, – спокойно ответил уставший издатель.

– Но, вы нам не говорили, что работаете только с ними?

– А вы и не спрашивали, – разумно ответил тот. – Но, не волнуйтесь, по договору мы обязаны продавать ваши книги – вот мы и продаем. Какая для вас разница – где продаем?

– И что, нет ни одного магазина, где бы книга лежала, где можно было бы взять ее с полки, полистать, потрогать руками?

– Вы не волнуйтесь, – повторил он. – Миллионы людей покупают книги в электронных магазинах, потом их курьеры доставляют, и они попадают к людям. Те их берут в руки, листают, как вы сказали, трогают и даже читают.

– Да?... Ну, хорошо, – сдалась Галя, – и сколько уже продано таким образом наших книг?

– Сейчас посмотрю, – ответил спокойный голос, и сердца этих трех учащенно забились.

– Тысячу! – заорал Ангел – благо, его не слышали, – Две тысячи! Три!

Он кричал, задирая крылья кверху, махал ими, и трудно было ему не поверить.

– Ни одной, – спокойно ответил издатель.

– Как ни одной? – опешила Галя.

– Вы не волнуйтесь. Книжная торговля – дело не быстрое. Только неделю назад мы смогли их разместить в магазинах, заключить договора. Ждите! Мы обязаны продавать ваши книги, значит будем их продавать... продавать... продавать... – эхом вибрировал его голос, отражаясь от стен.

Галя повесила трубку и воскликнула: – Интернет-магазины! ИЩЕМ!

Она переходила с сайта на сайт, щелкая по клавишам. Наконец Ангел, не выдержав, аккуратно подвинул ее на стуле, и нескончаемая лента потекла над головами:

Один, другой, пятый Интернет-магазины светились знакомыми обложками. Они плыли по воздуху, и длинные аннотации шли следом:

«ЧЕЛОВЕК ОКУНАЛ СВОИ НОГИ В ТЕПЛЫЕ ВОДЫ ОКЕАНА...»

Океан шелестел, набегая настойчивой волной, листал страницы, обложки сияли в этом бесконечном пространстве, где-то сидели люди, миллионы людей, они искали книги и нажимали на клавиши – «купить», «в корзину», «оплатить».

– ЕСТЬ! – устало проворчал Ангел: – Леонидов, мы сделали это! ЕСТЬ!

Десятки магазинов светились электронными обложками, на электронных полках стояли электронные книги, а электронные деньги уже текли в электронный банк. И уже виделось, как настоящие живые курьеры неслись по городу, развозя их по квартирам и офисам, по скамейкам в парках, по

улицам и библиотекам. Люди брали книги в руки, листали, трогали и, наконец, читали.

13

– Созвонимся позже, в другой раз! – вспомнил он последние слова Алки, Аллы, Аллочки. Прошел месяц. Он ей больше не звонил, отослав свои книги на ее почту. Думал, что она прочитает и сама перезвонит. Обязательно перезвонит! А как же еще? Когда? Четыре книги – это немало, несколько дней можно на них потратить. А у нее дети, у детей кружки, масса других дел, муж – крупный издатель, которому нужно уделять внимание, время. Просто, пока не успела, не было времени. Неделя, другая и третья. Но, она почему-то не звонит. И сейчас, спустя месяц, он решил напомнить о себе.

Подойдя к телефону, набрал ее номер. Не рискуя снять трубку, вспомнив, как та раскалилась в прошлый раз, включил громкую связь. Из телефона повеяло шумом города, жарким днем, суетой и, наконец, пронзительный свист летящей ракеты или машины, а может, какого-то другого движущегося аппарата заполнил его маленький кабинет.

– Алло! – в сумасшедшем ритме и безудержном движении расслышал он ее голос.

– А, Леонидов! Ты что ли? – она была очень рада, но снова торопилась. Он тоже был рад слышать ее.

– Как дела? Куда ты пропал? – кричала она, а ветер сви-

стел, вырываясь из динамиков телефона. Наверное, сейчас она совершала прыжок с парашютом, и ей не очень удобно было говорить. Но Леонидов тоже раскрыв свой парашют, летел рядом, даже сумел ухватиться за ее строп. А вокруг парили еще десятки, сотни людей. На мгновение показалось, что он знает кое-кого из них. Один был похож на продюсера Силаева, другой на издателя-грузчика, под парашютом которого балластом висел целый воз книг, и он пулей под таким весом несся к земле. Грузчик продолжал таскать свой груз даже на небесах. Все эти люди находились под красивыми раздувающимися разноцветными куполами, и почему-то в изумительных костюмах и платьях от Медильяне и в строгих галстуках. Абсолютно все. А он в джинсах и майке по такой жаре совсем не соответствовал этой компании. И еще понял, что здесь безумно холодно, а жаркое лето оставалось там, далеко внизу. Он уже замерзал, он покрывался сосульками. Как правы были все эти люди, одевшиеся по такой погоде, непогоде. Пожалуй, в следующий раз, когда он будет ей звонить, придется надеть телогрейку. Нет! – в ужасе подумал он. – Надеть восхитительный костюм, который пока скучал на вешалке в шкафу.

- Ты прочитала мои книги? – пытаюсь перекрыть встречный ледяной ветер, поинтересовался он.
- Книги, какие книги? – удивилась она.
- Мои! – повторил он.

– Ах, да, твои книги... Фу, черт! Ну, да... Твои книги... Леонидов, я не успела! Такая гонка, такая суета! Давай созовимся позже! Я сейчас в такой беготне, таком цейтноте! Позже, Леонидов! Позже! В другой раз. Потом!

А ветер все упрямее бил в лицо, рвал на части маленький скромный купол над головой, унося его далеко в сторону.

– Когда? – крикнул он в последний раз.

– Позже... Потом!.. Через неделю... Через две-е-е-е!.. – летело на прощанье. Наконец, он потерял ее из виду. Десятки, сотни парашютов уже закрывали своими пестрыми куполами, забирая ее с собой.

– Наверное, все они летят за своими детьми на кружки. Летят и торопятся, – подумал он, совсем не обижаясь. – Значит, в другой раз. Позже. Потом. Через две недели.

Он аккуратно приземлился в свое кресло и только теперь понял, как замерз. Околел! Он весь был покрыт инеем и коркой льда, а в руке, как огромный леденец, была зажата прозрачная сосулька. И все равно, он рад был услышать ее голос. Очень рад! А далекая сумасшедшая весна снова подмигнула ему хитрым глазом.

Сразу же зазвонил телефон. Подумав, что это Алка, приготовился опять мерзнуть, хотя, наверное, она уже приземлилась и могла спокойно перезвонить из места, где было тепло и было лето. Но телефон издавал звуки мощных турбин, убедительно высвечивая номер Петрова.

– Привет, старик! – прозвучал уверенный голос. Как дела, как издательский «бизьнесь»?

«Бизьнесь», – прозвучало несколько издевательски, но Петров любил такой сарказм. Иногда это помогает жить.

А шум нарастал. Его друг теперь был не на палубе сверкающего лайнера, корабль его был меньше размером. Не было реи и парусов, зато мощные моторы разрывали тишину, уверенно толкая морскую ракету в неизвестность. Вокруг по-прежнему виднелось бесконечное море или даже океан. А на Петрове был надет морской китель и капитанская фуражка.

Ледяная сосулька продолжала жечь нестерпимым холодом руку, и Леонидов с удовольствием бросил ее в это море. Та зашипела на поверхности голубой волны и растворилась с сожалением, но навсегда. Петров оказался, как всегда, вовремя.

– Ну, как, Алка тебе помогла? – бодро спросил он. – Алка... Ну, Алла, Аллочка?

– Пока нет, – ответил Леонидов.

– Нет? Ты что, ей не звонил, старый скромник? – возмутился Петров.

– Почему, позвонил, – признался он, – отправил рукописи. Просто, она пока не успела. Была занята. Не было времени.

– Ну вот, отправил, – похвалил Петров. – Вот и хорошо. Давай, береги ее, нечего тянуть. Можно раз за 20 лет уделить внимание старинному другу.

– Все будет нормально, – сказал Леонидов. – Поможет. Конечно, поможет. Пока не успела.

– Ну вот, так-то. Вот и хорошо. Таким, значит, курсом, – успокоился Петров.

– Как твой фильм, как министр?

– Все путем, – перекрикивал шум моторов Петров. – Фильм снимаю. Правда, министр денег на канал пока не дает. Ну, и ладно. Пусть не дает. Главное фильм. Главное Театр. Прорвемся.

– Да, прорвемся! Конечно, прорвемся! – согласился Леонидов. – А канала вообще не будет?

– Почему же, – сказал Петров, – будет. Только... другой. «Трижды три» или «Пятью пять» – я точно не помню.

– Канал о Театре?

– Не совсем, – тянул с ответом Петров. – Развлекательный канал. Фильмы, шоу, «мюзика». Ну, сам понимаешь, все как обычно!

– Экшен!? – переспросил Леонидов.

– Точно, экшен! – засмеялся Петров.

– Где же ты будешь показывать свой фильм?

– Найдем! Обязательно найдем. Думаешь, мало людей, которые хотят посмотреть фильм о театре? Миллионы!

– Да, миллионы, – согласился Леонидов и задумался.

– Пришлось уволить сценариста, – продолжал Петров, уверенно, стоя на мостике, широко расставив ноги и крепко держа штурвал, – он получил выгодный заказ и теперь занят

на объекте.

– Заказ на другой сценарий?

– На какой сценарий? На сварку. Он же сварщик.

– Ну и пусть себе варит, – успокоил его Леонидов.

– Да, я тоже думаю, пусть варит. Пусть варит, – согласился

Петров. – Алка тебя не приглашала на вечеринку? – вдруг спросил он.

– Нет, – удивился Леонидов, – какая вечеринка?

– Ну, как же? Да, ты не знаешь! Ни черта ты не знаешь! –

ответил Петров, – у нее теперь собирается весь бомонд.

– А тебя пригласила? – спросил он.

– Нет. Пока нет, – признался Петров.

– Значит, мы с тобой пока не бомонд, – засмеялся Леони-

дов.

– Не бомонд! Это точно – не бомонд! Но, мы еще свое возьмем, старик, еще устроим такую вечеринку, мало не покажется, – и он поправил капитанскую фуражку на затылке.

– Ну, давай, старик, не пропадай, – закончил он. Его голос уже таял и растворялся в реве мощных моторов, а ракета, набирая обороты, мчалась по волнам в бесконечность морских просторов. Неслась в неизвестность, летела навстречу судьбе. Только не было на ней парусов...

– Вечеринка, – подумал он. – Вот почему все эти парашютисты были так одеты. Они летели на вечеринку. Сначала за детьми на кружки, а потом на вечеринку. Это был бомонд. Летящий бомонд в костюмах от Медильяне.

Собаки больше его не беспокоили. Они не исчезли совсем, но совершали набеги временами и поодиночке. И, что самое удивительное, они превратились в жалких дворняжек, которые лаяли все одинаково, издавая одни и те же звуки.

– Господин, Клейзмер! Миллион... Миллион... Миллион...

– Я не даю интервью, – отвечал он.

– Гоша!.. Миллион!.. Миллион!..

– Не даю! Не даю!

– Гоша!.. Ногти!.. Волосы!.. Борода!

– Интервью не даю!

– Консерватория!

– Нет! Нет!

Теперь ему было весело, и он вежливо, пунктуально снимал трубку, чем их злил. Как близок был этот человек – позвони ему и ты услышишь его голос. Обязательно услышишь! Но, как далек он был. Он ничего не хотел объяснять. Он издевался над ними...

Нет, не издевался. Просто эти псы, породистые, знаменитые, холеные и прилизанные, отпиаренные и зубастые, – палец в рот не клади, – стали теперь маленькими и безобидными шавками. В последнее время они так уменьшились в размерах, что, проходя по улицам, он боялся на них наступить.

пить. По телефону голоса их были едва слышны. Лишь какое-то вялое поскуливание. И ему по-настоящему было их жаль. Как они могут изо дня в день задавать одни и те же вопросы? Если они спрашивают об одном и том же, значит, они знают только это? Только это их волнует. Этим они живут! А мир так многогранен! Он так велик! Он бесконечен! Стоит повернуть голову немного в сторону, задуматься, помечтать о чем-то, посмотреть на этот мир другими глазами – своими глазами. Ведь у них остались эти глаза! Богом данные глаза и Дарвиным тоже. У каждого свой взгляд и мысли, свой путь, точка зрения, мировоззрение! Почему он слушает музыку? Потому что ни единая нота не повторяется, а каждая фраза уникальна! Каждая музыкальная история потрясает. Уводит в бесконечность. А нот в октаве всего двенадцать. А нот миллионы, но у каждого музыканта они свои. А у этих всего несколько слов: «Миллион, борода, ногти, волосы... Волосы, миллион, миллион». И живут они, и говорят лишь несколькими словами! И думают! А мир так велик и многомерен. Так сложен, что миллионы слов не объяснят его.

В огромном старинном зале собирались люди. Конечно, десятки камер и журналистов – тех, кто вертится всегда рядом, не без этого, но дело совсем не в них. Сегодня здесь собралась почтенная публика. Ученые со всего мира. Самые высокие умы, великие головы современности. ЭТИМ не нужно прикрывать незнание или невежество костюмами

от великого волшебника и мага Медильяне! ОНИ закончили свой Оксфорд или что-то подобное, получили лучшее образование и теперь учили других. Поэтому тоже сидели в костюмах... от Медильяне. Парадокс? Но все было именно так! Великий маг одел всех! Вся элита, какой бы она ни была, одевалась непременно в его наряды! Почему? Этого не знал никто! Королевские персоны, потомки голубых кровей, лучшие умы, умницы, выдающиеся личности – все собрались здесь! И все были в его костюмах!

Сегодня они пришли чествовать нескольких принятых в элитный Клуб, заслуживших это своим нелегким трудом. Несколько избранных гениев! Такая премия вручалась ежегодно! На планете собирались по крупницам единицы-уникумы, которые попадали в короткий список, и Клейзмер был одним из них! Сюда он не мог не пожаловать. Да и денег здесь не вручали – жалкие несколько тысяч, которые можно истратить на дорогу или на костюм. Главное – ПРЕМИЯ и признание всего человечества! Здесь не было ни собак или пчел, ни других представителей братьев наших меньших – только Люди, Элита, лучшие из Людей. Здесь он должен появиться! Это не то место, которым можно пренебречь!

Кресла для нескольких избранных зарезервированы были в первом ряду. Самые почетные. А вот и табличка «Klazmer» – она бронзовыми литерами отсвечивала его имя. И начинается действие! Король восходит на трибуну и зачитывает речь. Клейзмера пока нет, но сейчас он войдет –

бородатый, нестриженный, с длинными ногтями, прищуренным лукавым взглядом, и непременно в таком же костюме – иначе нельзя! Иначе не положено! Войдет, окинет ряды, и эти люди, знаменитые, заслуженные, великие будут ему аплодировать. А дворец замрет в восхищении, и снимет шляпу свою. И будут аплодировать гению, который своим умом опередил время, приблизив мир к заветной черте. Зал в ожидании замер. Спокойный голос короля продолжает речь, голос его отражается от стен. Сотни лет лишь самые достойные собирались в этом зале. Стены его повидали многих, привыкли ко всему, но этот человек! Этот гений!.. Опаздывает? Нет, задерживается. Гению позволительно всё. Но, только ему.

У старинных деревянных дверей стоят люди, готовые впустить его сюда! Вот уже первый избранный поднимается на сцену, и ему вручают грамоту, уже второй, но Клейзмера все нет! А эти грамоты, эти бумажные свитки, смотрятся как индульгенции, как земной пропуск в Рай! Это не зеленые бессмысленные бумажки, пусть их даже целый миллион! Пусть, развеять их по ветру, и через мгновение о них забудут. ЭТИ забудут точно. Даже не заметят такой мелочи. Не обратят внимания! Но, этот свиток! Его не взять нельзя! Но Клейзмера все нет!

Такого еще не было! Такого быть не могло! Пора бы и честь знать, господин Клейзмер! А его все нет!

Да кто вы такой? Обычный гений! Таких единицы? Таких

вообще нет? Есть места, куда нельзя не приходиться! Может, вы и в последний свой час перепутаете двери и опоздаете! А табличка бронзой все отливала, светясь на пустом месте.

Сейчас ОН войдет, – пронеслось по залу. – Сейчас двери откроются, и ОН войдет!

К королю подошел человек и что-то прошептал на ухо. Тот подтянулся, поправил костюм и направился к Клейзмеру. Нет! К пустому креслу. Зал в ожидании замер! Зал затаился, стены напряглись, потолок натянулся старинными перекрытиями! Такого здесь еще не было! И рядом с табличкой «reservado» на пустое сиденье ложится волшебный свиток-грамота, свиток-признание, свиток-пропуск, пропуск в Рай. Король поклонился пустому месту и покинул зал. А люди на местах выдохнули, они уже задыхались, они не в силах были таить в себе молчание, и тут их словно прорвало!

– Да, кто он такой?

– Это переходит всякие границы!

– Нужно и ЧЕСТЬ ЗНАТЬ, господин Клейзмер!

– Честь... Честь... Знать... Знать...

Долго еще стены отражали эти слова гулким эхом, пока не растворились и не умерли навсегда. Такого еще здесь не было никогда!

Они с Галей снова шли по короткому коридору, коридор-

чику, и разноцветные таблички контор и офисов переливались разными цветами. «ИЗДАЕМ И ПРОДАЕМ» – гордо светилась в конце коридора. Прошло уже два месяца с тех пор, как они заключили крохотный договор... договорчик. И теперь пришли сюда снова. Усталый маленький издатель равнодушно встретил их и проводил к столу. Книг здесь стало еще больше. Значительно больше! Они уже закрывали все проходы, поднимались до потолка, подпирая его великими мыслями, судьбами, придуманными и не придуманными историями, книжной силой и мудростью. А вот и коробки с его книгами. Они приветливо смотрели на своего хозяина. На своего автора! Наконец, явился! – говорили ему они. И какая-то идиотская радость охватила Леонидова. Здесь находились его книги! Тысячи книг! Они не испортились, не устарели, не запачкались – были аккуратно сложены в красивые коробки и стояли там, где их оставили два месяца назад! Он и не надеялся снова увидеться, но они были здесь и ждали его. И он почувствовал себя рядом с ними как дома... Потом очнулся...

Галя о чем-то говорила с маленькими издателями на повышенных тонах:

– Но, почему за два месяца не было продано ни одной книги? Вы взялись за это! Мы заплатили деньги! Вы обязаны были их продавать!

Издатель устало на нее посмотрел. Он давно устал от объяснений, поэтому монотонно привычно объяснял:

– Мы должны были напечатать ваши книги?

– Да, – нервно ответила она.

– Они перед вами, – показал он. – По договору, мы должны были их продавать?

– Конечно! – воскликнула она.

– Так мы их и продавали! Они лежат в десятках электронных магазинах.

– Но вы не продали ни одной! За два месяца!

– Потому что их не покупали! – взвизгнул издатель. – Но мы продавали их! Продавали! Понимаете меня? Мы взяли их продавать, а не продать, а это большая разница! Это две разные вещи – почитайте договор! И мы его выполняли! И будем выполнять до конца срока, то есть, до конца года!

– Что же теперь? – спросил Леонидов.

– Теперь ничего... Ничего теперь... Мы будем продолжать их продавать, как и делали это раньше. Или вы можете их забрать – это ваша собственность... А хотите, они еще полежат здесь... До конца года.

– Ну, уж нет, – воскликнул Леонидов, глядя на коробки со своими книгами. Он не мог и не хотел их оставлять здесь ни на год, ни на месяц, даже на день, и теперь ставил последнюю подпись в этой фирме... фирмочке...: – «Товар получен»

– Мой вам совет, – на прощанье сказал «издатель», – без рекламы и поддержки, без пиара их никогда и никто не купит, – кивнув на горы книг, занимавших маленькое помещение.

– Что же вы молчали раньше? – презрительно спросила Галя, – если вы знали, что их никто не купит, зачем их печатали и морочили нам головы?

– Мы делали нашу работу, – грустно сказал издатель. И добавил: – Но все пункты договора мы выполнили. Абсолютно все! И к нам не может быть никаких претензий. У нас договор.

Так вот почему здесь было столько книг. Они дожидались своих авторов. Выдерживались. Отстаивались. А «издатели» просто зарабатывали деньги – грузили, перевозили, снова грузили так, как работают настоящие, истинные грузчики, а потом книги складировали. «Продавали».

Он таскал тяжелые коробки по коридору... коридорчику и впервые в жизни понял, что такое быть грузчиком.

– Что ты веселишься? – спросила Галя.

– Знаешь, кто я?

– Ну?

– Грузчик.

– Да уж.

– Значит, мы на верном пути! От грузчика до издателя – один шаг! А правильный костюмчик у меня уже есть.

И еще одно вспомнилось ему – волшебное озеро. Оно все стояло перед глазами, и чудесные бугорки-острова возникали из воды, где росли удивительные деревья, а волшебные плоды свисали с ветвей. Только не было людей в лодках. И лодок не было. Никого не было. Озеро это находилось на да-

лекой-далекой планете, где не могло быть никого – планета была необитаемой.

Теперь он находился в своей комнате, и книги его были рядом. Огромные коробки поднимались до потолка, небо-скребами строились в широкие улицы и проспекты, а в них жили люди. Тысячи людей. Его персонажи. Они ходили по этим улицам, строили города, летали в космос, а иногда, снимая обувь, выходили на берег океана и босиком брели по песку. И он тоже ходил вместе с ними. Теперь это был целый мир – придуманный мир. Только об этом пока знали он и несколько близких ему людей. И еще – его Ангел.

Алка! Черт ее побери! Он совсем забыл! Он обещал позвонить ей через неделю-другую, а прошел уже месяц! Второй месяц! Неудобно получилось, – подумал он. Хотя, что такое два месяца, когда они не виделись почти двадцать лет. Все равно неудобно! Она давно ждет его звонка, и не решается позвонить сама, не хочет быть навязчивой. Она всегда была аккуратной скромной девочкой. Алка! Алла! Аллочка!

Он набрал номер и отпрянул от телефона, который задрожал, завибрировал всеми своими микрофонами и микросхемами и готов был разлететься вдребезги. А откуда-то накатило шумной морской волной, свежим дыханьем океана и запахом водорослей. И бензина. Целая флотилия, армада водяных скутеров и моторных лодок с невероятной скоростью утюжила, разрезала на кусочки поверхность океана. Алка на

маленькой ракете неслась по волнам.

Снова за ребенком на кружок плывет, – подумал он, – снова не вовремя.

А она действительно мчалась стрелой, рассекая волны, поднимая небольшие цунами стремительным аппаратом-стрелой.

– Леонидов! Ты что ли? Леонидов! Как ты вовремя позвонил! Я так рада тебя слышать!

И сделала широкий вираж, поднимая огромную волну.

– Леонидов! Ты умница, что позвонил, но я тебя не слышу! – кричала она, заходя на второй вираж. – Говори громче!

А он уже летел рядом с ней. Вернее не рядом, но очень близко. Он зацепился длинным тросом за ее ракету и теперь мчался на водных лыжах следом на ее волне. И кричал:

– Ну, как книги?

– Книги? – кричала радостно Алка. – Какие книги?

– Мои книги! Тебе понравились?

Она притормозила и в ужасе на него посмотрела, как на сумасшедшего.

– Леонидов, я не читаю книг! Уже двадцать лет я их не читаю! И не буду читать!

Вдруг спохватилась: – Прости! Вспомнила! Это же твои книги. Я вспомнила! – радостно прокричала она. – Фу, ты, черт! Я совсем забыла! Я не успела! Такой цейтнот, столько дел, столько суеты, голова идет кругом! Позвони мне!

– Когда?

– Через неделю...

Она уже давила на педаль газа и неслась по волнам.

– Через две! – радостно вторил он, чувствуя сумасшедшую скорость.

– Хорошо! – кричала она. – Через две!

– Нет, через три! – кричал он, войдя во вкус.

– Да, да, через три! – эхом отвечала Алка.

– А еще лучше, через двадцать лет! – закричал он. – Так будет лучше! Намного лучше! Чтобы наверняка! Через двадцать!

– Хорошо, через двадцать лет. Но ни днем позже! – кричала в ответ Алка. – Поможем! Обязательно поможем! Какие могут быть вопросы! Звони ровно через двадцать лет, и не днем позже!

И тут вся армада собралась, выстроилась в линию и рванула с этого мокрого места, мчась в непроглядную даль океана, где только волны, скорость и ветер в лицо. Леонидов не ожидал такого рывка, и трос его лопнул, как гнилая нитка. Он грохнулся в океан и последнее, что запомнил, была лодка – маленькое белое суденышко. Ее окатило веселой волной от пролетевших скутеров, и человек с веслами навстречу ей гордо поднял голову. А лицо его теперь было мокрым, сияя на солнце, и глаза улыбались.

Они сидели напротив друг друга, и Петров держал в руках весла. Он медленно греб, а вокруг был спокойный океан и больше никого. Теперь это был не лайнер и не большая

ракета, а лодка. Маленькая лодочка, медленно плывущая по волнам. Зато она была белого цвета. Петров сидел в форме капитана, а на голове была фуражка. Мокрая фуражка, с которой стекала вода.

Петров вытащил его из воды, он не дал ему захлебнуться, и теперь они оба мокрые сидели в лодке и смотрели вдаль.

– Вот, видишь, – наконец заговорил Петров, – я говорил, что поможет, значит, поможет, обязательно поможет. Через двадцать лет и ни днем позже. Теперь уже точно. А иначе и быть не могло. Это же одна компания. Ближе этих ребят по жизни никого и не осталось. А тут какие-то двадцать лет. Тьфу!

И они засмеялись.

– Можешь меня поздравить, – продолжал он, – я закончил фильм.

– Поздравляю, – искренне порадовался Леонидов.

– Правда, пришлось уволить всех. Деньги кончились. Сам понимаешь. Один пошел на сварку, другой на монтаж, третий вернулся в электрики. Пришлось заканчивать самому.

– Слушай, – спросил его Леонидов, – а куда подевались настоящие композиторы, художники, сценаристы? Ведь раньше они были? Где они все?

– Не знаю, куда подевались, – проворчал Петров. – Были и куда-то делись. Сам не знаю куда.

Он немного помолчал...

– Ты помнишь такого Балашова?

– Серегу! Конечно, помню! Работали в одном спектакле когда-то. Он лет на двадцать старше нас. Ему даже «Народного» дали, помнишь? Как он? Ты видишься с ним?

– Ты ничего не знаешь? – спросил Петров.

– Нет... А что?

– Умер Балашов.

– Как умер? – он был потрясен.

– На стройке.

– Что он там делал? Дом себе строил? Несчастный случай?

– Работал он там. Каменщиком второго разряда. Несколько лет работал, потом сердце не выдержало.

– Каменщиком? Он же Народный артист!

– Народный... Да, Народный. А работал каменщиком. Понимаешь, в последние годы он был, как это сказать, не в «формате». В рекламе не снимался, в «остальном» не хотел, уж лучше каменщиком. Неформат! Это как приговор.

Они сидели и долго молча смотрели на воду. Одежда подсохла, ласковое солнце согревало, нежно играя на волнах, а они все сидели и молчали.

– «Неформат», – снова заговорил Леонидов. – А кто сегодня определяет этот формат? Кто эти люди? Нет цензуры, нет Отделов культуры. Ты помнишь, сколько всего тогда осталось лежать на полках?

– Определяют те, кто в формате, – ответил Петров, – кто платит, тот и заказывает музыку. У кого деньги есть, короче.

И тут Леонидову стало страшно, он задумался и тихо про-

изнес:

– А ты понимаешь, у кого сегодня эти деньги и как они за последние двадцать лет их «зарабатывали?» И какую музыку теперь от них ждать?

Снова долгая пауза повисла над лодкой. Даже чайки, при-
смирив, перестали кричать и беспечно носиться над волна-
ми.

– Кошмар, – наконец, произнес Петров. – Так и двадцати лет не хватит на то, чтобы люди снова пошли в театр или взяли в руки книгу. Сначала должны вымереть эти новые ди-
нозавры, затем вырасти их дети, закончить свой Оксфорд и только тогда... может быть...

– А не кажется тебе, что все мы теперь «не формат»? Не бомонд. Да и грузчики мы плохие.

– Нормальные грузчики, – зло ответил Петров, – грузчи-
ки – что надо и фильмы снимать умеем, и книги писать...

– Когда показ? Канала не будет? Кто его теперь покажет?

– Покажет, – сказал Петров. – Обязательно покажет! Буду
искать!

– А ты уверен, что кому-нибудь сегодня нужен фильм о театре?

– А книги твои кому нужны?

Они долго смотрели друг на друга, потом Петров перевел
взгляд на океан...

– Извини, я не хотел, – наконец, произнес Леонидов.

– Да, и я не хотел. Фильм о театре! Конечно же, он нужен,

и люди остались, которые еще помнят, как читать, помнят, что такое театр, – загладил свою бестактность Леонидов. А Петров все смотрел, не отрываясь, вдаль океана, словно где-то там находились ответы на все вопросы.

– Я, старик, завелся, – наконец, медленно, серьезно произнес Петров: – Я пойду до конца, чего бы это ни стоило. Я двадцать лет ждал, еще двадцать ждать не стану. И уезжать не хочу – это моя страна.

Галя с Ангелом стояли напротив, заслонив открытое окно, и наблюдали за тем, как он разговаривает с издателем – с тем самым грузчиком, теперь крупным уважаемым владельцем уважаемого издательства. Тот сам ему позвонил, и теперь эти двое смотрели на него и молчали, а Леонидов говорил. На издателе сегодня был желтый шикарный пиджачок и оранжевая рубашка известной фирмы. Той самой. Галстуков он не носил с тех самых времен, как был грузчиком. Любой галстук стеснил бы его мощную бычью шею, а вот огромная цепочка с удовольствием занимала законное место на ней. И никаких крестов.

– Господин Леонидов, – весело поздоровался издатель, – я вчера встречался с Силаевым. Он говорит, что у вас прекрасный сценарий и роман ваш достойный. Правда, он их не читал. Но его специалисты довольны вами...

Он мгновение помолчал и продолжил: – Я вот что подумал... А не вернуться ли нам к разговору о контракте? Ско-

ро выйдет прекрасный фильм. Такое рекламное подспорье – хорошая книга, было бы очень кстати. Убьем сразу двух зайцев! Как вы смотрите на это?

– Вам тоже понравилась моя книга? – спросил Леонидов.

– Да, очень! Очень понравилась книга! – воскликнул издатель. – Правда, я ее пока тоже не читал... Но мои специалисты в восторге!

– А почему вы не хотите ее прочитать? – наивно спросил Леонидов.

– Вы издеваетесь, господин писатель? – возмутился желтый пиджак.

– Я не читаю книг! Я их вообще не читаю! НИКОГДА! У меня куча... масса других дел! И читать никогда не буду!

Остыв немного, разумно предложил:

– И все же давайте о деле! Я поднимаю ваш процент до пятнадцати! С десяти до пятнадцати – это эксклюзивный процент!

– И эксклюзивный договор? – спросил Леонидов.

– Конечно! Как мы договаривались!

– И вы будете менять кое-что в моей книге?

– Конечно! Совсем чуть-чуть! Кое-что! Самую малость! Так работают все!

– Нет, спасибо, не надо! Я не хочу! – ответил он и попрощался. Хотел уже положить трубку, но издатель остановил:

– Я знаю, господин Леонидов, что вы напечатали свои книги неплохим тиражом? Тысячи экземпляров!

– Напечатал, – ответил он.

– Даже разместили их в Интернет-магазинах?

– Да...

– Поздравляю! – весело воскликнул тот. – Еще я слышал, что ни одна ваша книга так и не была продана.

– Откуда вы знаете? – не выдержала Галя.

– Я знаю? – засмеялся он, поправляя восхитительный желтый пиджак. – Передо мной статистика со всех Интернет-магазинов. Я знаю о книгах все!

– Не читая, – сказал Леонидов.

– Чтобы знать, не обязательно читать. А еще я знаю, что продажи Интернет-магазинов составляют всего один процент от общего рынка. Вам нужна серьезная пиар-компания, господин Леонидов. Так, как насчет нашего договора?

– Нет, спасибо, нет.

– Ну что же, созвонимся позже, в другой раз, до встречи, – и желтый пиджак повесил трубку.

Ангел всплеснул руками-крыльями. Он был недоволен им. Галя посмотрела на него с уважением, но какая-то тень промелькнула в этом взгляде. Промелькнула и погасла черной свечкой. Она стояла, улыбалась, не обращая на Ангела никакого внимания.

– Ничего, прорвемся! – сказала она. – У меня есть еще идея...

Часть 2

16

Большая круглая гостиная заполнялась приглашенными. Прожектора сверкали, прицеливались, расстреливая ярким светом гостей. А собрались сегодня люди и собаки, представители всех мастей и пород. Это была передача в прямом эфире – Элит-ШОУ. И, действительно, судя по нарядам, знакомым лицам и мордочкам, сюда могли пожаловать только «Элит». Не «Элит» здесь быть не могло. Оно и правильно – было бы не интересно. А Элит – интересно. Все в пестрых нарядах, в удивительных костюмах и платьях от известного нам Кутюрье. Как ухитрялся великий Маг Медильяне придумывать одежды, которые подходили и людям, и собакам, было неизвестно. Но смотрелись они восхитительно. Ведущий – суперпородистый пес – огласил тему разговора, и толпа загудела, заскулила, промурлыкала и пустила слюну.

– Сегодня мы говорим о миллионе... миллионе... миллионе...

И снова слюни. Собачонки и люди, приглашенные сюда, подтянулись и приготовились к прениям, приготовились обгладывать и грызть, заглатывать и съедать целиком.

– Сегодня в нашей гостиной отсутствует виновник разговора. Он отказался приехать на нашу встречу, но ничто не помешает нам провести эту беседу без него. Я правильно говорю?

Зал радостно зарычал, замурлыкал, почувствовав запах сахарной косточки.

– Итак, кто начнет? – спросил ведущий в восхитительном костюме.

Со своего диванчика свалилась маленькая стриженная болонка:

– Он не дает интервью! Он мне не дает интервью! Он никому не дает! Говорит, что мы не пойдем! По-моему, это хамство!

– Хамство! Наглость! Безобразие! – неслись крики со всех сторон.

– Он ведет себя с нами, как с какими-то дворнягами, с шавками, – вторила ей ее соседка шарпей-стриженная-девочка. Я брала интервью у короля, у мафиози, я разговаривала с президентом, с главным кинологом страны, а этот прилепил бороду и издевается над нами. Да кто он такой? – неожиданно низким голосом прохрипела она.

– Он отказывается от щедрых гонораров за интервью, нагло бегаёт по улице, как будто я его укушу, и пинает меня.

– Гонорар? Пинает? – все больше свирепел зал.

– Итак, мы обозначили проблему! – воскликнул ведущий. – Что же! Если он не хочет ответить на наши вопросы,

мы сами ответим на них!

– Сами! Ответим сами! Сами! – заскулил зал.

– Послушайте! А зачем вы это делаете? – воскликнул какой-то гость, похожий на человека. Правда, лишь отдаленно похожий, поскольку был в потертом пиджачке и совсем не вязался с элитной публикой.

– Слово предоставляется известному ученому-математику. Он получил такую же премию несколько лет назад, конечно же, взял ее, и сегодня мы его пригласили на передачу, – воскликнул ведущий, – прошу, господин Математик! Мы слушаем вас!

– Господин Клейзмер – великий ученый, – начал тот. – Мы никогда не встречались, но я прекрасно знаю его работы, и то, что он сделал, заслуживает внимания, признания и уважения...

Говорил он несколько минут. Зал в недоумении слушал тираду человека, не умеющего вести себя на подобных шоу, в подобном обществе, поэтому речь его была неинтересной и серой. Некоторые уже начинали посапывать, повизгивая во сне, кто-то нетерпеливо дергал ногами-лапами (собаки во сне часто куда-то бегут), а рейтинг передачи неминуемо полетел вниз.

– ...и я не понимаю, как можно обсуждать такие вопросы огульно, без его присутствия, за глаза, – закончил он свою речь. Наконец, ведущий сумел перехватить слово и продолжить Шоу.

– Но, вы нам рассказывали о математике, господин Математик, а главного мы не услышали – почему он не взял миллион?

И зал проснулся, зал подпрыгнул на своих местах.

– Миллион! Миллион!

– Вы же взяли. А он нет.

– Я отдал его своему институту, – робко промямлил он.

– Ха-Ха-Ха, – заверещал зал.

Математик попытался что-то добавить, но ему не дали.

– Теперь мы сами ответим на этот вопрос! – громко продолжил ведущий. – Итак, кто желает высказаться?

– Он не стрижет бороды! – воскликнули с дальних рядов.

– Он не стрижет ногтей! – вторили голоса.

– Он собирает грибы!

– Живет в стареньком доме и сам ходит в магазин!

– Он ходит в консерваторию!

– И что он там делает? – воскликнул ведущий. – Что он делает в консерватории? Это, пожалуй, главный вопрос! Следите за моей мыслью! Сейчас мы проясним ситуацию и все поймем! – уже кричал он. – Кто хочет ответить? Что он там делает?

– Слушает музыку! – тьякнул кто-то из первых рядов, и мертвая тишина наполнила зал. Тишина повисла в воздухе, и, казалось, ее уже не разогнать, не развеять никакой волшебной силой.

– ВОТ! – прошептал ведущий. – Вот и ответ на вопрос.

Вот симптом для постановки диагноза.

Он оглядел собравшихся и в полной тишине повторил: – Мало того, что он ходит в консерваторию, он еще изволит слушать там, пардон, музыку! Понимаете? Вот диагноз и приговор! Теперь вы все понимаете? – заорал он.

И зал взорвался дружным лаем, аплодисментами и смехом (собачьим смехом), и собачьей радостью.

– Простите, а что в этом плохого? – попытался прорваться Математик. – И кому это нужно? Зачем мы вообще об этом говорим?

– Что в этом такого? – ведущий жестом замолчал проснувшийся зал. – А вы не понимаете? Неужели нужно объяснять? Нужно объяснять? – повторил он в камеру.

Зал уже рычал и стонал, стены сотрясались от мощного хохота, возмущения, и воплей собравшихся.

– Вот и ответ! По-моему, все понятно! – сказал он, показывая на зрителей. – А кому это нужно? – повторил он и тихо, со слезами на глазах произнес, – это нужно собакам, ... простите, людям. Наша передача нужна людям! – и оглядел собравшихся. – Итак, я считаю, диагноз поставлен! Он понятен и обсуждению не подлежит! Кто еще желает развить тему? Кто хочет высказаться?

Микрофон схватил человек, похожий на человека.

– О! Это наш знаменитый, всем известный писатель! Говорите, Писатель! Вам слово!

Писатель подтянулся и бесстрастно низким голосом заго-

ворил:

– А по моему разумению, этот человек просто сволочь!
Подонок!

Зал зашумел, затрясся в нетерпении. Вот когда стало по-настоящему интересно.

– Это урод, которому миллиона мало! И никакой он не сумасшедший, несмотря на то, что он любит музыку, – добавил он. – Просто ему миллиона мало! Он пиарится, набивая себе цену. Он хочет много этих самых миллионов. Те, кто взял их, как наш господин Математик, – и кивнул в сторону потрепанного пиджачка, – больше не получит ничего... и никогда! А этот получит! Получит намного больше! И вот доказательство! Что же ты, Гоша, не взял миллион и не отдал его своей школе? Своему университету? Не отдал институту, в котором работал много лет? Там в нем так нуждаются. Там до сих пор считают по логарифмической линейке, а компьютер увидят через сто лет! Да и то – один! Что же вы так не поступили, господин, Гоша? Ответ прост! Гоше мало, – он забрался в свою нору и ждет много этих миллионов! И получит их! Обязательно получит, а вы останетесь ни с чем, – и снова посмотрел на Математика. – Скажете, что я не прав? ... То-то же!

– Вот еще один диагноз! Еще один приговор! Кто еще? Кто добавит? – поднимал рейтинг передачи ведущий, уже подлетая к потолку, к куполу-небесам светлого Шоу-Зала! Превращался в яркое пятно экрана, которое сейчас освеща-

ло миллионы телевизоров в домах людей и их собак. – Говорите! Слушаем Вас!

И тут человек, или не человек вовсе... Собака... Нет, не собака. Непонятное инопланетное существо, взяв микрофон, начало ритмично покачиваться на глазах у всех. В ушах его тряслись тысячи маленьких сережек, в носу колечек, а все его тело, одетое в удивительную майку и шорты, было покрыто сплошной росписью, как стены Собора или рекламный щит на улице. Он говорил, покачиваясь в такт:

– Нет, ну чисто банально. Блинн.

Мы обсуждаем это баббло.

Почему он не взял егго?

Почему баббло не взял?

Значит, за этим стоялло другое баббло?

Я так понимаю?

Это поп по нятияммм...

И если эта тварь не возьметт егго,

значчит мы помможем ему,

а инначе баббло заввязнеттт...

В натуре заввязнеттт...

– Послушайте, мы сейчас обсуждаем тему на центральном телевидении. Нельзя ли повежливее? – снова прорвался Математик.

– Централлльное теллевииденние

имеет централлльное бабло,

и ему без разницы,

кого отгружать, а кого пиарить...

– А тебе мама в детстве не объяснила, что говорить за спиной, за глаза неприлично, невежливо, неэтично? – робко спросил Математик.

– Прилично! Ммамма?

Я скажу тебе такк,

и тогда твоём ммаме ммало не покажется

и всем ммамам в этом зале тожже.

Твою ммаму.

Или твоей мамме ещё что-нибудь нужно объяснять?

– Нет, пожалуй, не надо, – сдался Математик.

– Ппожалуй... Пожалуй, не наддо

или я тебе обьяснил ббы

и твоим детккам тожже и тебе.

Бе-е-е-е-е...

– Да он же стихами говорит, как вы не понимаете? – воскликнул чей-то голос из зала.

– Ммаете! Ммаете!

– Это же поэт! Это новый вид искусства! Новая формация, акселерация, деградация, а вы ни в зуб копытом.

– Пытомм, блинн, пытомм...

– Если вы будете так с инновациями, модернизациями? – снова возник чей-то голос.

– Получится деградация блиннн, деградация...

А зал уже в каком-то гипнотическом сне повторял за ним слова и фразы, раскачиваясь из стороны в сторону, взявшись

за руки. И страна, тоже взявшись за руки, раскачивалась сидя у экранов телевизоров:

– Инновация, блин.

– Модернезация, блин.

– Акселерация, формация, деградация, блин.

17

– Кто такой Леонидов? Что это за книги? Что за названия? А обложки? Это же кошмар!

Маленький щуплый человечек сидел за столом, заваленным книгами, а перед ним лежали творения Леонидова. Он скептически, презрительно рассматривал их, даже не решаясь взять в руки. Новым планом Гали был поход в одну уважаемую фирму. Уважаемую, потому что все её знали, а значит, уважали. Без уважения тут никак. Если речь заходит о пиаре, если вопрос касается раскрутки нового, никому не известного бренда, – это сюда, это к ним. И название тоже было уважаемым – 22.2 (Двадцать два и два!) Почему такое название нужно было уважать, и как фирма, специализирующаяся на пиаре, могла его выбрать, было непонятно. Но, «Двадцать два и два» знали все.

– Странное время, – подумал Леонидов. Этот визит с первых же минут начал его забавлять и даже веселить.

– Странное – 22 и 2! Каналы телевидения – «Трижды три» или «Пятью пять». Раньше были названия издательств

или агентств – «Наука», «Просвещение», «Молодая Гвардия», а тут. Просвещение сменилось цифрами, Наука знаками умножения, а Гвардия безнадежно постарела. По-видимому, раньше люди читали, а сейчас, в основном, считают, – понял он.

Но все равно, было очень весело. И этот менеджер по продвижению книг был ярким, заразительным и азартным, темпераментным и веселым скандалистом и циником, что ему очень шло. Он был очень обаятелен. И сейчас, с трудом сдерживая гнев профессионала, наставлял их на путь истинный.

– Я вас спрашиваю, что это, мягко выражаясь, за книги, если это вообще можно назвать книгами, что за автор, имя? Леонидовых – тысячи, таких обложек миллионы. А книг таких сотни миллионов.

– Вы их не читали? – возмутилась Галя. – Как вы можете судить о них, если даже не открыли и не пролистали. Вы даже не прикоснулись к нашим книгам!

– Прикоснуться? К этому? – заорал маленький менеджер. – Пролистать? Вы с ума сошли!

Они уже поняли, что этот человек не стесняется в выражениях, а поскольку получалось у него очень обаятельно, прощали ему все. Ангел стоял позади, зависая над его головой, грозно помахивая крыльями, но Леонидов улыбался, и тот пока не решался наброситься на обидчика.

– А что вы так улыбаетесь, господин Леонидов? – уже визжал менеджер. – Думаете, что вы гений, разложили тут свои

вечные опусы, так сказать, нетленки. Мне и читать их не обязательно, я итак могу сказать, что ни один уважающий себя читатель в руки их не возьмет, даже не посмотрит. А место им на помойке!

– Ну, это вы уже..., – хотел перебить его Леонидов. Хотел, но не получилось.

– Книги! – и маленький человечек поднял огромный указательный палец. А палец этот был с добрую бейсбольную битую. Он напоминал длинный воздушный шар, угрожающе и убедительно раскачивающийся перед их лицами из стороны в сторону, надутый вовсе не воздухом, а тяжелой едкой смесью. Они замолчали, с удивлением, не отрываясь, следя за ним, как под гипнозом. Человечек понял, какой произвел эффект, и спрятал его в маленькую ладошку. Пока спрятал. Он не терпел возражений.

– Книги! – повторил он, – это обложки! Повторяю еще раз – ОБЛОЖКИ! Никто в наше время не покупает книг, только оболочки, упаковку, внешний вид! И наплевать, что там внутри.

Он брезгливо подвинул маленьким мизинцем с огромным грязным ногтем книги Леонидова. Те подъехали к самому краю стола и зависли словно над пропастью, собираясь в нее провалиться. Маленький человечек с длинным ногтем с интересом на них уставился, наклонив голову – упадут или нет? Те не упали, и он снова посмотрел на Леонидова и Галю. Галю придержала их, и человечек опять начал вынимать боль-

шой указательный палец. Грозно надувшийся палец! Но, подумав, оставил книги в покое.

– Значит, первое – это обложки! Смотрите сюда! – и он вскочил с места. – Вот! – благоговейно произнес он, бережно обеими руками протянув им нечто. Они подумали, что находятся в магазине сувениров или в кондитерской лавке. Человек держал в руках сверток, отдаленно напомилавший книгу. Этот чудесный сверток был обернут... розовой ленточкой, и восхитительный бантик кокетливо украшал его.

– Что это? – хором спросили они.

– Бульварный романчик, – с любовью произнес он. – А какая обложка, какая картинка! Вот что такое книга! Смотрим дальше, – и схватил еще один сверток. Там был блестящий пакетик, а в нем тоже находилась книга, поверх которой лежали самые настоящие... шоколадка и гребешок для волос. – Это женский роман, – опередил он их вопрос. – Смотрим дальше, – следующий сверток тоже содержал подобие книги, а поверх нее лежала упаковка презервативов. – Мужской роман! – сурово заявил он. – Мужской – понимаете? Любой настоящий мужик, увидев такое, не задумываясь, купит эту книгу! Он даже не будет ее читать, но непременно воспользуется. Потом, как сумасшедший, будет с этой покупкой мчаться к своей возлюбленной, чтобы полистать ее вместе на досуге. Страницу за страницей, они будут погружаться в таинства бытия, в nirvanу, в призрачный мир, который может подарить им только... истинная литература, и..., – и неожидан-

но он пустил слюну. Но, оторвавшись от вожделенных мечтаний, продолжил: – Вот это книга! Это бренд! Есть варианты проще, – продолжал он, – но... Я повторяю – но! Главное – ОБЛОЖКА! Как мы их рисуем, как формируем идею, передаем фабулу, смысл. Книгу даже не нужно читать – достаточно на нее взглянуть!

Леонидов, внезапно посмотрев на одну из книг, взял ее в руки. Со второго этажа летел знакомый ему человек, голова его вот-вот коснется болота и превратится в мокрое кровавое месиво, в красное пятно, в след.

– О! А это особый разговор! – заволновался человечек. – По этой книге сейчас снимается новый фильм! Блокбастер!

– Экшен! – добавил Леонидов!

– Совершенно верно! Экшен!

Потом грозно посмотрел на Леонидова: – Но это – известный писатель, великий писатель, а кто такой вы? Ну, кто вы такой, Леонидов? Просто, Леонидов, каких миллионы! Кто вас будет читать?

Галя хотела уже произнести волшебную фразу-пароль – ФИЛЬМ, но Леонидов ее остановил. Ему было интересно познавать эту науку. Оказывается, до сих пор о книгах он ничего не знал. Просто читал их. Читал и не знал. А, оказывается, книги читать вовсе не нужно!

Человечек тем временем продолжал:

– Вы кто? Космонавт, фигурист, депутат или светская дива? Как мы будем вас продавать?

– А, разве спортсмены пишут книги? – удивился он.

– Вот! – и он подвел их к полке, – смотрите сюда! – и начал перебирать издания, перечисляя авторов:

– Спортсмен – олимпийский чемпион! Полковник милиции. Депутат! Известный хирург! Актер! Балерина! Муж балерины! Жена спортсмена! Племянница депутата! Внучка племянника! Правнучка!

Он перевел дух, потом устало произнес: – Миллион, – замер и уставился на них своими ясными глазами.

– Что миллион? – не поняла Галя.

– Долларов, конечно. Но, заплатив такую сумму за продвижение товара, ... то есть, я хотел сказать, книг, вы их можете даже не писать.

– Что? Книги? – удивился Леонидов.

– Конечно, книги! На кой черт их писать! – воскликнул менеджер, – мы все сделаем за вас. Из любого дерьма слепим такую конфетку, что ее расхватают и будут просить добавки.

– Миллион... миллион... долларов... миллион... миллион..., – пронеслась в голове Леонидова знакомая фраза.

– А за просто так, извините, мы не возьмемся, – сказал устало менеджер. – Повторяю, любое дерьмо! – сурово поднял он на прощанье грозный указательный палец, но тут же его опустил. Он устал. Только что он провел предварительное собеседование и очень устал. Ни этот клиент, так другой, обязательно приходит сюда со своим миллионом... миллионом... миллионом...

– Скажите, – спросил Леонидов, воспользовавшись паузой и показав на книгу с человеком, падающим в болото, – это предмет вашей гордости?

Человечек молча, вожаденно взял в руки книгу-обложку с картинкой болота. Еще мгновение, и он запутался бы, заблудился в тине, глаза его заволокло набежавшей слезой, и он трогательно тихо произнес:

– Да! Да!

Потом, посмотрев на них, добавил: – Вы можете пройти в соседний зал и там посмотреть наши творения, книги, так сказать, портфолио. Думайте, господа. Думайте, – и по инерции тихо пробормотал: – Дерьмо.

Они перешли в другой зал, где на стеллажах перед ними открылась невообразимая картина. Все здесь было как в парке развлечений. Как на знакомом аттракционе, коробки, перевязанные ленточками, бантики разных цветов и размеров. Книжки-куклы, книжки-торта, книжки-гранаты. Бомбы, снаряды. Много, очень много различного вооружения, книжки-убийц, книжки-воришек. Целый мир преступной братии свисал с этих полок. Захотелось взять пневматическое старенькое ружье и, как в тире, начать стрелять по этим коробкам и зверюшкам, по зайкам и кроликам. Но в этом тире в них тоже целились, тоже стреляли – это была такая игра – за ними гнались. Ангел в ужасе мчался от стеллажа к стеллажу, но его догоняли, отрывая, общипывая белоснежные крылья, рвали на куски,

на лоскуты его драгоценный костюм, стерегли за углом и норовили прикончить. Ангела! Их любимого доброго Ангела!

Дальше на других полках слезливые барышни стояли у ворот возлюбленных – богатых денди, а те сажали в шикарные лимузины других красоток. Это был целый сказочный мир, и в нем помещался веселый тир и его маленькие расстрельные фигурки.

Дальше следовали книги-сплетни, книги-дрязги, и в гробах уже переворачивались великие мира сего, не помня и не ведая за собой грехов подобных, не понимая, за что их по-смертно так облили грязью. Оттого ворочались, и трупный запах заставил нашу компанию отойти подальше.

Но кому-то это нравится, – подумал Леонидов. – Если бы это не нравилось, такое бы не писали.

И, наконец, последняя полка. Несколько книг-обложек, гордо усеянных монетами, купюрами различного достоинства, украшали этот стеллаж. На одной было написано: «Как заработать миллион». На соседней: «Как заработать миллиард», на третьей просто: «БАБЛО» Первая книга была с ценником 500 рублей, вторая 1000, третья 1500.

Совершенно логично, – подумал Леонидов, – миллиард больше миллиона. А бабло? Бабло – и есть бабло.

Эта полка стояла во главе всей армии книг. Она словно управляла жизнью, придавала силы и уверенность, давала смысл, указывала направление и учила жить.

Они уже выходили из этого зала, как из соседней комнат-

ки выглянул маленький менеджер. Он хитро улыбнулся и спросил:

– Ну, как? Вы поняли, как нужно работать? Господин Леонидов, всего миллион, и вашим портретом будет украшен весь город, сумасшедшие поклонницы будут танцевать канкан под вашим балконом, ваши книги будут читать в Кремле, а вы станете одним из нас. Добро пожаловать в Клуб писателей! Писателей нового поколения, нового века, тысячелетия! Клуб самых высокооплачиваемых писателей в мире! Все отобьется, обещаю, все окупится.

– Мы подумаем, – сказала Галя и тоже хитро улыбнулась, – ах да, забыли вам сказать, что по этой дерьмовой книге, – и показала на шедевр Леонидова, – сейчас снимается кино.

Менеджер побледнел, тупо уставившись на нее, неожиданно уменьшаясь в размерах. Пальчики его, ногти, ножки и ручки стали крохотными.

– На какой киностудии? – откуда-то снизу послышался его тихий стон. А они уже, потеряв его из виду, боялись наступить и раздавить чудо-менеджера.

– Ник-Пикчерс! – безжалостно произнесла она.

– Ник-Пикчерс! – вой стоял за их спинами. – Ник-Силаев! Силаев! Подождите, постойте, ну, куда же вы? Пикчерс, ... Пикчерс, ... Пикчерс... Мы заплатим за вас, мы дадим свой миллион! – но голос его уже таял, растворялся, тонул в конце коридора.

– Вот, дерьмо! – последнее, что слышали они, выходя. Потом весело шли по улицам и хохотали. Хохотали, как малые дети. Прохожие оглядывались, но им было все равно.

– Придурки! Почему вы не согласились? – наконец, завопил Ангел, прерывая идиотское веселье. – Вы меня уже достали! А ну-ка, быстро вернулись. А ну-ка, вернулись, я сказал! Я кому сказал?!

– Ты сам достал, – осадила его Галя, подумала и, вытирая слезы, произнесла: – А почему мы не согласились? А Леонидов? Почему?

– Вот и я думаю – почему? – спросил он, внимательно на нее посмотрев. Она хитро прищурилась и ответила:

– Наверное, ... ты пока ещё не готов стать дерьмом, – сказала это, больше не проронив ни слова. Смотрела на него и улыбалась. И он благодарен ей был за эту улыбку.

18

Теперь, вспоминая этот визит, они улыбались. Уходило бессмысленно время, все их планы пока были призрачными облаками и парили на недостижимой высоте; тратились деньги, полученные за сценарий, а толку никакого. Книги находились на одной улице, а читатели ходили совсем по другой. И как туда перейти, они не знали. Но, улыбались.

– Кстати, – как-то спросил он ее, – если бы я купил тот мужской роман, ты стала бы его читать? – и хитро прищу-

рился. Она вспомнила и тоже улыбнулась, – с тобой, да, хотя, разве нужны для такого чтения аксессуары?

– В наш синтетический век это будит воображение, – ответил он.

– А мое присутствие тебя уже не будит? – спросила она.

– В этом все дело, – задумался Леонидов. – Потом поправился, посмотрев на нее, – нет, конечно, будит, будоражит!

– Лжец! – засмеялась она.

– Интересно другое, – продолжал Леонидов. – Появились книги, которые хочется покупать, но не хочется читать. Парадокс! Это гениально! Маленький издатель-циник прав – главное обложка! Все равно, что будет написано в книге, главное, что на ней нарисовано!

– А особенно приклеено! – добавила она.

– Точно! Приклеено! Раньше писатели годами учились, получали образование, жили, страдали, мучились, потом все пережитое, выстраданное выплескивали на бумагу. А теперь, как сказал коротышка, можно создать восхитительную обложку-фантик и обернуть им любое дерьмо! И люди за это заплатят деньги и съедят его.

– А если как следует отпиарить, попросят добавки, – согласилась Галя. Они немного помолчали.

– Леонидов, а зачем ты пишешь? – спросила она, – зачем ты делаешь это? Нашел время. Какого черта ты взялся за это? Как ты это делаешь?

– Как пишу? – задумался он. Раньше она никогда не спра-

шивала его об этом. – Хожу, топчу свою жизнь ногами, собираю мучения, муку. Потом добавляю каплю удовольствия и тогда пишу. Удовольствие – обязательное условие. Это как хороший соус. Без удовольствия не подхожу к столу. Но, главное – мука. Без нее никак. И чем хуже или тяжелее – тем интереснее. Такая вот сладостная мука – мазохизм.

Она посмотрела на него широко открытыми красивыми глазами и спросила:

– Тебе так плохо со мной?

– Нет, конечно же, нет. Но, часто чего-то не хватает. Появляется желание рассказать о чем-то, поделиться с кем-то еще.

Она еще хотела его о чем-то спросить, но промолчала – не решилась или не знала, о чем.

– Итак, коротышка прав! – Делаем обложки! – возвестила она.

– Ты с ума сошла! Мы напечатали тысячи книг, потратили кучу денег, а ты хочешь их выкинуть и напечатать другие – с новыми обложками?

– Ты тупица, Леонидов! Ты не делаешь выводов! И зачем я тебя с собой беру?

– Не понял?

– Не понял? Конечно, ты не понял! Писатель! Где уж тебе понять! Тебе что было сказано? Печатать обложки, а ты собираешься перепечатывать все книги. Снова не понял?

Он тупо на нее посмотрел:

– Ты собираешься напечатать только обложки? А что дальше?

– Дальше мы обернем ими твои книги! Как в школе ты обертывал учебники газеткой! Теперь понял?

Леонидов восхищенно на нее посмотрел: – Что бы он без нее делал?

– И все-таки ты не ответил, – снова ехидно посмотрела она на него, – что ты там говорил про мужской романчик? Или тебе, действительно, нужно его подарить, чтобы ты обратил на меня внимание? А может, меня тоже надо обернуть в фантик или приклеить что-нибудь? – смеялась она. – А без обложки мы уже никак?

– Ну, почему же, никак. Как! Еще как! – смеялся он.

– Как! – дразнила его она, – все вы одинаковые! Нет, чтобы взять в руки любимую книгу и читать запоем с удовольствием, листать страничку за страничкой, снова перечитывать. Обложка! Не пропускать ни строчки, ни буквы. Потом отложить ее ненадолго в сторону и снова читать. Писатель! Или ты только писать горазд? А читать?

– Страница за страницей? – поддался он на ее провокацию. Такую невинную провокацию.

– Пошел ВОН! – вдруг крикнула она Ангелу. – Иди к черту!

– Думай, кого посылаешь и к кому посылаешь! – возмутился тот.

– Извини, – согласилась она. – Иди-иди, найди нам худож-

ника! Нечего тут пялиться!

Тот виновато потупил ангельские глаза и мигом удалился, тяжело вздохнув. Тяжела ангельская ноша – видеть все и делать вид, что ничего не замечаешь.

Если читаешь книгу не наспех, как в метро или в автобусе, толкаясь о чужие спины и головы, а делаешь это с удовольствием: Сначала бережно прикасаешься, берешь ее в руки, ощущаешь запах. Потом, даже если уже читал её раньше, открываешь, словно впервые, и дальше, событие за событием, строка за строкой начинают уводить тебя в загадочные коридоры. В лабиринт, где нет острых углов, где масса тупиков и потаенных ходов, уголков, и ты теряешься и пропадаешь. И кажется, нечем дышать, боишься, что выхода не найдешь и нет его. А он все дальше и дальше ведет тебя за собой. Но, уже не боишься ничего, проходишь этими дорожками, скользя таинственными волшебными коридорами снова и снова, как в первый раз, и уже выбираться отсюда не желаешь, потому что мечтаешь заблудиться здесь навечно, навсегда... Потом снова идешь, и видится выход вдали. Он сверкает ярким пятном, он манит за собой! Голова идет кругом. Осталось лишь несколько шагов, страниц, строк, всего одно мгновение! Но, теперь хочется спрятаться, повернуть обратно, остаться здесь навсегда. А выход уже тащит тебя наружу, не дает обернуться, манит. И, наконец, вот она точка невозврата! Нет возврата туда, откуда только что вышел. Как бы

тебе ни хотелось, ты прошел этот божественный путь целиком, прошел до конца. И теперь пулей, невероятным потоком тебя несет восвояси. Счастливого, просветленного и такого молодого. Это и был коридор твоей молодости, загадочный лабиринт, где все было, как в первый раз. И, так всегда.

Потом отрываешься от своей возлюбленной книги и смотришь на нее. Наблюдаешь за тем, как нежный ветерок шелестит, переворачивая страницы. И если перечитываешь знакомую книгу, стоит делать это так, словно читаешь ее впервые. А еще лучше – читаешь в первый и в последний раз – как будто в любой момент она растворится у тебя на глазах и исчезнет навеки. Но, это уже нереальность, фантастика.

– Без обложки лучше? – спросила она, вытирая его мокрый лоб.

– И без того, что к ней приклеивается, тоже, – согласился он.

– Леонидов! Нам нужна обложка! Ты забыл? – вдруг громко сказала Галя. А она ничего не забыла, ее энергия фонтанировала, переливаясь через края.

– Я не умею писать обложки, – лениво ответил он, – только книги.

– Нам нужен художник! – настаивала она.

– Будем искать, – вяло ответил он, не соображая ничего, удивляясь ее способности переключаться. Что же – у каждого свой талант.

– «Будем искать»? Леонидов, и долго ты собираешься искать? Твой друг известный театральный художник – ты не хочешь к нему обратиться?

У него действительно был старый знакомый, можно сказать, друг, который учился на их курсе. Все они вместе учились – одна компания. «Люди, ближе которых по жизни никого и не осталось», – вспомнил он слова Петрова.

– Так, ты будешь ему звонить? – отвлекла она его от этих мыслей.

– Да! – произнес он.

Они встречались после окончания института несколько раз. Последний – два-три года назад. Тот действительно стал настоящим театральным художником – придумывал декорации к спектаклям, потом к театрализованным представлениям, потом просто к представлениям, шоу, концертам и так далее. Время шло, театр менялся, и творчество Художника менялось тоже. Чем он занимался сейчас? Наверное, тем же – писал, творил, декорировал. И, конечно, написать картинку для обложки книги ему ничего не стоило. «Стоило», – подумал он.

– Придется платить? Ну уж, нет, – неудобно даже предлагать – обидится, он и сам поступил бы так же. «Поможет, конечно, поможет». И он снял телефонную трубку. Потом положил ее на место, включив громкую связь. В последнее время по какой-то злой иронии с этим телефонным аппара-

том постоянно происходили метаморфозы, и рисковать он не хотел – мало ли что!

– Леонидов! Ты, что ли? – послышался бодрый уверенный голос друга-сокурсника. Тот был очень рад, и никакие помехи не являлись из мира его собеседника. Напротив – тишина и творческий покой.

– Слава Богу, – подумал Леонидов, – этот никуда не торопится, не летит за детьми на кружки, значит, можно спокойно поговорить. И они говорили. Долго вспоминали учебу, их молодецкие вечеринки и спектакли, их юную творческую жизнь. Когда-то Леонидов ставил первый в жизни спектакль, а Художник придумывал к нему свои первые декорации – это была их дипломная работа. А потом премьера, показы, успех! Первый успех! Такое не забывается! Теперь они братья по крови – по первым шагам в искусстве. И пусть этот спектакль больше нигде не идет, он дал этим двоим пропуск в творческую жизнь, оставшись где-то на далекой-далекой планете навечно. Где каждый вечер снова и снова раздвигаются кулисы, актеры занимают мизансцены, зрители места, и начинается таинство. А эти двое – Леонидов и Художник – снова рядом, волнуются, как когда-то, словно в первый раз, пересматривают свое творение. И каждый раз, вспоминая об этом, становится хорошо и волнительно в душе, молодеешь на свои бессмысленные двадцать лет, а та весна снова по-прежнему рядом.

Они говорили уже целый час.

– Ты не забыл, как держать кисть в руке? – наконец, спросил Леонидов.

– Да, ну, скажешь тоже, сплюнь, – заворчал Художник, – работы хватает, работы навалом, так сказать, расту в своих глазах. А ты чем сейчас занимаешься? Все своим «бизнесом»? – вспомнил он, коверкая это бессмысленное понятие.

– Скорее наоборот, – ответил Леонидов, – кстати, нужна твоя помощь.

– Да? А что такое, какой проект, какой заказ? – загорелись глаза друга-художника.

– Понимаешь, я написал несколько книг, готовлю их к печати, короче, нужно нарисовать обложки. Сможешь?

– Конечно! Какие могут быть вопросы, конечно, поможем, а как же! Поможем! Нарисуем! Натворим!

– Ну и ладно, ну и хорошо, я не сомневался в тебе, старик, – обрадовался Леонидов. – Естественно, денег не предлагаю, не рискую обидеть, – весело добавил он, а молчание уже зависло в кромешной творческой тишине. – Так, когда мы встретимся, поговорим? – спросил Леонидов.

Молчание висело, растворяясь в бесконечности, в далекой мастерской художника, в его творческой купели, где никто и ничто не могло помешать творить, рисовать шедевры, заниматься настоящим искусством.

– Алло? – молчание затянулось и уже начинало проникать сюда, в кабинет Леонидова, заполняя все пространство. И он решил разыскать Художника. Тот на мгновение пропал

куда-то, растворился в этой тиши, но мгновение затянулось, и ни единого слова, ни дыхания из молчащего аппарата.

– Фу, ты, черт! Леонидов! – внезапно прорезал тишину голос друга. Он никуда не пропадал и находился рядом. Леонидов даже отпрянул от неожиданности.

– Только... я сейчас не смогу, – продолжал друг. Снова короткая пауза разделила их. – Я сейчас работаю! У меня большой заказ, большая работа! Грандиозный проект! Я расписываю Луну!

– Луну? – опешил Леонидов.

– Ну да, Луну! – ответил он.

– И сколько ты будешь там еще работать? – с уважением спросил Леонидов.

– Старик, ну, сам пойми, это же Луна, не что-нибудь, не просто так, – он еще что-то говорил, а перед Леонидовым уже представало сквозь тысячи километров потрясающее зрелище! Огромная желтая планета! Такая маленькая, если глядеть на нее отсюда ничтожными глазами, но теперь она была совсем рядом. И его друг, Большой Художник, на гигантских лесах, которые опоясывали эту планету, перемещался от кратера к кратеру, от моря Дождей к Морю Облаков и дальше к Морю Пены. Полы его длинного халата развевались на Лунном ветру, были замазаны, перепачканы краской, а он все водил лунной кистью и рисовал! Творил! И разговаривал с ним, простым смертным, с маленьким человечком, затерявшимся где-то крошечной песчинкой, каких

миллионы на Земле. А тот водил лунной кистью и разговаривал! С ним разговаривал! И творил!

Так вот почему было так тихо. Это великая космическая тишина разливалась в лунной округе, да что там в лунной, во всей солнечной системе, в целой галактике! И на мгновение гордость за друга переполнила все его существо. Ничтожное земное существо.

– Ну, ты понимаешь, – вещал голос с далекого спутника, – это не просто так.

– Да, да! Я понимаю, конечно, понимаю! Старик, ты аккуратнее там. Луна – это все-таки Луна! Это не просто так! – а сколько можно было расписывать эту огромную поверхность, он не мог себе представить.

– Звони-и-и! Давай, звони-и-и! Не пропадай! – продолжал издали его друг, – через неделю звон-и-и-и, через две-е-е! Поможем, обязательно поможем!

– Да, я и через год позвоню, и через два!

– Давай, звони-и-и через год! Через два! – вещал голос Художника с таинственной планеты.

– Да, я и через двадцать лет позвоню, – с уважением воскликнул Леонидов.

– А потом будет еще один заказ – буду мазать Сатурн! – таял вдалеке голос Художника.

– Сатурн? Мазать? – опешил Леонидов.

– Да, Сатурн! – подтвердил Художник, – так что работы завал, работы хватает. Короче, звони! Поможем! Обязательно-

чала и странно на него посмотрела.

– Не понимает, женщина! Ни черта не понимает! – подумал он. – А потом он будет мазать,... то есть, расписывать Сатурн, – добавил Леонидов.

– Луну, понятно, – ответила она.

– Что тебе понятно? Ты можешь себе такое представить?

– А что там представлять? – равнодушно ответила она, – кабак, как кабак, таких сотни в Москве.

– Какой кабак? – возмутился Леонидов, – ты что несешь?

– Ресторанчик в центре, а ты не знал?

Он промолчал, потом спросил: – А Сатурн, по-твоему, тоже кабак?

– Сатурн – пивная! Леонидов, ты что, с Луны свалился? Кто из нас должен кабаки знать – ты или я?... А ты что подумал? – спросила она и внимательно на него посмотрела. Он тоже посмотрел на нее и устало спросил: – И откуда ты все знаешь?

– Телевизор надо смотреть, газеты читать – вот и будешь знать все. А ты уткнулся в свой экран и ни черта не замечаешь!

Но он уже не слышал ее слов. Маленький спутник-кабак летел по своей одинокой орбите, а большой Сатурн-пивной-ресторан освещал восхитительным светом неоновых ламп вечернюю улицу. Пьяные посетители вываливались оттуда, рыгали, рассаживались по своим машинам и разъезжались. А маленький художник стоял на лесах и декорировал,

красил, мазал поверхности этих пьяных планет. Но где-то оставалась еще одна маленькая планета, там каждый вечер поднимался занавес, актеры играли спектакль, зрители сидели в темном зале, заморожено глядя на сцену, а двое, совсем еще юных мужчин, Художник и Режиссер, следили за этим действием с волнением, словно в первый раз.

– И почему он мне не захотел помочь? – подумал Леонидов.

– Странно.

19

Они с Галей сидели на синей лужайке. Вокруг поднимались небоскребы, подпирая небо. Посреди нее стоял стол, на котором гордо занимали свои места компьютер и молчащий телефон. Лужайка была блестящая, лакированная. Она сияла на солнце, мерцая серебряным светом, а они, ползая по ней, трудились в поте лица.

– Господи, – пробормотал он, – проще было написать книги, чем обернуть их в твои обложки.

– Ты чем-то недоволен? – строго спросила она.

– Доволен, всем доволен, – проворчал он.

– Аккуратно! – закричала она, – помнешь!

Они с Галей расположились на полу, равномерно покрытом свеженькими, сверкающими обложками. Вокруг поднимались до самого потолка коробки с книгами, а они сидели

и оборачивали их. Уже третий день, уже неделю ползали и оборачивали.

Недавно Галя позвонила в полиграфическую фирму и заказала там обложки. Сначала узнала цену, потом долго ругалась, снова куда-то звонила. Он слышал из своей комнаты только слово «суперобложки». Наконец, уставшая, расстроенная пришла к нему.

– Дорого! – сказала она.

– Как может листик глянцевого бумажки с картинкой стоить дорого? – удивился он.

– Один такой листик стоит дороже, чем твоя книга.

– Не может быть! – засмеялся он. – Разве это возможно?

– Возможно! – устало ответила она.

– Не верю!

– Позвони сам, вот телефоны полиграфических фирм, все говорят одно и то же. Будешь с ними разговаривать, называй правильно – суперобложка. Ты меня понял?

– Понял, – улыбнулся он. – Теперь все понял.

Он выбрал первый попавшийся номер и позвонил:

– Сколько стоит суперобложка? – спросил он. Приятный женский голос уточнил: – А что это такое?

– Обложка. Я хочу обернуть свои книги.

Узнав размеры и тираж, ему выдали такую цену, что он присвистнул. – Это дороже, чем стоило напечатать саму книгу! – воскликнул он.

– Вы хотите, чтобы ваша книга смотрелась красиво? –

произнесла девушка.

– Конечно!.

– Поэтому такая цена. Это же суперобложка! Супер! Вы понимаете?

– А я тебе что говорила! – громко сказала Галя. Но он трубку класть не стал и, улыбаясь, продолжил: – Вы печатаете буклеты?

– Буклеты? – разочарованно переспросила девушка.

– Да-да! Обыкновенные цветные буклеты?

– Конечно, печатаем! Это наша специализация!

– Тогда посчитайте, пожалуйста, сколько будет стоить такое же количество буклетов таких же размеров, с точно такой же картинкой.

На другом конце провода зашуршало, забормотало, застучало по калькулятору, и, наконец, выдало... сущие копейки...

– Меня вполне устраивает! – воскликнул он.

– А суперобложки вы уже не хотите? – спросила девушка.

– Нет, не хочу, – ответил он и, повесив трубку, гордо посмотрел на Галю.

– Но это одно и то же! – воскликнула она.

– Конечно! – засмеялся он.

– Тогда, какого черта?

– Все дело в названии, – ответил он. – Если без «супера», все намного дешевле – такова жизнь.

И теперь, сидя на полу, не спеша, книгу за книгой, они

оборачивали буклетами-суперобложками. Люди выходили из домов-небоскребов и не понимали, зачем их квартиры-книги заворачивают в красочные бумажки? Раньше было неплохо, было строго, красиво, со вкусом, а теперь они стали, как фантики от конфет. Можно жить в книгах, но, разве можно жить в конфетах, пусть даже таких пестрых? Как интересно почувствовать себя начинкой – карамелью, орешками или шоколадом! Какие странные эти двое! Сначала они написали их, потом напечатали, дали им жизнь, приготовили к встрече с читателями, уже готовились поведать свои истории, судьбы, поделиться опытом, а теперь превращают все в начинку, а книги, где они живут, в конфеты. Осталось еще приклеить какую-нибудь ерунду, и можно будет сдавать в сувенирную лавку.

А этим двоим все нравилось, и они, как дети, ползая по синему блестящему ковру, делали из книг конфеты.

Это просто игра. И если ты можешь себе позволить играть в сорок или не в сорок (Гале было 36), если ты способен на это, значит, не утратил, сохранил частичку юности и детства, а, значит, ты еще живешь! Ты жив! И, действительно, была ли в этом многомиллионном городе еще хотя бы одна такая квартира, где два взрослых человека могли заниматься подобным? Конечно же, нет!

Наконец, последняя книга была обернута, и город небоскребов стал разноцветным и пестрым. Он стал больше и теперь горделиво сверкал всеми цветами радуги, переливаясь,

как в известном Парке развлечений. Не хватало только карусели. Не хватало – напишем. И карусель напишем. Теперь Леонидов мог написать все. Только в последнее время редко подходил к компьютеру. Совсем к нему не подходил! Не мог. Раньше он только догадывался об этом, интуиция подсказывала, что можно писать или вовсе не писать – третьего не дано, есть вещи несовместимые. И сейчас он наблюдал, как Галя упорно висит на телефоне, предлагая его книги, а коробки, словно невесты, сидели на своем приданном и ждали жениха. Но, тот все не появлялся. Ни один магазин не брался купить их книги. Не то чтобы купить, даже взяться их продавать, а деньги потом.

– У вас что, сотни наименований? – спрашивали они.

– У нас не наименования, а книги, – отвечала Галя.

– А мы берем наименования – не менее ста штук.

И так по кругу.

– Вы не посоветуете, куда можно обратиться? – наконец, не выдержав, разговорила она одного товароведа. А тот, почувствовав себя главным торговым консультантом страны, главным специалистом по продаже книг, снизойдя до нее со своей торговой горы, объяснял:

– Вы, девушка, зря звоните в магазины. Мы берем наименования.

– От ста штук, я знаю, – перебила она.

– От ста? – возмутился тот. – Наш магазин берет от тысячи!

Но, видимо, Галин голос ему понравился, и он поучительно продолжал, – а у вас их всего четыре! Девушка, милая... с красивыми глазами и нежным голосом... Несчастливая подруга писателя... Это даже хуже, чем жена декабриста... Кстати, что вы делаете сегодня вечером?

Девушка терпела такое отношение, хотя в другой ситуации он давно получил бы по морде. Но, девушке нужна была информация, и она терпела:

– Не отвлекаемся, господин товаровед, продолжаем.

– Не товаровед, а начальник отдела продаж! – строго поправил он.

– Хорошо! Начальник! – согласилась она.

И он, как на привязи, продолжал свою речь:

– Во-вторых, ни один магазин не возьмется работать с частным лицом. У вас что ИП или ПБОЮЛ?

– Что? – возмутилась она, – у меня Леонидов.

– ИП Леонидов? – спросил он.

– Нет, В. В. Леонидов, – сказала она, – какая вам разница, как зовут моего мужа?

– Мне все равно, как его зовут, но магазину не все равно, с кем работать. У вас должна быть фирма. Она у вас есть?

– Нет, – ответила Галя.

– Нет. – Повторил консультант. – И в третьих, ни один уважающий себя магазин не возьмет вашего Леонидова.

– Но, почему? – воскликнула она.

– Кто такой Леонидов? Ну, кто он такой? Без пиара, без

поддержки вас никто не захочет... Во всяком случае его. Так, как насчет вечера?

– И все-таки, если не магазины, тогда кто сможет работать с нами? – уже нервно пыталась его она.

– Издательства!

– Неинтересно!

– Ну, тогда... книготорговые фирмы... Девушка, если хотите, я могу вас проконсультировать по всем вопросам в приватной беседе. Так сказать, на досуге...

– Пошел к черту старый, лысый козел, – закончила она и бросила трубку. Ангел от такого посыла подпрыгнул на месте. Подпрыгнул и подумал: – А я им говорил!

Книготорговые фирмы!

И снова завертелось! Фирма за фирмой, звонок за звонком:

– Леонидов? Кто такой Леонидов? Ну, кто такой Леонидов? Он спортсмен, олимпийский чемпион, депутат, генерал милиции? Он космонавт или светская львица? Он сын или внук, внучатая племянница? Как мы будем продавать Леонидова? Никак!

Наконец Галя устала и подошла к нему. Она делала это уже вторую неделю! Она больше не могла!

– Леонидов! Кто ты такой, Леонидов? Ну, кто? Ты просто, Леонидов.

Посмотрела на него и добавила: – Мой Леонидов. Просто

мой и все...

А книги с укором на нее посмотрели с высоты небоскребов. На каждой из них было написано это имя, они теперь тоже были Леонидовыми, став членами семьи. Такая большая семья! А там какой-то депутат или дива. Да, кто такие они? – думали книги...

– Давай, я схожу на книжную ярмарку, – пожалел он Галю.

– Что там делать? – спросила она.

– Все равно ничем не занимаюсь, пройду, посмотрю, поговорю с людьми. А ты оставайся дома, я сам.

Он достал с самого верха крыши одного из зданий несколько книг и пошел на выход.

– Веди себя прилично! – на прощанье грозно бросил он, – хватит приставать по телефону к мужикам, тем более, к товароведкам. Они работают только оптом!

Он вышел из метро и направлялся к месту, где была та самая книжная ярмарка, книжный центр, книжный район Москвы. Неподалеку стояли аттракционы, разгоняя летнюю жару, кружились карусели, летели в разные стороны лодочки качелей, а посередине этого парка развлечений гордо стояло чертово колесо.

– Карусель, – вспомнил он. – Как кстати. Вот и карусель!

Он долго на нее смотрел, пока голова не начала кружиться. Она вращалась где-то наверху, а ему казалось, что она стоит на месте, а весь мир и он вместе с ним вращается во-

круг нее. Все относительно – как посмотреть. Подошел поближе – билетик стоил 500 рублей. Его книга 100 – так он хотел ее продавать. За сколько напечатали, за столько и отдать (хорошо, что рядом не было Гали). Значит, чтобы прокатиться 3 минуты, нужно продать 5 книг. Интересная арифметика.

Пошел дальше. На большой площади были видны торговые ряды и много-много летних палаток. А ещё дальше увидел огромное здание, на котором гордо красовалось – «Книжная Ярмарка». Сразу же бросились в глаза пестрые вывески на палатках – «Все по 20 рублей»! Он не поверил и подошел поближе. Подумал, что там мороженое или вода. Нет, мороженое продавалось рядом, но стоило немного дороже. А «все по двадцать рублей» уже манило, притягивало его внимание. Наконец, он добрался до цели. Толстой, Чехов, Достоевский, Тютчев, Пришвин... Он не верил своим глазам. Вся эта старая гвардия распродалась по... 20 рублей. Они гордо смотрели на него серенькими одноцветными обложками, и только имена, эти великие имена украшали их. Леонидов вытер лоб, было очень жарко, и посмотрел по сторонам. Карусель вертелась, приглашая проветриться и прокатиться... за 500 рублей. Дальше стоял маленький ларек – «Все по 30 рублей»! Интересно! Он подошел: Кортасар, Хемингуэй, Сэлинджер, Р. Бах, Фолкнер. Все по 30! Почему не по двадцать? Потому что иностранцы, – подумал он. – Логично!

Снова ларек с мороженым. Достоевский стоил дешевле, чем эскимо, но Фолкнер все же оказался дороже. На целых 5 рублей! Ему стало жарко! Он захотел выпить чего-нибудь. Бутылка воды – 50 рублей. Чехов и Кортасар вместе «тянули» на одну бутылку сладкой газировки – воды из крана, разбавленной липкой пищевой добавкой. А карусель вращалась...

И все-таки ему захотелось купить несколько книг. Когда-то было мечтой иметь такую библиотеку. Он взял в руки томик, открыл его – «Палата номер 6». Его любимая повесть. Вдруг захотелось спасти все эти книги, купить, вывезти отсюда. Уже полез в карман, но снова посмотрел на ценник – 20 рублей.

– А ничего дороже у вас нет? – спросил он продавщицу.

– Вот же написано – все по 20. Дороже там! – и она махнула в сторону здания ярмарки, – у них аренда дороже и книги тоже, а у нас все по 20.

Она жевала пирожок, перед ней, прямо на книгах, были разложены сальце, огурчики и стаканчик с водой.

– Что же вы, прямо на книгах? – спросил он.

– А чо? – удивилась она, – салфетки дороже стоят. Ну, будете брать? Я вам чистенькие дам, новые!

Он достал деньги и посмотрел на книги. Он смотрел на них, а они на него. Так какое-то время они глядели друг на друга. И тут ему стало перед ними стыдно. Он не мог купить Толстого или Чехова за двадцатку, не мог подать 30 рублей

Фолкнеру или Кортасару. Как милостыню. Ему стыдно было перед любимым Хемингуэем. Потом перевел взгляд на свои книги – Леонидов, ну кто ты такой? Кто?

И возникло странное желание в опустошенной душе – взять свои «творения» и выкинуть, положить их в урну, отдать на салфетки вместо тех. А карусель вращалась, маленькие кабинки летели, в них сидели любимые писатели, лежали их великие книги, и голова шла кругом. И тут, словно ударило по голове, сверкнуло, резануло по глазам странными заголовками:

«Как заработать миллион» – 500 р.

«Как заработать миллиард – 1000 р.»

«Бабло» – 1500 р.

Они нагло уставились на него и требовали денег. Его денег! Можно товаром! Давай свои книги! За «Бабло», пятнадцать твоих книжонок! Жалких книжонок! Леонидов, ну, кто ты такой?

– Ну, нет! – подумал он, бережно обхватив свой пакет обеими руками. Потом бросил прощальный взгляд на любимых классиков и пошел восвояси. Он не отправился дальше на ярмарку – там аренда была выше, все было понятно и так...

– Как сходил? – спросила Галя, когда он вернулся ни с чем, – поговорил с людьми?

– Поговорил, – ответил он, – катался на карусели.

Но больше объяснять ничего не стал.

– На карусели? – удивилась она. – Ну, и правильно, – на карусели! Так и надо!

– На карусели... карусели... карусели, – эхом повторяли книги. Но он уже их не слышал. А перед глазами все кружилась карусель, летели в разные стороны лодочки качелей, а посреди этого Парка развлечений гордо стояло чертово колесо. Чертово! Только мир больше не вращался вокруг него – все относительно, как посмотреть. Там сидели Фолкнер и Достоевский, Толстой и Кортасар. Они смотрели вниз и не могли понять – кто теперь такие они? Ну, кто они такие? Пожалуй, никто! И голова продолжала кружиться.

20

– Галя, скажи, что теперь смотрят? – как-то раз спросил он её.

– Что теперь носят, ты хотел спросить? – поправила она.

– Нет, смотрят... по телевизору? – неуверенно повторил он свой вопрос, и она захохотала. – Ты, старый динозавр, решил посмотреть телевизор? Я не верю! Что должно было такое случиться, чтобы ты подошел к этому ящику? – продолжала она, смеясь. А ему действительно необходима была помощь. Он многие годы не включал его. Просто, было не интересно. Было жаль время тратить на это – до позднего вечера сумасшедшая работа, потом масса любимых игрушек – книги, музыка, кино по видео. А телевизор стоял и пылился

в его комнате, и он, не глядя и не замечая, проходил мимо. Иногда включал новости и невидящим взглядом и неслышащим ухом уделял им внимание. Потом выключал этот бубнеж, и снова комната превращалась в его мир. Только его, где никто не мог появиться без ведома, отвлекая и отравляя жизнь. Но, теперь! Он хотел знать! Он должен был знать все! Чем живут эти люди? Чего они хотят? Поэтому сейчас началась познавательная экскурсия в новый для него мир. Цельный мир! А гидом служила Галя! Она была в курсе происходящего, шагая в ногу со временем.

Они сели на диван, включили какой-то канал и погрузились в длительное сосредоточенное созерцание. Все мелькало перед глазами, он не мог сосредоточиться, уловить нить и смысл происходящего.

– Действительно, отстал, – подумал он, продолжая смотреть. Поняв, что это реклама, взял пульт и переключил канал. Там тоже была реклама. Щелкал снова и снова. Везде только реклама. Он недоуменно посмотрел на нее.

– Сейчас закончится, – улыбнулась Галя, – просто нужно подождать.

Он терпеливо стал ждать. Потом появились люди. Они готовили какую-то еду, веселились, болтали всякую ерунду, получая от этого сказочное удовольствие. По-видимому, зрители тоже должны были испытывать подобное. Он снова бросил взгляд на Галю. Она в восторге смотрела передачу, рассказывая об этих людях. Ведущая была дочерью извест-

ного актера, а ее гости – тоже чьи-то дети, мужья или жены, не важно, но, обязательно чьи-то. И она знала о них все! Снова реклама ударила по ушам. Звук сам собой становился громче. Несравненно громче. И в его мозги теперь вколачивались стиральный порошок, крем, гигиенические прокладки и средства для похудения. Было очень интересно и он увлекся. Потом снова те же люди готовили еду. Он уже давно позабыл о них, но они продолжили свое занятие, неустанно веселясь. Леонидов попытался сосредоточиться, он хотел знать, что они готовят! Но как молотом по наковальне резкий звук, и снова реклама ворвалась в его жизнь, в комнату, барабаня по ушам. Теперь жевательная резинка и чистящее, моющее средство. И так по кругу.

– Как это смотреть? – не выдержал он, хватаясь за голову, затыкая уши.

– Вот кнопочка, – сказала она, показав на пульт. – Убираешь звук и ждешь. Потом включаешь снова.

– Они специально дают рекламу намного громче, чтобы мы убирали звук? – спросил он.

– Конечно, – спокойно ответила она. – А иначе зачем?

– Тогда зачем, вообще, нужна такая реклама? – спросил он. – Если ее никто не услышит?

– Какой-нибудь идиот обязательно услышит, не станет все время тыкать в пульт, и тогда он попал!

– Понятно, значит эта реклама рассчитана на идиотов.

– Ты быстро схватываешь, – пораздовалась она. И все-таки

он решил испить эту чашу до дна. Больше не отключая надоевшую рекламу, досмотрел передачу до конца. Еда была приготовлена и съедена. Невинная детская радость потомков знаменитостей, мужей или жен, их именитых гостей исчерпала себя, и снова реклама, только реклама по всем каналам. Он так и не успел понять, что там готовилось, по-видимому, это было не важно, но к этому моменту уже весь был перемазан кремом, рот его был забит восхитительной жвачкой, гигиенические пакеты торчали из карманов, ушей, выпадали из рукавов, как из одеяния фокусника. Вся его одежда была замочена и постирана в стиральном порошке, а лоб и щеки натерты до блеска чистящим средством и сверкали в жизне-радостном отблеске экрана телевизора.

– Можно подумать, что раньше в твои времена динозавра, не было рекламы, – сказала она, посмотрев на него.

– Была! – вспомнил он, – выплевывая жвачку. – Точно помню! Была! Крем «Балет» и еще... «Храните деньги в сберегательной кассе»! – выдал он.

– Вот, – воскликнула она, – значит, не так уж страшно?

– Не страшно, – подумал он, – совсем не страшно!

И почувствовал себя на аттракционе, но не на карусели, а, скорее, на американских горках – теперь русских. А события одно за другим мелькали на экране, словно поднимая вверх ногами, и ты уже летишь в своей кабинке, немного прищурившись, а реклама, пугая, поджидает за каждым поворотом, за каждым витком. Он с удовольствием уселся в кресло глуб-

же, но почему-то захотелось пристегнуться.

Теперь на экране кого-то судили – делали это в прямом эфире, потом зачитали приговор и повели, по-видимому, на расстрел или что там бывает еще. Потом короткий страшненький фильм, где кто-то за кем-то гнался. Уже догонял, готов был вцепиться в глотку, разорвать, но справедливый конец настигал его. А кабинка все летела и летела, и билась о край рельса. Где-то под ней был тот самый рельс, который не давал ему оторваться, не давал соскочить или упасть и уверенно гнал его тело, голову и мозги по накатанной колее. Снова реклама, снова в кого-то стреляли, а справедливый конец сменился на гору трупов. Видимо, справедливость наступит потом, в самом конце. Когда всю эту гору закопают, тогда и наступит момент очищения – катарсиса! – вспомнил он о том, что несет в себе искусство – очищение, обновление души, трепетный финал!

И он, вцепившись в подлокотники дивана, снова ждал. Но его все не было! Не было этого финала и трепетного конца тоже, только гора трупов...

Потом шли криминальные новости. Жвачка снова полезла в рот, а маньяк уже разгуливал по городу, поджидая малолетних жертв. Какая-то женщина в пьяном угаре топором рубила своего сожителя на части, какой-то автомобиль сносил остановку с людьми, чиновника хватили с поличным, а тот запихивал толстые пачки купюр себе в рот. Пачки были большими, но рот был тоже большой. Гигантский рот! Но па-

чек было много! Очень много! А он все запихивал и глотал! Он уменьшал хорошим аппетитом «срок». Это было захватывающее Шоу! А все следили и даже болели за него. Стоит этому толстяку съесть все деньги – игра продолжится. Он снова будет на свободе. Он победит! И опять станет есть такие же пачки, но уже в другом кабинете или на другой передаче...

Маньяк приближался, он уже достал свою удавку и вот-вот набросится на свою жертву. Удавка с удовольствием вцепится в горло и будет сдавливать и ломать хрупкие кости. Последние звуки из задушенной гортани вырвутся наружу, а дальше конец! Он уже очень близок! Он уже настигает! Реклама! Где эта чертова реклама? Когда она так нужна – почему ее нет?

Наконец, спасительные памперсы и гигиенические прокладки полезли с экрана, закрывая его целиком. И он, спасенный, счастливый, с памперсом на голове и ртом, забитым жвачкой, мог немного расслабиться и перевести дух. Кабинка остановилась, приглашая сделать еще круг. Кружок. Еще один виток.

Он покосился на Галю. Она с интересом глядела на экран. – Привыкла, – подумал он, подивившись ее мужеству. – Разве к этому можно привыкнуть? А где-то сейчас сидит ребенок у телевизора. Он вернулся со своего кружка, а родители его на работе! И сейчас он включит этот канал! Или другой! Или третий! Ему станет страшно! Он испортит психику,

да просто сойдет с ума! Тоже – привык?

Кабинка американско-русской горки замерла на месте, приглашая сделать еще кружок. Пожалуй, стоит прерваться. ненадолго. А потом все с начала. Он должен знать все!

Леонидов сделал звук тише, взял программу передач и начал читать. Читать все подряд:

«Передача – Криминальное происшествие».

«Передача – Встать – суд идет».

«Кинофильм – Погоня за монстрами».

«Передача – Преступление без наказания».

«Новости – Криминальная Россия».

«Фильм – Убийство на лестнице».

«Продолжение фильма – Убийство под лестницей».

«Лестница-убийца».

«Убийца».

«Передача – Дело номер 1».

«Дело номер 2».

«Приговор».

«Шоу – Криминальное болото».

«Шоу – Криминальная топь».

«Кинофильм – поцелуй на выстрел».

Ребенку, который был сейчас один дома, стало страшно от этой программки. Он забился глубже в диван, обложился подушками, вжался в спинку. Все время хотелось оглянуться и посмотреть – кто у него за спиной. Там была только стена и ничего больше! Он знал об этом, иначе и быть не могло, но

обернуться не смог. И теперь пространство большой комнаты пугало. В каждый миг из любого уголка могло появиться нечто и броситься на него. Он уже не успевал смотреть по сторонам. Нужно найти угол, откуда будет все видно. Нужно забиться, спрятаться, не высовываться! Он пополз под диван, едва протиснувшись. Пахло пылью, было тесно, но стало спокойнее. Понемногу пришел в себя, но телевизор не выключил. Почему не выключил? Почему, не отрываясь, он смотрит на этот экран и не может от него оторваться? Смотрит и смотрит, словно лучик, исходящий оттуда, немислимым магическим образом приковывает его внимание, мысли, маленькое тело, крошечную жизнь и его судьбу! Теперь он на короткой привязи у магического прибора, который сет «хорошее, доброе, вечное».

Леонидов оторвался от программки и своих мыслей. Стало не по себе. Он перевел дух, снова посмотрел на экран.

– Слава Богу, – подумал он. Зазвучала с детства знакомая мелодия, и появилась знакомая заставка – «Новости дня». Можно расслабиться и передохнуть, – подумал он. Мелодия закончилась, и тут прорвало.

Захотелось зажмурить глаза. Это не был документальный или художественный фильм, не был экран криминальных сообщений. Шли самые обыкновенные новости. Новости дня:

– В результате беспорядков в Лондоне 8 полицейских получили ранения, один человек погиб.

А толпы людей уже крушили витрины магазинов, поджи-

гали машины, забрасывая полицейских камнями и бутылками с зажигательной смесью и растаскивая награбленное.

– В отношении напавших на АЗС возбудили уголовное дело.

Теперь камера наблюдения показывала пятерых в масках, которые из маленького окошечка вытаскивали за волосы девушку-кассира, потом врываются внутрь заправки и расстреливали сейф. Запихивали деньги за пазуху и убегали, прихватив несчастную с собой.

– На дороге перевернулся грузовик.

Несколько машин, сбившись в стайку на трассе, в темноте, под дождем, образовали светящееся пятно, а в середине его пылал автомобиль, и сквозь прозрачные окна были видны лица не задохнувшихся, еще живых людей. Зрители на дороге достали телефоны, камеры и начали снимать. Почему они не помогут им? Почему не откроют двери, не разобьют окна, ведь в машине люди! Они еще живы! Но толпа зевак все стояла, продолжая снимать эксклюзивное кино.

– В Подмоскowie сотни людей тушат торфяной пожар.

Ветки горели, яркие огоньки выстреливали рядами из высохшей коры, и огонь мчался по верхушкам деревьев, по лужайкам, по крышам домов. А веселый ветерок подхватывал его, не давая затухнуть и прекратить этот праздничный фейерверк.

– Кризис на финансовых рынках.

– Чрезвычайное положение из-за вспышки чумы.

– В Сирии в мятежный город введены танки.

– В Н... области в результате пожара сгорели 3 частных дома. Погибли люди.

– В Пакистане при взрыве уничтожены 16 бензовозов с топливом.

– Погибли люди.

– Погибли люди.

– Погибли люди.

Последний круг на этом веселом аттракционе давался тяжелее всего. Это были самые обыкновенные новости. Но то, что случилось сегодня, напоминало апокалипсис. Галя продолжала спокойно смотреть на экран.

– Привыкла! Давно привыкла!

Тележка остановилась, замерла и он отстегнулся. Потом долго устало смотрел на экран, где шли новости погоды. Уже ничего не могло произойти... только погода. Погода и больше ничего. Как могло случиться, что кроме погоды, сегодня ничего хорошего в мире не произошло? Люди, проснувшись, не посмотрели на небо, на солнце, не улыбнулись друг другу, не подарили кому-то цветы, не сходили на премьеру? Значит, не было сегодня премьеры! Неба и солнца тоже! Цветов не было и людей! Вообще, никого не было! Никого и ничего. Кроме погоды...

– Но, кто-то это делает? Кто-то собирает по всему миру ужасы, превращая день сегодняшней в кошмар. И жизнь нашу тоже...

Последний раз взглянув на экран и получив по лицу и ушам порцией рекламы, Леонидов выключил телевизор.

– Ну, как, мой писатель? – радостно спросила Галя. – Понравилось?

– Очень! – воскликнул он, – особенно про маньяка и про пожирателя денег.

– А я говорила! – воскликнула она. – Ты много теряешь... Ладно, я тебе больше не нужна? Пойду, сейчас начнется мой сериал.

Она даже представить себе не могла, как сейчас была ему нужна. После всего увиденного, услышанного. Ему было тошно, было не по себе. Но она ушла, и только книги, тысячи его книг оставались рядом. И вид этих небоскребов, отражающих вечернее солнце, приводил мысли и чувства в порядок, в уютный привычный покой, который он так долго берег и сохранял для себя. Для себя? А как же они? А ребенок, который один дома?

21

Лето закончилось. Оно растворило жару в холодных осенних лужах. Люди, вернувшись из отпусков, забросили праздные дела и начинали жить по-новому, по-осеннему. Люди начинали свой «сезон». Поэтому Леонидову не было жалко расставаться с этим летом. Летом, которое, отобрав немало времени и сил, подарило небольшой опыт в непростом деле,

за которое они с Галей взялись... И с Ангелом тоже. За это лето он почти ничего не написал. Он не мог писать, потому что каждый день, просыпаясь и заходя в кабинет, видел, как на него с укоризной смотрели книги. Горы книг. Небоскребы книг. Он все никак не мог расстаться с ними.

Осень заморозила холодные лужи в первом морозце, снегом запорошила город, улицы, и только его пестрая улица и его небоскребы стояли, подпирая потолок, не тронутые и никому не нужные. Пока не нужные. Ни один магазин не желал брать четыре книжки у автора, у частного лица, у какого-то Леонидова. Ни одна книготорговая компания не хотела работать с неизвестным писателем. Никто не изъявил желания даже прочитать их, поскольку книги теперь читать вовсе не нужно. И только одно брезжило где-то вдалеке, в начале следующего лета, в день, когда состоится премьера фильма. Только тогда, может быть, его книги захотят покупать и читать.

Но, неожиданно произошло событие, которое изменило такую спокойную и размеренную жизнь, и снова огонек затлел в потухшем кострище, из которого так хотелось развести большой веселый костер. И снова появилась надежда.

Как известно, все в этом мире делается только через знакомых. Ты рождаешься, и тебе помогают явиться на этот свет знакомые акушеры. Растешь, еще не научился говорить, а через знакомых тебе уже подыскивают «правильную» школу. Через знакомых ты поступаешь в институт, потом через дру-

гих знакомых находишь престижную работу. Уже сам обрастаешь знакомыми, и дальше идешь по жизни шаг за шагом, не сам по себе, а только с их помощью. Иногда кажется, если бы не было знакомого акушера, ты бы не родился. А если бы и родился, то без следующего знакомого не вырос и не выучился. Просто, не смог бы выжить! По-видимому, при входе в этот мир следовало бы поставить Ангела или кого-то еще, кто задавал бы один простой вопрос: – У ваших родителей есть знакомства? И если окажется, что нет, то и не стоит такого сюда впускать – все равно скоро ни с чем вернется обратно. Без знакомых на этом свете делать нечего. А если ты явился сюда и имеешь семь пядей во лбу? Если набрался наглости чего-то захотеть, добиться в этой жизни сам по себе? Даже не думай. Все обречено на провал, и никакой Ангел не поможет. Единственное, что будет позволительно без чьей-либо помощи – покинуть этот мир навсегда. Так устроена жизнь.

Галя последнее время, устав предпринимать какие-либо попытки, немного успокоилась. Ангел где-то пропадал по ангельским делам. Видимо, у него были еще подопечные более сговорчивые и послушные. Появлялся он редко. Проверял наличие книг под потолком, что-то ворчал, советовал и удалялся восвояси. Но однажды он принес новость. Вернее не он, но все произошло, несомненно, с его легкой руки. Вернее, крыла. Однажды Гале позвонил один ее старый знакомый. А у него был еще один знакомый. И, наконец, у

того тоже был знакомый... писатель. А у писателя был знакомый поэт и издатель. Очень уважаемый человек, которого знали в поэтическом мире. И не только знали, но и печатали. Впрочем, печатал он себя сам. Издавал книги свои, чужие и выпускал собственный Литературный журнал. Словом, появился еще один шанс, который не использовать было нельзя. Галя позвонила ему и договорилась о встрече. Поэт-издатель сказал ей, что сначала должен прочитать книги Леонидова, и только тогда даст ответ, станет ли помогать.

– Чем он сможет помочь? – спросила Галя у писателя – знакомого поэта-издателя, которого нашла через знакомого, одного своего хорошего знакомого, – привезя ему книги Леонидова. Тот ответил просто: – Если Тепанов возьмется – он СДЕЛАЕТ! Обязательно сделает! Его услуги будут стоить,... и озвучил сумму затрат. Как ни странно, это были не миллионы, не миллиарды, а вполне соизмеримая с их возможностями цена, которую они могли заплатить за пиар и продвижение Леонидова на книжный рынок. За пропуск в новый для него мир.

– Это все, что у нас осталось, – возразил Леонидов.

– По странной случайности, это ровно столько, сколько у нас осталось, и мы заплатим эти деньги! – ликовала Галя. – Это же знакомый! Очень близкий знакомый знакомого моего знакомого, его знакомого писателя!

– Сама поняла, что сказала? – спросил ее Леонидов.

– Это наш шанс! – воскликнула она.

– Тепанов? А тебе не кажется, что в его имени чего-то не хватает? – спросил он.

– Да, пожалуй, чего-то не хватает, – задумалась она, но отмахнулась. – Не важно. Главное, чтобы ему понравились твои книги, иначе он не возьмется.

Когда Леонидов услышал эту фразу, понял, что это действительно шанс! За эти два года, за долгие два года ни один издатель не изъявил желания прочитать его книг. Ни один книготорговец не хотел даже взять их в руки, а тут некто собирался их прочитать! И теперь они ждали его ответа. То были мучительные дни. От мнения этого человека зависело все. Ему были важны не фантики и обложки, а книги. Его книги! Его мысли! Это подкупало! Только профессионал мог так отнестись к его работе, и никакие знакомые здесь были не нужны. Известный издатель и поэт, главный редактор Литературного журнала сейчас решал его судьбу – он читал его книги, это было главное! И день этот наступил!

– Леонидов, собирайся, он ждет тебя! Бери деньги и езжай! Доброго Ангела возьми с собой, он теперь снова с нами! И надень костюм...

Они долго шли по улице, находящейся в центре старой Москвы, разыскивая нужный дом. Они, эти двое – он и его Ангел. Галю с собой не взяли. В конце концов, она была здесь не нужна. Теперь это было его делом – познакомиться и подписать договор. Его и Ангела.

Так вдвоем они двигались по замерзшей ледяной Москве, уверенно скользя по улице, вот только нужного дома никак не находили. Дом номер 17-Б таинственно скрывался от них. Это была какая-то игра. 17-А стоял, гордо выпячиваясь номером таблички, в глубине прятался 17-Г, а буква Б в этой нумерации была пропущена. Наконец, Леонидов не выдержал и позвонил поэту-издателю. Тот бодро отозвался:

– Вы видите перед собой Г?

– Да, видим.

– Видите рядом маленький В.

– Нет, не видим.

Улица казалась таинственной, скрывая от них свои дома.

– Посмотрите еще раз, – терпеливо продолжал издатель, – маленький В – он прямо перед вами.

Наконец, Ангел показал ему на крошечную трансформаторную будку. На ней и светилась синим цветом табличка с номером 17-В.

– Нашли! – воскликнул он.

– А напротив расположен мой Б! – произнес издатель. Он повесил трубку, и теперь наши двое огляделись по сторонам. 17-В был маленькой кирпичной будкой, а вывеска с номером занимала большую часть его стены. На этой улице он считался целым домом. Удивительная улица, удивительные дома, но где же Б? Напротив лишь полукруглая стена и больше ничего. Они в последний раз оглянулись на крошечный В-дом, маленький сказочный заснеженный кубик с гордой

вывеской 17-В, который мнил себя целым домом, и пошли вдоль округлой стены. Вывески не было. На ней вообще ничего не было – ни дверей, ни окон, ни крыльца. Ничего. Он так хорошо знал Москву, а тут заблудился в трех соснах, в трех домах. Чудо-улица! Чудо-дом 17-Б! Их поистине ожидало чудо, – понял Леонидов, – поэтому и не давалось так просто и легко. Чудо нужно заслужить. И нечто приятным трепетом завибрировало, затрепетало в глубине души. Дом пока скрывался от них, он был где-то рядом, и готовился внезапно появиться в своем таинственном сказочном великолепии, широко распахнуть дверь, подарив новую жизнь и неизведанную сказку. Сердце учащенно забилося.

– Стоять! – услышал он голос Ангела. – Дальше не пойдем! Посмотри, что это? – он в ужасе смотрел на округлую стену и дальше куда-то вверх. А там скрывалась макушка, ослепленная зимним заледеневшим солнцем. – Ты понял, что это? – продолжал исследование Ангел.

– Нет! – прищурился Леонидов от яркого света.

– Это же Храм! – воскликнул Ангел.

– В каком-то смысле нам и нужен Храм, – обрадовался Леонидов такому совпадению. – Храм с номером 17-Б.

– Ты не понимаешь, Леонидов, – продолжал Ангел. – С этого Храма сброшены кресты! Теперь это не Храм, а только его стены.

– Ну, и что? – удивился тот.

– А ты не понимаешь?

– Нет, – воскликнул Леонидов.

– Храм без крестов, без икон! Сто лет назад с него сбросили купол и колокола, разграбили и оставили на поругание! Не понимаешь? – волновался Ангел. Его добрый справедливый Ангел. Теперь он начинал понимать его волнение. Это было округлое здание, которое некогда было церковью. Теперь видна была лишь красная стена и вход, заделанный кирпичом.

– Ну, и что? – смеясь, воскликнул он.

– И ты говоришь – ну, и что? – трепетал Ангел, – не понимаешь? Храм без крестов! Если из него выносят иконы и оскверняют, что теперь в этих стенах остается?

Он недоуменно молчал, тогда Ангел продолжил:

– Свято место пусто не бывает. Ты знаешь, кто теперь там мог поселиться?

Теперь Леонидов понял, что смущало Ангела. Он засмеялся и, посмотрев на него, сказал: – Нельзя же быть таким суеверным.

– И это ты говоришь мне? – заорал Ангел. – Мы не пойдем дальше! Ты слышишь меня? Не пойдем!

– Хорошо, пойду один, – согласился Леонидов, скрывая улыбку. – Помоги хотя бы найти вход!

– Нет! – вопил Ангел на всю улицу со странными домами и номерами, и полукруглыми стенами. – НЕТ!

– Нет? – воскликнул Леонидов. – Удивительная способность все портить, – подумал он, как будто Ангел его не мог

услышать. Но сейчас было все равно – этот Ангел ему уже надоел.

– Не веришь мне, принеси кошку, посмотрим, как она отсюда рванет! – продолжал убеждать Ангел.

– Ты предлагаешь мне сейчас идти за кошкой? – воскликнул Леонидов, – где я ее возьму? Ты в своем уме?

– Не веришь мне, ступай за кошкой! – настаивал Ангел. – Даже та почует этот дух!

Но Леонидов уже не обращал внимания ни на Ангела, ни на его вопли. Его неотвратимо тянуло в это загадочное здание. Он обошел его кругом. Потом еще. Входа не было! Его действительно не было. Повсюду гладкая полукруглая стена! Разве такое возможно? Такой большой дом без дверей и даже без окон? И вдруг маленькие ступеньки возникли прямо перед его глазами, а внизу находились крошечный коридорчик и маленькая дверь! Они появились внезапно, приглашая спуститься по ним, сделать шаг и открыть заветную дверь.

– Не смей! – закричал Ангел в последний раз.

Этих ступеней не было еще пару минут назад, он помнил это точно! Он обошел дом несколько раз! Они возникли ниоткуда. Это был таинственный вход, и теперь он манил своей загадкой.

Интересно. Если так сложно было найти вход, найдется ли выход? – мелькнуло напоследок в голове. Но он уже спускался по ступеням, и солнце вместе с Ангелом покинули его, оставив одного. Скрипнула дверь и он погрузился во мрак.

Пока глаза привыкали к темноте, Леонидов стоял на месте. Потом начали возникать какие-то очертания, и, почти на ощупь, он пошел по кривому коридору, а над головой нависал низкий потолок.

– Может, вернуться к Ангелу? – промелькнуло в сознании. Мелькнуло и погасло черной лампадкой.

– Здравствуйте, господин Леонидов! – окликнул его дружелюбный голос. – Рад видеть вас. Пойдемте!

Перед ним стоял высокий худой человек, который приглашал его в какую-то комнату. Дверь скрипнула и закрылась за его спиной. Крошечное помещение, тусклый свет лампочки, никаких окон и даже намеков о солнечном свете и ясном морозном дне. Он огляделся. Крошечная коморка, облезлые стены, низкий потолок, пара стульев и стол. А на стенах висело множество картинок в деревянных рамках.

– Иконы, – подумал он, но пригляделся. Нет, не иконы. Какие-то грамоты, наградные листы, фотографии с печатями. Он начал про себя читать:

«Поэту Тепанову литературная премия им. Достоевского».

«Литературная премия им. Чехова».

«Литературная премия им. Шолохова».

«Премия Э. Хемингуэя».

«Премия Х. Кортасара».

«Грамота за вклад в литературную деятельность».

«Премия Союза Журналистов Подмосковья»,

«Премия Союза Писателей 21 века».

Снова какие-то премии и наградные листы.

Горький, Шолохов, Толстой, Тютчев, Пришвин... Все эти гениальные, любимые писатели и поэты снизошли до этого издателя, поэта, деятеля, уделив ему своё благосклонное внимание и почтение! Эта стена была, словно иконостас, а на нем признания, поздравления, премии. Много, очень много признательных бумаг, целая стена в деревянной оправе!

Вот настоящий Храм искусств! – подумал он. – Вот каким должен быть Храм! Наконец, он его нашел! Серые облезлые стены, низенький потолок, никаких дорогих офисов и секретарши у входа. Сидит здесь этот удивительный человек и творит, и помогает другим. Он беден. У него нет миллионов и миллиардов, видимо, ничего нет кроме этого подвального помещения и... его стихов. Поэтому все эти великие собрались здесь, в подвале, чтобы его поддержать, почтить своим вниманием. Храм искусств, Храм поэзии, Храм книг! Таким он и должен быть!

Больше его не смущал маленький обшарпанный офис. Наоборот! Он помнил из далекой юности, как точно в таких же подвалах рождались маленькие театры в старой любимой Москве, где собирались актеры и режиссеры, просто талантливые люди и превращали эти заброшенные помещения в настоящие театры, по вечерам набивалось много народу, и шел спектакль. Это была целая эпоха, десять или двадцать лет сотни таких маленьких театров несли людям радость. И

уже все равно, какие там стены, какие платят деньги. Главное Театр! А для кого-то главным было выходить каждый вечер на подмостки и творить! Потом все исчезло. Было стерто. Было сметено. Время сдало эти подвалы в аренду под склады. А тут удивительный человек и его подвал! Он пришел по адресу!

Леонидов очнулся от своих мыслей, услышав голос, который спокойно и вкрадчиво что-то объяснял, обволакивая и притягивая к себе. Этот голос внушал абсолютное доверие, поэтому, когда Леонидов услышал слово ДОГОВОР, сразу же сказал: – Мне не нужно никакого договора, вполне достаточно, что вас рекомендовал писатель, – и назвал имя неизвестного ему человека. Знакомого одного знакомого, знакомого его жены.

– Вы уверены? – спросил Тепанов.

– Конечно! – ответил Леонидов. – Главное, что мои книги вам понравились, а ваш друг-писатель заверил – если Тепанов возьмется, он СДЕЛАЕТ! Для меня этого вполне достаточно!

Тепанов внимательно на него посмотрел, подумал и произнес:

– И все-таки давайте подпишем договор, – сказал мягко, но настойчиво, – для порядка, так сказать.

– Удивительная порядочность, – подумал Леонидов, подписывая не читая. Он готов был выложить деньги под честное слово, а тот по собственной инициативе предлагает га-

рантии. Такое сегодня редко встретишь. Впрочем, если человек занимается творчеством, возможны лишь порядочные отношения, не иначе. Он его прекрасно понимал. Сам на его месте поступил бы точно так же. Тепанов забрал свой экземпляр, отдав Леонидову другой, сказав: – На досуге ознакомьтесь, – и стал пересчитывать деньги. Денег было немного – всего-то несколько пачек тысячных купюр, не долларов, рублей. Не миллионы! Не миллиарды! Он пунктуально выполнял свою работу. И на мгновение Леонидову показалось, что делает это он как-то стыдливо.

– Не привык человек работать с деньгами, – подумал он, вспоминая свой опыт. Он продолжал смотреть на него и поневоле залюбовался. Его пальцы, которые так бережно и даже нежно перебирали презренные купюры, напоминали пальцы скрипача – длинные и тонкие.

– Поэт, издатель с руками музыканта! Где сегодня такое увидишь? Робко считает жалкие бумажки. Потом все потратит на гонорары критикам, на рекламные статьи в газетах, на новостных сайтах и ничего не оставит себе! Делает это из удовольствия! Из желания помочь! Удивительный человек! – подумал он, вспоминая людей, с которыми работал долгие годы. Все они умели считать деньги, умели их зарабатывать и делали это уверенно и азартно, а этот считает несколько пачек жалких купюр, едва не краснея.

Наконец, подсчет был окончен. Тепанов все-таки покраснел и спрятал их в какую-то коробку (сейфа здесь не было).

– Вы напрасно не стали читать договор, – сказал он, – я прописал ряд мер, которые мы будем предпринимать для продвижения ваших книг.

– Мы можем поговорить об этом, пока я здесь, – возразил Леонидов. Поэт задумался и продолжил:

– Хорошо, давайте поговорим. Итак... Сначала мы напечатаете две ваши книги небольшими тиражами – по триста штук. Это входит в стоимость нашего договора.

– Я могу отдать вам свои, – предложил Леонидов, – у меня уже напечатан большой тираж.

– Нет-нет! Мы сделаем это сами, – спокойно возразил Тепанов. – Мы должны откорректировать, потом отредактировать, изменить дизайн обложек, напечатать и только потом будем распространять.

– Вы будете что-то менять? – вздрогнул Леонидов.

– Успокойтесь, – ответил тот, – я не собираюсь ничего портить, да, и менять там нечего. Книги написаны профессионально, но необходимую корректуру все же проведем. Даже Чехова редактировали, – произнес он и посмотрел на стену-иконостас с портретами классиков.

Леонидов успокоился, еще раз убедившись в том, что не ошибся адресом.

– Я семнадцать лет работаю в издательском деле и сделаю это профессионально, – добавил он. – А потом...

Леонидов замер. Сейчас ему наконец расскажут, как будет продвигаться новый бренд под названием «Леонидов» –

никому неизвестный автор.

– ...потом мы будем писать с моими коллегами, известными критиками, рецензии и статьи, будем печатать их в различных газетах и размещать на литературных ресурсах в Интернете. Мы поместим ваше интервью в моём Литературном журнале, который выходит пятитысячным тиражом. Потом вам дадут одну из премий, – и он посмотрел на стену с классиками. – Те, словно закивали ему, соглашаясь с таким решением, – и, наконец!.. – он замолчал. Леонидов тоже молчал, боясь нарушить волнительную тишину каким-нибудь нелепым замечанием. – И, наконец, будем продавать! Думаю, через четыре месяца мы выйдем на тиражи в пять тысяч экземпляров! Во всяком случае, обеспечим такой спрос! Мы будем работать с крупной книготорговой фирмой, которая держит добрую половину рынка страны. Вас будут читать! Ваши книги будут продаваться во всех крупных магазинах столицы и не только!

Леонидов был счастлив. Он не смел на такое надеяться. Всего четыре месяца, и тысячи его книг разойдутся по рукам читателей. Его будут покупать! Будут читать! Он снова посмотрел на этого высокого худого человека-поэта-издателя. Тот был в стареньком пиджаке, под которым виднелась серенькая водолазка, и ему стало неудобно за свой вид. Только сейчас он понял, как несуразно выглядел костюм от великого Маэстро Кутюрье в этих стенах. Здесь не нужны были ни обложки, ни фантики, ни ленточки, ни прочие аксессуары,

превращающие книги в сувенирную продукцию. Здесь нужны были только рукописи книг и он сам – такой, какой есть, без всяких изысков и костюмов.

Они попрощались, и Леонидов покинул это волшебное помещение, напоминающее келью монаха.

– Все-таки не всегда нужно слушать Ангела, особенно, если ты чего-нибудь да стоишь, – подумал он, выходя на улицу, где солнце нещадно резануло его по глазам ослепительным зимним светом.

– Выход из подземелья был найден! А я волновался! – подумал Леонидов напоследок, обходя полукруглое здание-Храм. Храм книг.

22

Пожилая женщина сидела перед телефонным аппаратом и заметно волновалась. На ней был несуразный праздничный костюм, необычная прическа и макияж, который совсем не скрывал ее морщин и возраста. Видимо, она куда-то собиралась или уже собралась. В место необычное для нее и теперь чувствовала себя неловко и некомфортно. Она сидела, оглядывалась по сторонам и думала, потом сняла трубку и нервно набрала номер.

– Георгий? Гоша? Здравствуй! – тихо произнесла она.

На другом конце провода послышался шорох, а затем обрадованный голос:

– Марина Сергеевна! Здравствуйте! Как давно вы не звонили!

Голос Гоши был восторженным, по-детски наивным. Он совсем не напоминал того уставшего изможденного человека, который часто в последнее время снимал трубку, но сразу же нервно клал ее на место. Он давно ни с кем не разговаривал, хотя ему звонили часто, звонили каждый день. Просто было не с кем поговорить. А тут этот звонок из далекого детства.

Женщина задумалась и спросила: – Как ты, Гоша, как твои дела? Как мама?

– Спасибо, Марина Сергеевна, – обрадовался он простому человеческому вопросу. – Я хорошо, мама тоже хорошо. – Он задумался и добавил: – Давно хотел вам позвонить, но не решался. Вы все там же, в нашей школе? По-прежнему преподаете математику?

– Да, Гоша, все по-прежнему. Куда я от вас денусь, – устало ответила она.

– Я очень рад вас слышать. Вы не представляете, как я рад с вами говорить! – воскликнул он.

– Я прочитала твою работу, – перебила она. – Гоша, я не совсем поняла, что ты имел ввиду. Но, ты молодец, ты умница, я всегда верила в тебя...

– Спасибо, Марина Сергеевна! Я готов объяснить! Честно говоря, за последние годы вы первая, кто спросил о моей работе. Там нет ничего сложного.

Марина Сергеевна поправила прическу, испуганно огляделась и прошептала: – Гоша, потом... объяснишь еще,... не сейчас,... скажи, мне...

Она немного помолчала, покраснела, и даже толстый слой краски на ее лице не смог спрятать стыдливый румянец.

– Гоша, скажи..., а почему ты не взял этот миллион?

– Как? – он опешил. – Марина Сергеевна! И вы тоже? Зачем вам это? Почему вы спрашиваете? Вы всегда учили, что мы должны делать свое дело хорошо. Делать его просто хорошо не ради чего-то, а ради науки!

Женщина схватилась за голову, нечаянно сбив нелепую прическу, хотя сейчас ей было все равно.

– Гоша, так надо. Прости меня. Гоша, это интервью. Сейчас мы в прямом эфире... Мне заплатили...

И тут фигура в немислимом наряде промелькнула рядом. Это был фантастическим образом одетый человек. Или не человек вовсе. Он бросился к ней и после ее последней фразы отгрыз половинку трубки, которую та держала в руке. Судя по его зубам, это был вовсе не человек, хотя, кто его знает – разговаривал он на настоящем человеческом языке, только в выражении его лица или мордочки, было что-то звериное.

– Стоп! – заорал он на все огромное помещение, выплевывая кусок трубки из пасти. А помещение действительно было огромным. Внезапно оно заполнилось ярким светом, и перед нашими глазами возникла та самая студия, где свет

софитов и прожекторов теперь нещадно слепил глаза.

– А вот и мы! – закричал немислимый человек. – А вот и наше Шоу! Не ждали? – и дико захохотал. – Мы снова в прямом эфире и наша передача о человеке и его миллионе!

– Миллионе... миллионе, – вторили голоса сотен людей, заполнявших это огромное помещение. Шоу начиналось.

– Итак, – продолжал ведущий, – мы продолжаем нашу передачу, и сегодня у нас в гостях многие-многие, знавшие гения. Только что говорила его учительница математики, – и он небрежно подтолкнул ее с места у обгрызенного аппарата. По-видимому, она уже свое сказала. Или сказала не совсем то.

– Сейчас здесь находятся его друзья и коллеги, знакомые и враги... как бывает у всех людей – все его окружение. Нет только его самого. Что же, продолжим без него!

И зал откликнулся приветливым рычанием и возгласами: – Продолжим... миллион... миллион... миллион.

– Кто хочет выступить, кто хочет начать встречу друзей? С кого начнем? Гоша, ты с нами? – и он посмотрел в камеру. – Гоша, включай телевизор, включай Шоу и будь с нами. А мы будем с тобой!

Если присмотреться внимательней, можно было заметить, что сегодня в этой просторной студии находились по большей части люди. Настоящие люди, неизвестные, незнакомые нам, поэтому неинтересные. Но, как любопытно было послушать их, узнать, что они скажут про Него. А голос ведущего

уже дрожал от нетерпения, и зрители, прильнув к экранам телевизоров, тоже испытывали отчаянный голод от нехватки информации, требуя пищи и зрелищ! Настоящего зрелища и настоящего Шоу.

– Итак, только что мы установили контакт с Гошей. А поскольку он всех вас хорошо знает и помнит, он не оторвется от экрана телевизора и будет смотреть. Вы, так сказать, заложники положения, а он наш заложник и фигурант по делу о миллионе. Прошу, господа, вам слово! Говорите правду, говорите, все, что вздумается, пусть он послушает вас... Слово предоставляется его недавнему коллеге по Математическому институту, где совсем недавно он изволил протирать штаны... Пардон, работать... Прошу вас. Прошу.

На сцену вышел маленький человечек и посмотрел в камеру. Потом смутился и не смог произнести ни слова. Его слепило со всех сторон. На него смотрели миллионы глаз, и он не знал, куда себя деть.

– Смелее, господин математик, смелее. Вы же хотели нам рассказать о вашем коллеге?

– Да, да... хотел, – пробурчал тот, – и снова растерянно замолчал.

– Так, расскажите же нам, как господин Клейзмер отобрал у вас пальму первенства, как не дал сделать открытие, лишил вас всего!

– Да! – внезапно взвизгнул человечек. – Все было действительно так, – но снова замолк.

– Вот! Вот! – подбадривал его ведущий по хорошей традиции, стравливая его с противником, как на собачьих боях, а делать это он умел хорошо. – СМЕЛЕЕ! Математик! Вы же великий ученый! Вы могли бы им стать, если бы не Гоша! Расскажите всё! Пусть знают!

– Да, это так! Все было именно так! – завелся математик. – Я расскажу! Я все расскажу!

Он перевел дух и начал свой рассказ:

– Каждый день, приходя в институт, я ставил перед собой конкретную задачу, и должен был ее решать, но этот человек, этот Клейзмер...

– Что?

– Он не давал мне работать, он не позволял осуществлять мои планы. Он намеренно отвлекал меня, вставляя палки в колеса, создавал такую атмосферу в отделе, такой климат, где было невозможно собраться с мыслями и заниматься наукой!

– Что же он делал? Чем вам мешал? Интриги? Козни? Кляузы начальству? Мышиная возня у вас за спиной?

– Если бы за спиной, – чуть не плакал математик. – Над головой!

– Над головой? – прошептал ведущий, – как интересно! Продолжайте!

И математик продолжал. Он уже задыхался от возмущения, и теперь яркие лампы прожекторов не мешали ему. Негодование и ярость завладели этим человека всецело.

– Каждый день, приходя на работу, этот человек..., этот Клейзмер, нагло вынимал из кармана теннисный мячик и бросал его в стенку. Ни черта сам не делал, тупо наблюдая за мячом. И так целый день,... каждый день! А стенка была за моим столом!

– Мячик! Стенка! – зашипел зал.

– Да, стенка! – заорал математик. – Я был так близок к открытию, можно сказать, был на пороге, в преддверии, а тут этот мячик над головой, и так целый день, месяц, год за годом. Каждый день я приходил на работу и вынужден был уворачиваться от этого мяча, а он все бросал и бросал.

Математик был в ярости, слезы бессилия застилали его глаза, сверкая в свете прожекторов.

– Это мой миллион! – внезапно завопил он на весь зал. – Он должен отдать его мне! Вот почему он его не берет – ему стыдно!

– Стыдно... стыдно! – вторил зал.

– Это мой миллион! – продолжал кричать он.

– Миллион! Миллион! Миллион! – эхом гудел разъяренный зал.

– Он должен отдать его мне! – не мог остановиться математик.

– Вот первое свидетельство нашего гостя! – ворвался ведущий, – вот первый факт! Математик Гоша намеренно, изуистически, год за годом мешал нашему математику, вставляя палки в колеса, то есть, бросая теннисный мячик над его го-

ловой, и в итоге лишил его миллиона... Спасибо, спасибо, дорогой друг, не расстраивайтесь, садитесь на место... Садитесь,... садитесь же! – теперь он тщетно пытался столкнуть математика со сцены, но тот упирался, продолжая кричать.

– Сидеть! – неожиданно заорал ведущий, и несчастный оратор замолчал, тупо уставившись на него, приходя в себя.

– Дайте ему воды, – мягче добавил ведущий, – пусть поплакает воды. Пусть успокоится... Так, кто еще?

И он по-хозяйски оглядел зал, выбирая следующую жертву.

– Давайте вы, – и ткнул пальцем в какого-то человечка. Тот, словно ожидая, подскочил на месте.

– Это сокурсник нашего Гоши, – представил ведущий, – еще один математик, только несостоявшийся. Прошу, вам слово.

– Гоша, ты помнишь меня? – зло начал человечек, – ты помнишь, как мы с тобой сидели за одним столом на лекциях, как мучились на семинарах. А потом... Что ты сделал потом?

– Что он сделал? – зашипел зал.

– Он дал мне однажды списать, да так, что меня выгнали из института.

– Он был бездарным студентом, двоечником?

– Нет, сам он учился на отлично, но подсунул мне такое решение задачи, которое не смог объяснить никто, даже преподаватель. А я тем более.

– Но ответ сошелся? – спросил ведущий.

– Ответ сошелся, – сказал человек, – но этого решения объяснить я не мог, и никто не мог! Он намеренно издевался надо мной. Все задачки он решал в уме, потом выдавал ответ, а мне подсунул свое гениальное решение. Я не смог объяснить, и меня выгнали... Только спустя год в институте согласились с таким решением, но меня там уже не было... Это мой миллион! – внезапно закричал он. – Если бы меня из-за него не выгнали, я бы закончил университет, потом сделал бы это открытие, и тогда я, а не этот Клейзмер получил бы его.

Но осекся и, спокойно ухмыляясь, проговорил: – Ну, и черт с ним, с этим жалким миллионом – одним меньше, одним больше. Нагениальничал, Гоша?

И грозно посмотрел в камеру.

– А теперь посмотри на меня. Кто ты, а кто я? Ты получал зарплатку в 500 рублей в своем институтишке, а я стал депутатом, уважаемым человеком, а ты ютишься в своей камерке. Кто ты такой, Гоша? Ну, кто ты такой? А кто я? Обгениальничался? То-то же! Задачку он решил, понимаешь. А я решаю судьбы тысяч людей! Я член собрания! Я член ассоциации! Я член...

– Член... член..., – повторял зал. Несостоявшийся математик поправил на себе правильный костюмчик и сел на место.

– Продолжаем, господа, не теряем темп, у нас еще очень

много фактов, много доказательств.

– А ты помнишь, Гоша, как тебе велели в институте помочь мне с диссертацией? – продолжил новый докладчик. – Или уже забыл? Гениальный ты наш! Мне светила блестящая защита, карьера, а тебе, ничтожному аспиранту, просто нужно было написать мне диссертацию и все. Что ответил ты? Не помнишь? «Это не честно!» Ха-ха-ха! Детский лепет. С твоей-то фамилией говорить о честности? Тебе обещали продвижение по службе, хотели добавить к зарплате... 20 рублей, а ты отказался! Гоша, если бы ты, салага, в армии такое сказал «старика», тебя размазали бы по стенке. Да, где тебе знать про настоящую службу с твоей-то фамилией? Гениальный ты наш, честный! А теперь седи и слушай правду. Да, мне заплатили сегодня, но за правду нужно платить...

– Спокойно, спокойно, – перебил его ведущий, показав зубы, – сядьте на место... Кстати, о честности, – добавил он, – у нас есть еще одно любопытное свидетельство. Прошу вас!

Слово взял одноклассник Клейзмера.

– Гоша, я ничего не хочу сказать, просто мне з...

– По существу, пожалуйста, – зарычал на него ведущий.

– По существу, хорошо, по существу, – вздохнул одноклассник.

– Гоша был действительно очень честным мальчиком, – продолжил он. – Я ничего не хочу сказать, но ты помнишь, как мы с тобой ходили в бассейн? Мы с Гошей вместе ходили в бассейн. А Гоша был послушным сыном. Гоша всегда слу-

шался маму, выполняя все ее просьбы. Но как человек гениальный, мог что-то забыть. Да, он часто забывал завязывать шнурки на кедах. И однажды мама его попросила, чтобы он всегда был только в зашнурованных кедах. А если Гоша что обещал, обмануть не мог. И однажды я заметил, как он...

– Что? – подбодрил ведущий.

– ... плавает в бассейне в кедах.

– Ха-ха-ха, – засмеялся зал.

– В кедах, – повторил одноклассник. – Я спросил: – «Гоша, почему ты не снимешь кеды?» Тот ответил: – «Я не могу их снять, я не должен их развязывать, я обещал маме»... Вот таким Гоша был в детстве, – закончил он.

– А как же он снимал брюки, простите, – изумился ведущий. Одноклассник подумал, почесал затылок и произнес: – Никто этого так и не понял. Он делал это каким-то непостижимым способом. Он же математик, геометрия была его коньком. Он делал какие-то немыслимые движения, и брюки оказывались в его шкафчике, а кеды оставались с завязанными шнурками. Он не мог их снять – он же обещал маме.

– Ммамме... ммамме..., – вторил зал.

– А ты помнишь, как мы ходили с тобой в детский сад? – поднялась с места полная блондинка. – Я ничего не хочу сказать, просто, мне..., – и она посмотрела на ведущего, потом осеклась и продолжила: – Ты помнишь, как не хватало на всех... горшочков? – и покраснела. – И тогда ты предлагал свой горшочек всякому, кто хотел пописать. А однажды

ты не выдержал,... ну не утерпел, и пока я сидела на твоём горшке, ты...

– Что? – взвизгнул ведущий.

– Не скажу! – гордо ответила она.

– Вы должны это сказать, вы обязаны! Вам... Ну, просто произнесите это слово. Хотя бы по слогам. Давайте же, смелее, давайте вместе!.. О-пи-сал...

– ся! – взвизгнула она и выбежала. А зал уже заходился хохотом, стены ходили ходуном, люди раскачивались из стороны в сторону, повторяя по слогам это простое слово, а яркие прожектора освещали студию, в которой с таким трепетом, пунктуально, шаг за шагом расследовалось дело о миллионе.

– А ты помнишь, как мы с тобой ходили в ясельки?

– А помнишь, как мы родились в одном роддоме?

Клейзмер сидел у телевизора, не в силах оторваться от экрана. Он смотрел на этих людей, многих из которых когда-то знал. Некоторых видел впервые, но не это сейчас было главным. Он неотрывно следил за пожилой женщиной, любимой учительницей, которая помогла ему стать настоящим математиком и так много познать. Это было его детство, он никогда не забывал его и ее тоже. Просто не решался позвонить. А поэтому сейчас с удовольствием сидел у экрана, глядя на нее, и вспоминал:

Когда-то молодая красивая женщина вошла в класс и представилась. Теперь она будет преподавать главный для

них предмет – математику. Она долго что-то говорила, но он уже ее не слышал. Слушал и не слышал, только неотрывно смотрел и любовался. Но одна фраза отложилась в его памяти навсегда:

Запомните, дети: – «Человек, не знающий математики, не способен ни к каким другим наукам. Более того, он даже не способен оценить уровень своего невежества, а потому не ищет от него лекарства». Это сказал один ученый семьсот лет назад. Звали его Роджер Бекон.

Помолчав, добавила: – Поэтому бескорыстно любите эту науку, изучайте ее, и вы станете самыми счастливыми из людей на свете.

И сейчас он опять слышал эти слова, сидя перед экраном телевизора, наблюдая за любимой учительницей, вспоминая школу и детство.

23

Галя была в восторге, читая договор. Они находились в его комнате, заставленной книгами, и она внимательно изучала текст соглашения, который он подписал в низеньком тесном, удивительном подвале – подвале Храме. Правда, рядом с ними не было Ангела. Сумасбродного, взбалмошного, любимого Ангела, к которому они так привыкли. Тот, видимо, обиделся и носился по своим делам или прятался от них.

– Ничего, одумается, сам придет, – успокаивал себя Лео-

нидов, – нельзя же следовать нелепым суевериям, когда берешься за большое дело! А дело это по-настоящему начинало его занимать. И вспомнил, как полгода назад Галя втянула его в это предприятие. Втянула помимо его воли, но теперь он сам понимал, как это интересно. Не сидеть, согнувшись у компьютера и писать в «стол», а печататься, издаваться, быть читаемым, а для кого-то любимым писателем. Он входил во вкус, а сотрудничество с таким человеком, как Тепанов, не оставляло никаких сомнений.

И все-таки чего-то не хватает в этом имени, Тепанов, – смеялся он про себя. Хотя понимал, что этот человек не хотел менять свою фамилию, оставаясь таким, какой есть. Он мог себе это позволить! Это был протест! Сложнее всего быть самим собой, не оборачиваясь в фантики, приклеивая нелепые биографии и псевдонимы. Многие выдумывают подобное от комплекса неполноценности. Одеваются в «правильные» наряды, делают «правильную» жизнь. Жизнь под светом софитов. Но зачастую, под этой маской скрывается самое неприглядное лицо, а за душой у такой личности ничего нет. И лицо это – самая неприглядная физиономия, а пиар дутый и жизнь пуста. И сказать нечего людям, поэтому и прячутся они за призрачными псевдонимами, рисуя себе жизнь и мнимый талант, которого вовсе нет. А этот – поэт, издатель, творец, человек с изящной поэтической душой и длинными пальцами музыканта, может позволить себе быть просто Тепановым. Таким, которого любят, ценят, и скры-

вать ему нечего и прятать тоже...

– Леонидов, почему ты никогда не читаешь договор? – спросила Галя. – Ты упускаешь самое главное, ты не в курсе событий!

– Принципиально не читаю, – возразил он. – Мы не кирпичами торгуем и не колбасой. Это книги, искусство, люди здесь другого склада ума. Здесь иные отношения. Без доверия не было бы искусства, – его задела, для него это была болезненная тема, он завелся и темпераментно продолжал свою тираду: – Или я должен был усомниться в работе издателя, поэта, и начать редактировать его договор? Я не юрист и не бухгалтер! Мне это не интересно! Обман здесь невозможен, как ты не понимаешь? Человек не способен ничего написать талантливого, если он мошенник или воришка. Это закон, и мы, имея дело с такими людьми, абсолютно защищены! А ты говоришь, договор.

А договор действительно заслуживал того, чтобы его прочитали, Галя была права. При встрече ему были обещаны рецензии и интервью, публикации в журналах и какая-то литературная премия. Были обещаны продажи его книг тысячными тиражами. Этого было вполне достаточно. Но то, что они видели сейчас, читая договор и разглядывая литературные сайты Тепанова, не укладывалось в голове. Там, в низеньком подвале, он не представлял себе масштабов деятельности этого человека! Видимо, тот по какой-то врожденной скромности не сумел представиться должным обра-

зом, а, может, просто не захотел, только грамоты и награды в рамках немо говорили за него. Да и не умел он особенно говорить, видимо, потому что умел писать, и делать свое дело хорошо!

«Если Тепанов возьмется – он СДЕЛАЕТ!» – вспомнил он слова писателя, рекомендовавшего его. И сейчас они, глядя на все, понимали, что имели дело с настоящим издателем.

Этот человек создал целый мир. Литературный мир! И они устремились в него, переходя с сайта на сайт, находя все новые уголки во вселенной Интернета, где оставил свой неизгладимый след этот удивительный человек. Все напоминало огромный город, и они робко заходили туда и бродили по его улицам. Не верилось, что такое возможно! В 21 век! В век, когда все куда-то бегут, торопятся по своим нехитрым делам, спешат добывать деньги, зарабатывать или отбирать их у кого-то, уважаемый поэт сидел в темном подвале и работал. Мир, который он создал, раздвигал границы реального, мыслимого, сверкал длинными светящимися улицами и проспектами, литературными площадями и поэтическими салонами. Люди стояли на балконах домов и приветливо махали им руками. Они были в старинных нарядах, речь их была изыскана и трепетна, улыбки приветливы и радушны. И, что удивляло, в этом городе их ждали, встречали как старых знакомых! Дух захватывал от всего увиденного! Тепанов имел около двадцати литературных порталов, несколько Интернет-изданий и собственный Литературный журнал, кото-

рый печатался пятитысячным тиражом. Там работали уважаемые критики и писатели, устраивались поэтические и литературные презентации и встречи. Великие писатели прошлого оживали в этой стране, они ходили по улицам, присуждая свои премии, учили писательскому ремеслу и снова были с нами. И сейчас они с Галей робко бродили, оглядываясь по сторонам. Их принимали в этот Клуб. Клуб 21 века, Клуб писателей и поэтов! В страну литераторов! Чем дальше они двигались, тем шире становились улицы, превращаясь в целые проспекты. Дома ярко светились вывесками:

Литературное кафе, литературная курилка, литературный Клуб, издательство Литературного журнала, магазин Современной литературы, Литературный читальный зал, Литературный форум... Вот еще несколько газет и журналов с диковинными названиями приглашали войти и почувствовать себя, как дома. Все здесь было «читательским», «литературным», «книжным». Люди питались исключительно духовной пищей, жили литературной жизнью, общались на книжные темы.

А они все продолжали переходить с сайта на сайт, бродя по улицам уютного, сверкающего города, теряя чувство реальности. И уже понимали, что реальность была здесь – перед глазами, а тот мир, откуда они пришли, их больше не интересовал. Он был убогим и серым!

Так, путешествуя по волшебному городу, оказались на какой-то площади. По-видимому, здесь было сердце литера-

турной страны, а площадь эта была центральной. Леонидов на мгновение остановился перед вывеской: – «Союз писателей третьего тысячелетия». Швейцар у ворот старинного особняка поклонился им, приосанился и пригласил войти, не требуя пригласительного билета или пропуска. Все двери этого города были гостеприимно открыты.

– Черт, я же в домашней одежде, да, и Галя тоже, – подумал Леонидов, глядя, как мимо проходят парочки нарядных людей. Они были в старинных костюмах, на руках у них были надеты белые перчатки. Он опять посмотрел на Галю и обомлел. Он не узнавал ее. Галя! Его Галя! Она только что рядом с ним сидела в домашнем халатике и шлепанцах, но теперь была одета, как на прием во дворец, а на руках у нее были надеты тонкие, изящные, белые перчатки, ... и на его руках тоже! Он сошел с ума?! Он видел их отражение в огромной стеклянной двери. Оттуда смотрели две фигуры, сошедшие из времен двухсотлетней давности. Из 19 века в век 21! В третье тысячелетие. Это были они – он и его Галя. Восхитительная, молодая, с удивительной прической в невероятном платье, а он в камзоле. Леонидов глядел на нее, не отрываясь, забыв обо всем. Можно ли так смотреть на женщину, которую знаешь два десятка лет? Нет! Конечно же нет!.. Можно! И оторваться от нее он уже не мог. Это было совсем другое ощущение, нежели в Храме великого мага Кутюрье Медильяне. Это было чувство возвышенное, божественное. Только теперь он понял, как нужно смотреть на Музу, понял,

как делали это великие художники во времена их великой эпохи, и сейчас испытывал невыносимое волнение, возбуждение и восторг. Видимо, поэтому, сегодня ничего не написано подобного тому, что было создано когда-то. Не осталось таких Муз? А, может быть, просто разучились на них смотреть?

А люди все подъезжали и подъезжали. Кто-то в дорогом лимузине, кто-то в карете. Многие шли пешком, по их виду нельзя было сказать, что они добирались сюда на метро или в трамвае. Да, и трамваев здесь не было! Только улицы, заполненные пестрой, праздничной толпой, шум дорогих красивых лимузинов и цокот копыт...

Вдруг открытая повозка остановилась у входа, а из нее вышел человек. Это был Тепанов. Он не был одет во фрак или в костюм великого Кутюрье, на нем не было белых перчаток и, если бы его не узнали в толпе, пропустили бы мимо этого скромного человека в стареньком пиджаке и сером свитере. Но его знали и ждали, и шумные приветствия раздались со всех сторон. Тепанов скромно поклонился, увидев его с Галей, подошел, пожал руки, приглашая в особняк.

Они вошли, с интересом оглядываясь по сторонам. Это был огромный зал, который занимал большую часть дома. Здесь не было колонн, а высокий потолок накрывал все пространство над головой. И непонятно было, как и на чем держался его огромный свод. Стены просторного помещения находились на достаточном расстоянии друг от друга, и ка-

кая-то магическая сила удерживала массивную крышу, не давая ей упасть. Это было непостижимо, впрочем, как и все, что находилось в этом городе, на его улицах. Все было массивным, монументальным, внушало уважение и доверие. Город и его дома были построены руками мастеров. В зале было очень светло, повсюду были развешены большие люстры, а в них тысячами свечей мерцал яркий волшебный свет. Пахло воском и книгами.

Люди продолжали заходить, заполняя помещение. Тесно не было. По мере того, как людей становилось больше, стены словно раздвигались. По-видимому, это помещение могло вместить сколько угодно народу. Здесь не было кресел, а по периметру стояли большие столы, за которыми что-то происходило. Они пошли по залу, осматриваясь по сторонам. Стеллажи книг, ряды столов с различными литературными газетами и журналами. Здесь же стояли огромные станки, откуда появлялись эти издания, аккуратно укладываясь на столах перед собравшимися. Книги тоже печатались прямо на глазах у публики. За соседними столами сидели какие-то люди и что-то писали. Оказалось, это были известные критики, которые брали интервью у писателей и поэтов, тут же сочиняя рецензии. Тут же читали книги, с невероятной скоростью оценивая их. Все происходило в режиме реального времени. Хотя, бывает ли время нереальным? Но, раз уж так говорят – вполне может быть. Но здесь все было нереальным, даже отблеск мерцающих в вышине ярких свечей.

Вдруг небольшое оживление пронеслось по залу, и наступила тишина. У одной из стен возникла маленькая трибуна, а рядом с ней место президиума. Какие-то люди начали заходить, занимая свои места. Леонидов присмотрелся и обомлел. За длинной кафедрой сидели и смотрели на него настоящие... Достоевский и Толстой, Чехов и Тютчев. Вот появился Лермонтов и уселся рядом с юным, кудрявым, великим, настоящим и таким живым Пушкиным. Еще несколько великих «мира того» явились, заняв свои места. Зал взорвался аплодисментами. Собравшиеся ликовали, высокий свод потолка отражал аплодисменты, овации становились все громче, люстры раскачивались в призрачной вышине, издавая терпкий забытый запах восковых свечей. Классики закивали в ответ, начали снимать свои котелки и приветливо махать руками.

На трибуну поднялся Тепанов и зал умолк.

– Сегодня мы собрались в этом Доме Литературы для того, чтобы отметить знаменательное событие, – тихо и скромно заговорил он. Его длинные тонкие пальцы теребили оборку пиджака, и было заметно, как он волнуется.

– Сегодня любимые кумиры пришли сюда, чтобы снизойти до нашего скромного собрания и благословить, – и кивнул на классиков, сидящих за спиной.

– Итак, собрание, посвященное созданию Союза писателей третьего тысячелетия, считаю открытым!

Зал взорвался овациями и аплодисментами. Далее были

зачитаны программа и устав новой организации, потом выступали писатели и поэты. Леонидов их не знал, впрочем, его тоже еще никто не знал и не читал, но он был рад познакомиться с ними и внимательно слушал. И Галя тоже была рада. В заключение несколько слов произнесли великие классики и пожали Тепанову руку. Так был создан новый Союз писателей. Леонидов чувствовал себя на невысказанной высоте, на Олимпе, где собрались литературные Боги. Ощущал себя крошечной частицей этого круга талантливых, гениальных людей, и от осознания этого у него кружилась голова. Даже начал сомневаться, достоин ли он такой чести, лоя на себе взгляды классиков, и в какой-то момент захотелось спрятаться, забиться в дальний угол. Но углов здесь не было. Снова речи, снова овации. Когда все улеглось, люди начали разбредаться по залу, разговаривать, читать газеты. Они тоже побрели, смешавшись с толпой.

И тут случилось невероятное.

– Это же твоя книга! – воскликнула Галя. Он посмотрел на один из длинных столов и увидел знакомую обложку, а рядом лежали газеты, вернее, тот самый Литературный журнал, с титульной страницы которого смотрела его фотография. Великий Достоевский, взяв ее в руки и пробежав глазами статью, перевел взгляд на Леонидова. Он ничего не стал говорить, пожал руку, и тепло от этого рукопожатия сквозь столетия передалось ему.

– Пойдемте, господин Леонидов, пойдемте, – воскликнул

какой-то человек и подвел его к столу. Потом Леонидов давал интервью, рассказывал о своих книгах, а из печатного станка тем временем выскакивали газеты и журналы, где под его портретом уже появлялись эти слова. Все происходило в реальном времени, как нереально могло показаться. . .

– Жалко, нет рядом Ангела, – подумал он, – тот сумел бы оценить по достоинству, а не обижаться где-то там, вдалеке. Какой-то несуразный он у нас. Повезло же с Ангелом. . .

Зато Галя была рядом, она неотступно следовала за ним от стола к столу, от интервью к новой рецензии, и дальше, к печатному станку, откуда продолжали выскакивать его книги. А напечатанные Литературные журналы уже заполняли огромный стол, росли, чудовищной пачкой поднимаясь к самому потолку, и с каждой обложки смотрели фотографиями Леонидова. И казалось, что эта глянцевая кипа пятитысячным тиражом не устоит, рухнет, . . . нет, поднимется в воздух и полетит, расправив крылья-страницы, и люди внизу увидят его портрет.

– Вот, что такое пиар! – подумал Леонидов. – Если Тепанов возьмется – обязательно СДЕЛАЕТ.

– Пойдемте к нам, господин Леонидов, – услышал он голос Тепанова. Тот стоял рядом, приглашая его за собой. Они отошли от печатного станка, вернувшись к месту, где находились классики. Галя шла следом. Пушкин с удовольствием на нее смотрел, и Леонидов, перехватив его взгляд, понял, что когда-то он не ошибся в выборе. У Пушкина, гово-

рят, был хороший вкус. Галя тоже смотрела на Пушкина, и уже не могла оторвать своего взгляда. Краснела, и молчала, Пушкин тоже молчал, лукаво подмигивая ей. Потом взял ее руку в белой перчатке и... поцеловал. Снова поцеловал, уже выше у локтя и опять заглянул ей в глаза...

– Однако, наглец! – возмутился про себя Леонидов. – Если бы он не был Пушкиным, давно получил бы по шее, – подумал он, продолжая следить за классиком, а тот все улыбался, нахально и откровенно на нее глаза.

– Может, наплевать на все регалии и звания?

Голос Тепанова отвлек его от этих ужасных мыслей:

– Господин, Леонидов, – спокойно произнес он, – по договору мы обещали дать вам премию.

– Да-да, премию, – не оставляя своих намерений глядя на Пушкина, пробормотал Леонидов.

– Уважаемый, наш замечательный, всеми любимый господин Толстой, готов дать вам ее от своего имени и со своим автографом.

Тут неожиданно вмешалась Галя:

– А нельзя ли господину Пушкину тоже дать нам премию?

Она уже стояла рядом с Пушкиным, а тот не выпускал ее руки. Такого Леонидов от нее не ожидал! Он удивленно взглянул на Галю, перевел взгляд на Пушкина. Тот засмеялся и снова пронзительным взглядом на нее уставился.

– Но, по договору вам дается только одна премия, – возразил Тепанов, – повернулся к Пушкину и спросил: – Хотя...

Ну что, брат Пушкин?

– Ничего страшного, – воскликнул тот, галантно глядя на Галю, – мы уступим-с, – прищурился, а глаза его засверкали дьявольским огнем. И снова впился губами в ее руку.

– Еще мгновение, – подумал Леонидов, – и я за себя не ручаюсь... Вот, снова пялится! Да как нагло! Съездить бы по этой поэтической физиономии, чтобы и честь знал? Однако, нельзя. Полагается вызывать на дуэль. А если тот выберет шпагу? Как с ней управляться? А пистолет? Сумеет ли он собственными руками убить самого Пушкина, тем более во второй раз?

И тут Пушкин произнес потрясающую фразу, после которой у Леонидова выпучились глаза: – Покажите ему наш прайс-лист, – громко сказал великий поэт. Галя опешила, и Леонидов тоже замер, не понимая.

– Ну, что же вы, господин Тепанов, где наш прайс? Давайте-ка его сюда и корочки давайте-с, – засуетился классик, оторвавшись от ее руки. Теперь они с изумлением смотрели на поэта, который ползал и искал что-то под столом. Наконец он достал картонную коробку и высыпал ее содержимое. Коробка была удивительным образом похожа на ту, куда Тепанов когда-то положил его деньги. По столу рассыпались новенькие удостоверения о принадлежности к той или иной литературной премии. Внутри каждого из них уже стояли печати и автографы классиков, оставалось только вписать имя.

– А вот и чертов прайс! – с радостью воскликнул Пушкин. – Вот же он, посмотрите сюда! – и начал зачитывать:

– Толстой входит в стоимость договора, – начал он, – а если он не устраивает...

Толстой хотел было что-то возразить, но тот его перебил, – молчите, батюшка, молчите, не время сейчас, потом посчитаемся... Так. Если не Толстой, а Лермонтов, извольте добавить пять тысяч рубчиков-с, если Тютчев, скинем сотенку-с, ну, а коли Пушкин... Кладите двадцать тысяч и берите мою премию! Забирайте! – широко махнув маленькой ручкой, добавил он, – не жалко!

Леонидов вдруг спросил: – А разве премии дают, а не присуждают?

Классики переглянулись, помолчали.

– Это раньше их присуждали, а теперь дают-с, – засмеялся Тепанов.

– Вот так-то-с, – добавил Пушкин, – ну, так что, господа? И мой автограф в придачу.

– А платить обыкновенными рублями? – робко спросила Галя. Классики дружно закивали, загудели и произнесли почти хором, – ну, конечно, рублями, конечно! Самыми настоящими рублями третьего тысячелетия.

– Ну, так что? – снова спросил Пушкин.

И тут в зале произошло замешательство, свечи начали меркнуть, люстры раскачиваться. Люди непонимающе посмотрели наверх и замерли. Откуда-то с высоты явилось

огромное чудовище, похожее на белый призрак. Оно, облетев зал, издавало жуткие нечеловеческие крики, которые леденили в жилах кровь. Все замерли в оцепенении, не в силах двинуться с места. Чудовище, сделав пару витков под потолком, членораздельно заорало:

– А ну-ка, кыш отсюда, нечистая сила! Изыди! Вон, я кому сказал! Пошли отсюда! Вон!

Свечи начали гаснуть, они мертвенным блеском светили в темноте и шипели. Чудовище продолжало летать, как под куполом цирка и орать. Классики, сидевшие рядом, начали куда-то исчезать. Каким-то непостижимым образом из их старинных камзолов выскакивали маленькие черные существа и с диким визгом разбегались. Их наряды теперь оставались пустыми, как чемоданы, продолжая восседать на стульях. Вдруг один черный комок вернулся, схватил коробку с премиями и исчез, утащив ее за собой. Люди за столами, бравшие интервью и писавшие рецензии, тоже испарились, станки перестали стучать, а на столе, где недавно небоскребами поднимались высокие пачки журналов, осталась лишь тоненькая стопка. Стены заходили ходуном. В здании не было ни единого окна, и когда все свечи потухли, наступила крошечная темнота. И только вопли людей повсюду. Белое привидение светилось в темноте, и тут Леонидов узнал его: – Это же Ангел! Наш Ангел!

Он никогда не видел его таким разъяренным. Тот продолжал свои безумные вращения, а потолок уже готов был рух-

нуть на головы людей. Только сейчас Леонидов, осознав положение, схватил Галю за руку, и в обезумевшей толпе и давке потащил ее к выходу. А стены продолжали угрожающе раскачиваться. Людей было много! Очень много! Все толкались, шли по головам, метались в полной темноте...

Едва люди успели покинуть огромное помещение, как крыша, которую уже не поддерживало ничего, рухнула. Ударной волной из прорех в стенах особняка выносило остатки газет и книг, огарки свечей, костюмы «классиков». Ударной волной сметало все вокруг – дома с вывесками и книжными магазинами, клубами и литературными салонами, с читальными залами и литературными курилками, и весь город сложился, как карточный домик. Видимо, его строили плохие мастера. Вокруг летали остатки горелых газет, обрывки страниц, разорванных книг. Они с Галей стояли посреди этого хаоса, с ужасом наблюдая за происходящим, а над развалинами продолжал летать, размахивая крыльями, Ангел. Их добрый, справедливый Ангел. Их маленький, обезумевший идиот...

– Удивительная способность все портить! – пробормотал Леонидов, отрываясь от экрана. Галя тоже была недовольна, хотя еще не пришла в себя от пережитого, и не знала, что сказать. Что-то случилось с компьютером, литературные сайты исчезли с экрана. Они посмотрели друг на друга и заметили, что на ее руках были все те же белые перчатки, а на

столе лежал обугленный огарок свечи, продолжая дымиться. Потом увидели Ангела.

– Внимательно тебя слушаем! – строго произнесла Галя, глядя на него. Тот был взъерошен, костюм обгорел по краям и зиял прорехами. Ангел не стыдился своего вида, для большей убедительности бравируя им.

– А я вам говорил, – начал он со своей любимой фразы.

– Что именно? – перебил его Леонидов.

– А вы не знаете? – воскликнул тот, – хорошо, начнем эту историю с самого начала. Помолчал немного, вынул из кармана смятую газету, бросил ее на пол и плюнул огарком свечи.

– Я тебе говорил, Леонидов, про кошку? – гневно начал он.

– Какую кошку? – удивилась Галя.

– Он знает! – воскликнул Ангел. – Ты знаешь? Ты помнишь или уже забыл?

Леонидов тупо на него посмотрел: – Чего ты хочешь? – наконец спросил он. Ангел поправил обрывок галстука на дырявой рубашке и продолжил.

– Пока вы шлялись неизвестно где, я провел некоторое маркетинговое исследование, так сказать, расследование, – начал он, – и теперь рад поделиться новостями.

Он победно на них посмотрел и добавил:

– Готов сообщить некоторые подробности, так сказать, детали, которые следуют из вашего договора.

– Не тяни, – подозрительно сказала Галя.

– Начнем-с, господа, начнем-с.

Он уселся в большое кресло, закинул ногу на ногу и закурил сигарету... , нет, сигару. Какое-то время молчал, курил и нагло на них поглядывал, понапрасну тратя время. Он явно чувствовал себя хозяином положения и издевался. Наконец сжалился и заговорил:

– Вам была обещана широкая рекламная компания в газетах, журналах и на сайтах издательства известного вам поэта господина Тепанова? Так?

Они промолчали.

Так! – ответил он за них.

– Рецензии известных критиков, а также интервью журналистов? Так? Было обещано напечатать книги тиражом 300 экземпляров каждую, продавать их через некую книготорговую компанию, которая держит добрую половину книжного рынка в стране? И, наконец, через четыре месяца обеспечить спрос на ваши книги тиражом в 5 тысяч экземпляров каждой? Так? – опять спросил он. – Так, – ответил он самому себе. – Что ж, подведем итоги.

Он затянулся сигарой и выпустил облако сизого дыма.

– Маленькая история, я бы сказал, сказка, – медленно продолжил он.

– Живет в подвале дома паучок и играет в поэта и издателя. Он один, у него нет никого в помощь, он не знает ни единого критика или журналиста, незнаком ни с одним

книжным магазином, у него есть только одно – компьютер и огромное желание стать большим издателем и поэтом. А еще на двухнедельных курсах он научился делать сайты для Интернета. Паучок долго играет в своем темном углу и, наконец, в огромной паутине-интернете создает свой маленький липкий уголок – первый сайт. Но, теперь хочется чего-то еще! А чего не хватает пауку? МУХИ! – заорал Ангел, – ЖЕРТВЫ! И тогда Паучок с помощью одного друга-писателя находит дурачков, которые готовы на все ради того, чтобы их издавали и читали. Он приглашает их в эту паутинку и берет с них деньги за рекламные услуги. Одна муха, другая, третья... Дурачки несут ему деньги, а он размещает их в своем липком темном уголке. Но деньги маленькие и совсем не интересные. И тогда паучок решает стать... ПАУКОМ! Теперь он делает десять, потом двадцать сайтов, придумывает названия газет, новых поэтических порталов, и сеть его становится больше. Он печатает бланки литературных премий и уже готов их вручать новым писателям, предварительно вручив их самому себе, закатав в деревянные рамки. Клиент пошел крупнее и чаще. Тогда он начинает оказывать новую услугу – пишет рецензии, статьи, берет интервью от имени несуществующих критиков и журналистов, и, наконец, когда он уже набил руку на мелочах, к нему залетает МУХА! Она не несет миллионов и миллиардов, но готова заплатить довольно значительную сумму за его работу, за пиар-компанию. Сумму, доселе небывалую для него...

– Ты врешь! – закричала Галя, – ты видел информацию о Леонидове на этих сайтах? Тепанов делает настоящую работу!

– Да! Но об этих уголках его паутинки не знает никто, кроме него самого. На каждом сайте есть счетчики посетителей, где одни нули и единички. А если туда никто не приходит, то и о Леонидове не узнает никто! Виртуальный офис! Мифический пиар! Не верите – посмотрите сами! – орал Ангел. Они кинулись к компьютеру, находя маленькие квадратики внизу каждой страницы «поэта». Нули, единички, всего несколько человек каждый день посещали эти сайты (видимо, предыдущие жертвы, которые еще на что-то надеялись).

– Каким, интересно, образом можно будет продать тысячи книг, когда о Леонидове не узнает никто? – продолжал Ангел. – Никаким.

– Ты все равно врешь, – произнес Леонидов, – у него есть газета, отпечатанная пятидесяти тысячным тиражом, а там мое интервью.

Ангел засмеялся, потом безжалостно произнес: – Я тебе говорил про кошку? Позвони в типографию этой газеточки, – и он поднял с пола смятую страницу, которую принес с собой, – здесь телефон. Позвони и спроси, какой тираж они печатают.

Галя бросилась к телефону. Трубку снял совершенно пьяный мужичок, дыхнул немислимым перегаром и рыгнул. (Была пятница, был конец рабочего дня). Несмотря на это,

она задала вопрос:

– Вы печатаете Литературный журнал господина Тепанова?

– Ну, – только и ответили ей.

– Я хочу купить у вас четыре тысячи экземпляров! Это возможно?

– Двести, – тупо ответили ей.

– А остальное уже забрал Тепанов? – спросила она.

– Двести напечатал, двести и забрал.

– Всего двести напечатали? – тихо переспросила она.

– Ну, – коротко ответил голос, потом добавил: – А на кой вам этот журнал? Спросите Тепанова, если разрешит, так я хоть миллион напечатаю, только он там своих придурков печатает, им же потом газетку и продает. А больше она не нужна никому.

– Это вам Тепанов сам сказал? – возмущенно спросила она.

– Ну, – коротко ответил голос, напоследок рыгнув, и повесил трубку.

Ангел подошел к окну и открыл его настежь, чтобы проветрить. Да, проветриться этим двоим сейчас не помешало бы. Ему жалко было на них смотреть, но он должен был закончить этот разговор, чтобы в следующий раз неповадно было:

– Так что забирай, Леонидов свои книги, которые и десятой доли не стоили того, что ты заплатил. Правда, он отре-

дактировал их, и теперь в них попадаются грамматические ошибки – «поэт» оказался безграмотным. Зато, слава Богу, обложки изменить не смог – пока не научился. Кроме того, у него нет договора ни с одним магазином в Москве, и продать он не сможет не то, что 5 тысяч. И десятка не продаст. А его знакомая книготорговая компания, которая «держит добрую половину рынка в стране» – такой же паучок, как и он сам. Ставит книжки в Интернет-магазины, где их никто не покупает. Забирай их Леонидов, пока он не выкинул книги на помойку.

– Выкинуть? Книги? – удивился Леонидов, – это невозможно!

– У такого как он, возможно! Покажет их тебе, потом скажет, что продал, вернет за них деньги-копейки, а остальное на помойку.

– На кой черт он предложил мне тот договор? – спросил Леонидов. Ангел ответил: – Потому что он прописал там фразу... фразочку: «Договор обратной силы не имеет». То есть, если ты захочешь передумать и вернуть свои деньги...

– Понятно, – перебил его Леонидов и замолчал.

– И последнее его изобретение, – безжалостно заканчивал свое исследование Ангел, – «Союз писателей 3 тысячелетия». За членство будьте любезны по три тысячи рубчи-ков! Вроде бы немного? Зато, теперь можно подтянуть сотни дурачков, прошу прощения, писателей. Корочки продавать будем. Полиграфическая промышленность в стране работа-

ет нормально – напечатаем премии, корочки, членство, грамоты – все что угодно. Напечатаем за три копейки – продадим за тысячи.

Они сидели и молчали. Говорить ни хотелось. Говорить было не о чем. А на полу лежал листок глянцевої газеты, на которой крупным шрифтом в черной благородной рамке было выбито:

«Издательский центр Тепанова – это многоуровневая консалтинговая структура, лидер по продвижению книг на рынок! Мы обеспечим продажи ваших книг в Москве, России и по всему миру! Издадим ваши книги и сделаем их автора популярным и известным! Наши авторы получают эксклюзивные возможности для PR-сопровождения! Путь от рукописи до признания в мире будет для вас самым коротким только с нами».

Ангел положил лист в пепельницу, придавил окурком сигары, чиркнул зажигалкой, и зеленый ядовитый дым рассеялся по всей комнате.

– Какой смрад, – произнес он и добавил: – Ну, я пойду?

Потом хитро посмотрел на Гаю и спросил: – Никому привет передать не нужно?

– Кому? – удивилась Галя.

– Может быть, господину Пушкину? – прищурился он. Потом подошел, стащил с ее руки длинную белую перчатку, нагло поцеловал выше локтя и отправился восвояси. Леонидов ничего не сказал, только сурово покосился на жену.

– Господин, Леонидов! Рад слышать ваш голос! – жизнерадостным тоном приветствовал его знакомый издатель-грузчик. Сегодня на нем был фиолетовый пиджачок и черная рубашка. И как всегда, был он без галстука.

– Встреча без галстуков, – подумал Леонидов, здороваясь.

– Господин Леонидов, я просматривал информацию о свежих изданиях и случайно набрел на ваши книги. Вы снова печатаетесь? Вам удалось продать свои тиражи?

Леонидов посмотрел на горы книг, подпиравших потолок, и уклончиво ответил: – Не совсем, – и замолчал. Говорить ему было нечего, говорить не хотелось, особенно после тех последних событий, а человек в фиолетовом пиджаке продолжал:

– Может, это не мое дело, но я хотел спросить, как вас угораздило связаться с мошенником?

– Мошенником? – тупо переспросил он.

– Вы знаете, о ком я говорю?

– Да, пожалуй, теперь знаю, – ответил он.

– Вы бы спросили меня, прежде чем нести деньги неизвестно кому, мы ведь давно знакомы, я не отказал бы в информации. Я только что просматривал, так сказать, списки жертв этого господина и случайно наткнулся на ваше имя. Даже обидно стало за вас и за себя тоже, – и он немного

помолчал, – вы отказались сотрудничать с моим издательством, а заплатили деньги этому...

И он подавился именем, в котором чего-то не хватало. Леонидов молчал, издатель тоже какое-то время молчал.

– Вам не хочется говорить на эту тему? Понимаю. И во сколько же, если не секрет, вам обошлось это, так сказать, сотрудничество?

Леонидов почему-то ответил на бестактный вопрос, хотя, не понимал, какое дело этому человеку до него, и какого черта он лезет со своими вопросами и помощью?

– Надеюсь, вы еще не успели вступить в так называемый Союз писателей третьего тысячелетия? – продолжал тот.

Леонидов вспомнил вывеску на стене большого особняка, вспомнил город призраков-улиц и площадей, карточных домов и спросил:

– Скажите, как человек с улицы может создать целый Союз и стать во главе?

Издатель засмеялся:

– А как сегодня создаются целые академии?

– Академии? – удивился он.

– Конечно! – воскликнул издатель. – Для того чтобы проснуться академиком, достаточно собраться втроем, написать кое-какие бумаги, подать их в нужные инстанции, и доброе утро. Только обязательно втроем.

– Почему втроем?

– Чтобы голова с утра болела. Шучу! Такие правила.

Учредителей должно быть как минимум трое.

– Но, зачем все это? – удивился Леонидов.

– Как зачем? – воскликнул издатель. – Теперь вы уважаемый человек, член-корреспондент Академии чего-то там, не важно чего. Двери перед вами открыты! Вы вешаете это звание в красивой рамке на стене своего офиса, пишете на визитке! Вас объявляют и принимают, а потом... Потом вы начинаете принимать новых членов в эту армию академиков, присуждая им такие же регалии и звания, брать за это деньги или принимать услугами! Это же бизнес! Обыкновенный бизнес! Пиар!

– Экшен! – сорвалось у Леонидова.

– Точно! Экшен! Да что там академики! Мы живем в замечательное время, когда любой человек, имеющий фирму, может назначить себя президентом, генеральным секретарем, хоть Председателем почетного собрания директоров или императором. Кем угодно! Одним росчерком пера! Может выпустить любые премии и награды от имени своего предприятия, учредить и назначить, заявить и презентовать. Все это просто бизнес и ничего более.

Он поправил на себе фиолетовый пиджак и продолжил:

– Вы, господин Леонидов, далеки от этого и не знаете некоторых правил бизнеса.

– Почему же, я работал в бизнесе 15 лет, – возразил Леонидов.

– В каком? – спросил тот, и, узнав о тех нехитрых делах,

которыми Леонидов занимался, сказал:

– Все это цивилизованный бизнес. Вы занимались реальными делами, где товары и услуги имели четкую цену, а как можно оценить стоимость Пиар-компании, как взвесить, какой здесь может быть эквивалент цены? А мошенники этим пользуются, создают видимость работы и делают целые состояния. На сегодняшний день, пожалуй, это один из самых криминальных видов деятельности. Здесь вращаются крупные суммы, а значит и желающих погреть руки у этого когорта много, а желающих стать знаменитостью еще больше... Господин, Леонидов, – бодро продолжил издатель, – а не пора ли вам закончить валять дурака? – откровенно спросил тот. – Вы пишете замечательные книги, они стоят того, чтобы их читали, а вам платили за труд. А вы тратите свое время и деньги на...

– Вы, наконец, прочитали, мои книги? – удивился он.

Голос издателя изменился: – Ну, господин Леонидов, это вы уже слишком, не перегибайте палку, надо бы и честь знать. Я вам уже говорил – я не читаю книг! Я, вообще, ничего не читаю! – горячился он. Потом успокоился. – Но мои специалисты рекомендуют вас. А давайте-ка вернемся к нашему договору, начнем работать и зарабатывать. У меня есть интересный сюжет. Нам заказал его один уважаемый господин. Писать он не умеет, зато имеет приличный бюджет и огромное желание стать писателем – работа как раз для вас. Отличный гонорар!

– Я подумаю, – неожиданно для себя произнес Леонидов.

– Вот! Конечно! Подумайте! Так-то лучше! Совсем другой разговор!

– Скажите, – перебил его Леонидов, – а почему вы хотите мне помочь? Сотни писателей не могут пробиться в ваше издательство, бегают за вами, уговаривают, а вы звоните мне?

– Тысячи писателей! – поправил издатель. – У моих людей скопилось три тысячи непрочитанных рукописей, и все гениальные, все хотят.

– Ну вот, а вы звоните мне?

– Почему вам? – задумался тот. – А черт его знает, почему, – воскликнул издатель, – сам не знаю... Вы мне нравитесь!.. Сказать по правде... Вы первый человек за десять лет моего бизнеса, который меня «послал». Откровенно, нагло послал! Такое невозможно, такого не может быть, – он промолчал немного и добавил: – Леонидов, скажите честно, а почему вы не приняли условия моего договора, почему отказались работать на моих условиях, ведь они лучше, чем у других?

– Вы не поймете! – неожиданно для себя воскликнул Леонидов.

– Почему? – искренне удивился издатель.

– Потому что я не могу вам этого объяснить, – произнес он и в ужасе отшатнулся от телефонной трубки. Он не понимал, что с ним происходит, но слова эти он уже где-то слышал, точно слышал, и теперь, как в гипнотическом сне, вынимал

их из своей памяти и повторял.

– Но, почему вы не можете этого объяснить? – уже горячился издатель.

– Потому что... вы не поймете, – тупо повторял Леонидов, он действительно не мог этого объяснить.

– Значит, объясните мне так, чтобы я понял!

– Не могу!

– Но почему?

Что он мог сказать человеку, сидящему в шикарном пиджаке, зарабатывающему миллионы на книгах, которые писал кто-то другой, а он их даже не читал. Как он мог рассказать о том, чего порой стоили ему эти страницы, строки, как они вымучивались, рождались. Бывали моменты, за которые можно было отдать все. А он и отдал. Но объяснить не мог.

– Я подумаю, – повторил он, – я подумаю над вашим предложением и перезвоню... потом... позже.

– Но, вы не ответили на мой вопрос! – настаивал издатель.

– Потом! До свидания, – сказал Леонидов и повесил трубку.

– Чертова книга! – мелькнуло в сознании. – Он попал в плен собственным фантазиям, это та самая книга, последняя, недописанная не дает ему покоя, она тащит его за собой, не дает спокойно работать, делать деньги, жить! И почему этот Клейзмер не взял свой миллион... миллион... миллион? – билось в сознании, стучало в висках, разрывало мозги на части, колотилось по черепу, не давая покоя, не давая

дышать и жить.

Уже знакомым маршрутом они с Ангелом скользили по холодной заснеженной Москве. Вот та улица, старинный кирпичный дом, Храм без крестов. Они шли забирать свои книги, напечатанные за сумасшедшие деньги «небольшим тиражом». Леонидов не мог оставить их в темном подвале, не мог оставить этому человеку, словно часть его самого находилась здесь. Ему было их жалко. Он шел, и думал и вспоминал:

Что мешает ему уничтожить это ничтожество, разобраться с ним как в старые времена. Ему это ничего не стоило! Он стал совсем другим. Если бы раньше вел себя так, не смог бы выжить в бизнесе и одного дня. Он хорошо помнил те правила и умел решать вопросы... разные вопросы, но теперь. Все изменилось. Что-то мешает. Что? Книга? Она связывает руки, заставляет смотреть по-другому, думать иначе, чувствовать. Теперь не хотелось пачкаться, прикасаться к этому жалкому человечку. А, может, все же...

– Не стоит! – перебил его мысли Ангел. – Он сам себя уже наказал.

Леонидов сначала его не понял:

– В каком смысле?

– Ты хочешь знать, что будет с этим человеком после... потом?

Ангел улыбался совсем не ангельской улыбкой. Ангел очень изменился за последнее время, а может, всегда был та-

ким, просто он его плохо знал или не знал совсем.

– Хочешь, я покажу тебе кое-что, чего человек знать не должен?

И странный незнакомый блеск засиял в черных глазах Ангела призрачным светом.

– Только скажи, и ты узнаешь все.

На мгновение в глазах Леонидова померкло, и только свет, исходивший от Ангела, притягивал его. Он смотрел, и оторваться не мог. Уже не хотел смотреть туда, хотел не знать, не видеть, но Ангел стоял и ждал ответ на свой вопрос, в глазах его застыл светящийся образ, а в глазах Леонидова ужас.

– Пожалуй, не надо, – пробормотал Леонидов, отрываясь от этого зрелища. Нет, он ничего не понял, он не успел понять, но то, что он за короткое мгновение увидел, леденило душу.

– Я тоже так думаю, что не надо, – произнес Ангел, – просто поверь мне на слово.

И тут Леонидову стало жутко, стало страшно за того несчастного человека, стало не по себе.

– Стоило ли того? – тихо пробормотал он.

Маленький В-дом находился рядом. Вокруг собралось множество народу, люди волновались, оживленно говорили, о чем-то спорили. Они облепили В-будку бумагами и что-то на них писали. Леонидов хотел было спуститься в подвал, но Ангел уже пнул ногой старенькую дверь, и та пронзительно

заскрипела. Люди у будки закричали, замахали руками и кинулись к ним.

– Членство! Вы за членством? Идите, пишитесь в списках! Здесь очередь на неделю вперед! Вы в третье тысячелетие? Идите, пишитесь!

Гвалт нарастал. Дверь на старых несмазанных петлях отчаянно скрипела, приглашая зайти в темноту подвала. А над головами гордо висела вывеска... та самая – «Союз писателей 3 тысячелетия». Обеспокоенные люди уже начали высовываться из окон ближайших домов, вороны, спрыгнув с веток, ходить прямо под ногами, угрожающе каркая. Вдруг из черного проема появился человек. Это был Тепанов. На нем сверкал новенький пиджачок из магазина знакомого нам Медильяне, горло его перехватывал новенький галстук, а в руках его был калькулятор.

– Что за шум? – недовольно воскликнул он, – что за безобразие?

Вороны присмирели.

– Членство... Членство... Членство..., – слышались голоса замерзших людей.

– Ах, господин Леонидов? – воскликнул он, не обращая внимания на остальных, – вы ко мне?

Узнав, что он хочет забрать свои книги, ничуть не удивился, даже обрадовался этому.

– Сейчас вам их вынесут, не волнуйтесь, – произнес он. – А ну-ка, тихо тут, – шикнул он на толпу, и отдал распоряже-

ние маленькому человечку, который возник у него под ногами. Тот кинулся исполнять приказ, а они остались ждать на улице.

– Вы не желаете к нам в 3 тысячелетие? Посодействую без очереди! – сказал Тепанов.

Леонидов был немногословен, после увиденного в глазах Ангела, смотрел на этого человека с искренней жалостью. Даже с ужасом. Тот, ничего не заметив, продолжил: – Ну, что же, тысячелетие большое, еще успеете, всегда пожалуйста, всегда рады-с. Всего три тысячи рубчиков-с, пока расценки не поднимались.

Потом он посмотрел на толпу: – Все, господа, я устал, у меня обеденный перерыв. Мне нужно отдохнуть, я с самого утра торчу здесь. Я семнадцать лет кручусь в этом дерьме. В конце концов, я строю загородный дом... домик... домишко! – засмеялся он. – А вы знаете, как это нелегко, как непросто! Везде одно ворье! Стоит засмотреться, проглядеть – моментально надуют. Одно ворье... ворье-с, – пропел он. Изящно поправил новенький пиджачок и посмотрел на Леонидова.

– Ну, что, господин Леонидов, рад был с вами работать, вы талантливый писатель, заходите к нам еще.

Из дома выскочили маленькие люди и начали выносить книги. Все они были низкого роста и были чем-то похожие друг на друга. Детский сад. И только лица их были сморщенными, глаза умудренные опытом долгой жизни, с лукавыми,

порочными улыбками. Они ехидно посматривали на Леонидова и зло косились на Ангела, как будто могли его видеть. А может могли? Но кем тогда нужно быть?

Коробки с книгами стояли на снегу, маленькие помощники суетились, Ангел подогнал такси, и человечки начали грузить. Как Ангел это сделал, было непонятно – такси само подъехало и двери открылись. Водитель молча вышел, открыл багажник и начал помогать. Леонидов хотел было пересчитать книги перед тем как за них расписаться.

– Пересчитай, пересчитай Леонидов, – поддержал Ангел.

– Ну, что вы? – прочитал такие намерения в его глазах Тепанов. – Дома пересчитаете, дома. Все в порядке-с, все под ключ-с!

А Леонидову хотелось уехать отсюда быстрее, он уже не мог видеть этого человека в костюме, в липком темном уголке Москвы, под этой вывеской.

– До свидания, господин Леонидов, до встречи. Заходите еще.

– Заходите-с, заходите-с еще-с, – возник под ногами один из маленьких помощников, подмигнув ему и гнусно улыбнувшись, а голос этот показался удивительно знакомым. Ему бы еще кудрявые рыжие волосы, бакенбарды и котелок на голову.

В последний раз он оглянулся на эту улицу, посмотрел на трансформаторную будку, которая мнила себя целым домом, на человечка в новом пиджачке, который мнил себя издате-

лем, на старинное здание, бывшее некогда церковью, на притихшую толпу людей. Этот дом действительно был когда-то Храмом, только давно уже не было на нем крестов.

Вернувшись, они с Ангелом пересчитали книги в новеньких коробках. Не хватало ровно тридцати штук. И тогда он словно увидел, как уважаемый поэт и издатель, владелец газет и журналов, учредитель Союза писателей третьего тысячелетия в темном подвале раскрывал эти коробки и украдкой тонкими пальцами музыканта по одной их оттуда таскал, и ему стало невероятно жалко этого человека, в имени которого чего-то не хватало.

25

Телефонный звонок разорвал тишину комнаты. Звонок был неожиданным, звонить ему было некому. Он никого не ждал, уже не надеялся на чудеса, а потому равнодушно снял трубку. Петров жизнерадостно поприветствовал его.

– Старик, собирайся! – громко произнес он, и голос его заполнил пространство маленького помещения.

– Завтра едем на кинофестиваль. Состоится премьера моего фильма.

Он был рад за друга, наконец, хоть у него что-то сдвинулось с места. Голос Петрова был уверенным с победными нотками, и это настроение постепенно начало передаваться ему. Это был голос человека, на котором изящно сидел

черный смокинг, черная бабочка забралась под воротничок, подчеркивая ослепительную белизну рубашки и лица, которое светилось в свете прожекторов на сцене под огромным киноэкраном. Красная ковровая дорожка осталась позади, она почтительно проводила его друга на киношный Олимп, продолжая встречать гостей кинофестиваля.

– Обязательно костюм и галстук? – уныло спросил Леонидов, – он так и не успел полюбить этот наряд, да и полюбит ли?

– Куда подъехать, в какое время?

– Старик, – последовательно отвечал на вопросы Петров, – костюм вовсе не обязателен, здесь публика специфическая – ходят в том, что по душе, главное, чтобы тебе было удобно, а подъезжать никуда не нужно, нас повезут на транспорте, организовано. Так что завтра сбор в таком-то месте в такой-то час. И передай приглашение Гале, – потом добавил, – уезжаем на два дня.

– Уезжаем? – удивился Леонидов.

– Да, уезжаем, все, остальное потом, ... завтра... завтра... До встречи, старик. Пока.

Леонидов повесил трубку и вновь остался в тишине маленькой комнаты наедине с молчащим телефоном, потухшим компьютером и горами книг под потолком. Он был рад этому звонку, он не мог и не хотел больше оставаться здесь, и Петров с его поездкой оказался спасением.

Они долго ехали на автобусе, битком заставленном техникой, коробками, прожекторами. Оказалось, что фестиваль будет проходить не в Москве, а в другом городе. И теперь они все дальше удалялись от столицы. Широкие шоссе превращались в узенькие дороги, потом в дорожки, города в городки, деревья на обочине становились выше, солнце ярче, а голубое небо висело над головой. Куда они ехали? Леонидову было совершенно все равно. Главное ехать. Главное, куда-нибудь подальше, а там будет видно. Галя, сославшись на усталость, осталась дома, и они могли спокойно поговорить. Петров был одет вовсе не во фрак и никакого намека на бабочку. Да и багажа не было, куда бы он мог спрятать костюм. Знакомый свитер и старенькие брюки. Это был Петров – просто Петров, каким он знал его много лет. Пассажиры в автобусе, судя по одежде, тоже не собирались на набережную Круазет. Люди как люди, самые обыкновенные. Некоторых он узнавал – то были актеры и режиссеры из старой, давно забытой эпохи.

– Старик, сожалею, – произнес Петров. Он уже знал историю, произошедшую с ним.

– Дело даже не в договоре. Ты прав. Договор сегодня ничего не значит. Бумажка, фикция. Тебе нужно было сделать одну простую вещь, прежде чем везти деньги этому, ... – он промолчал, – этому ..., – и подавился именем, так и не сумев его произнести.

– Когда ты мне обо всем рассказал, я поинтересовался,

что же это за поэт такой и что он написал? – Петров посмотрел в окно, о чем-то задумался, наконец продолжил:

– Тебе нужно было прочитать «стихи» этого поэта, и уже никакой договор был бы не нужен. Знаешь, я давно понял одну простую вещь, – задумчиво продолжал он, – бездарность страшнее всего. Страшнее, чем ребята-грузчики, умеющие делать на нас деньги. Это даже хуже, чем желание украсть или заработать на ком-то. Бездарь повинуетя особому, ему одному понятному принципу, инстинкту, получая от этого удовольствие. Ты талант, ты творец? Гений? Ну и что? Таких как ты, много, а я один. Пиши свои нетленки, снимай картины, а я приду и кину тебя. Закатаю в такое, потом будешь долго отмываться и отрабатывать долги. Ну, кто ты такой? Никто. Гений! Вас тысячи, миллионы, а я один.

– Ты уверен, что он такой один? – спросил Леонидов.

– Конечно, не уверен, – засмеялся Петров, – но надеюсь, что этих убогих не больше, чем просто людей, коммерсантов, не со зла, собирающих бабло. Зависть что ли какая-то? Зависть особого рода. Удовольствие – от собственного бессилия угробить стоящее дело. Духовная импотенция. Тебе нужно было прочитать, так называемые, стихи и ты сразу бы понял все... Ладно, проехали, – закончил он, посмотрев в окно, – не расстраивайся, мы сильнее этих. Ты пишешь замечательные книги, это главное!.. Посмотри, красота вокруг какая! – внезапно воскликнул он.

Они ехали уже несколько часов, пока автобус не начал вязнуть в глубокой колее дороги. Или не дороги, а как говорится, «направлении». И действительно, эта узенькая колея уже не напоминала дорогу, а лишь указывала путь. За окном за это время произошли невероятные изменения. Всего за несколько часов они словно попали в другую страну, в другой мир. Исчезли сугробы, и яркое солнце освещало зеленые поля и деревья. Они оставили холодную московскую зиму далеко позади и въехали в чье-то лето! Как по волшебству! Всего за несколько часов!

Наконец их пересадили в машины с открытыми бортами и табличкой «ЛЮДИ», а впереди, весело урча мотором, выбрасывая клубы дыма, прокладывая дорогу трактор смело ведя их за собой. А вокруг бесконечные поля колосющейся пшеницы, маленькие речушки без переправ, которые на вездеходах они преодолевали с легкостью и щемящим восторгом людей, изголодавшихся по высокому небу, солнцу и запаху скошенной травы. «ЛЮДИ» – было написано на окошке, и как-то необычно и приятно было почувствовать себя Человеком. Человеком в этом теплом лете.

Леонидов долго смотрел по сторонам, и удивительное чувство охватило его. Захотелось улечься на огромном лугу, утонуть в зеленой траве, закутаться, натянуть на себя облачко, которое проплывало над ними, и потом широко открытыми глазами смотреть туда, где высокое небо и яркое солнце. Слушать стрекот кузнечиков, жужжание пчел на

цветках, вдыхать аромат луга и леса. И не думать больше ни о чем. Просто чувствовать, ощущать все, что тебя окружает, и раствориться, остаться навсегда. Здесь была настоящая земля, настоящие деревья, вода в речушках, где плавала рыба, настоящие облака плыли по небу, и настоящее, неизвестно откуда взявшееся лето, согревало и звало за собой в покрытые зеленью луга и леса. Он уже забыл о том, куда они ехали. Просто тряслись в высоком кузове машины, кивая в такт каждому ухабу и кочке. Женщины смеялись, визжа от восторга. Ну, где еще найдешь такое развлечение, никакие американско-русские горки, мчащиеся по своему предсказуемому железному рельсу, никакие аттракционы не доставят столько радости и пьянящего восторга, разбавленного ароматом скошенной травы. Гениальный тот инженер или чиновник, который не проводит в такие места дороги. В этом есть великий, глубоко продуманный смысл. Сюда не доедешь на джипе, не прорвешься на свирепом мустанге с мигалками и спецсигналами. Может быть, проедешь, но обязательно увязнешь или просто испугаешься или не захочешь вовсе – стоит ли колеса топтать по такой грязи и бездорожью, по этой колее. Колее, которая называется Россией. Потому и деревья здесь настоящие, небо высокое и яркое солнце. Солнце, которое не заметить нельзя и лето. Жаркое-жаркое лето...

Вдалеке показался населенный пункт. Покосившаяся вывеска подсказала его название – «Дальнерусск». Они въеха-

ли в городок, скорее даже поселок, и подкатили к зданию старенького клуба. Их уже встречали! Два мужичка заканчивали приколачивать длинную вывеску над входом. «Приветствуем участников кинофестиваля» – красовалось на ней. Вывеска была прибита немного криво, но смотрелась хорошо и даже нарядно. А криво, потому что на ступеньках стояла здоровенная початая бутылка самогона, к которой эти двое уже успели приложиться. Настоящего деревенского самогона, который не перепутаешь ни с чем. Бело-мутная водица в высокой бутылке с закрытой пробкой. И что больше всего удивляло – самая настоящая красная ковровая дорожка, извивающаяся по ступеням. Дорожка была старенькая, захоженная до дыр, она сверкала протертыми местами. Лет 50 назад по ней, наверное, поднимался местный «генеральный секретарь» (или кто там у них был), чтобы поздравить какую-нибудь доярку с выдающимся надоем. Это была самая настоящая дорожка, которая так нужна была сейчас, со своей историей и залысинами.

Люди начали выгружаться, прыгая через борта, потом выстроились в ряд, и двери клуба гостеприимно раскрылись. Встречал их глава местного клуба. Фестиваль начался! Какой-то журналист, отряхнув фотоаппарат от дорожной пыли, начал фотографировать. Все проходило очень хорошо. По настоящему...

Немного времени для подготовки, и начался показ.

Работ было немного – два художественных фильма и

несколько документальных лент. Фильм о театре, другой про художника, еще один про ученого. Зрителей в зале было немного. Два дня один за другим показывались эти ленты, и все новые люди занимали места в зале. Здесь были в основном женщины. Женщины-доярки. Они сменяли друг друга в коровнике и приходили сюда на просмотр. И, конечно же, остальные места занимали сами участники фестиваля. Смотрели свои работы и работы коллег, сами оценивали, сами вручали призы. Здесь не было победителей. Все картины заслуживали внимания и принимались с восторгом. Люди выходили на сцену, произносили речи, а журналист, которого они привезли, все это снимал. Особенно удивляла реакция двоих мужиков с самогоном. Они не пропустили ни одного кинофильма, по-видимому, в этой летней деревне работали только женщины, а мужчины то ли руководили, то ли просто отдыхали. Они ведь приколотили вывеску, расстелили красную дорожку, и теперь отдыхали. Бутыль стояла рядом, но за целый день ни один из них к ней так и прикоснулся. Только восторженными трезвыми глазами смотрели на экран.

Леонидову понравился один художественный фильм. Очень понравился. Актеры явно не зашли на съемочную площадку на пару часов между съемками в рекламе и антрепризными концертами. Актеры знали свой текст, и, по-видимому, знакомы были с ролями, которые играли. И тексты ролей им вручили не за десять минут перед съемками. Скорее

всего, они даже репетировали свои роли. Правда, среди них не было детей или внуков, внучатых племянников знаменитостей. Зато сценарий к этому фильму писал не сварщик и даже не осветитель. И грузчику такое не по силам. Кто-то, памятуя свой опыт и умение, в удовольствие наваял замечательную пьесу, по которой сняли фильм. И создавалось это кино не один день в маленькой комнатенке, экономя бюджет. То была настоящая работа! Леонидов давно не видел такого замечательного фильма. Он был уверен, что подобное не снимают сегодня, а тут такое откровение с экрана. В перерыве подошел к режиссеру. Они познакомились, разговорились.

– Когда ваш фильм выйдет в прокат? – спросил он режиссера.

– Никогда, – ответил тот.

– Почему? – изумился он.

– У нас его не купит ни один кинотеатр, – весело ответил режиссер, – и, помолчав, добавил, – а кто мы такие? Ну, кто мы такие? – и засмеялся.

– И что, вы никому не покажете его? Этот фильм никто не увидит?

– Почему же не увидит, – и он кивнул в сторону мужичков с самогоном и бригады доярок, отдыхавших после смены, – вот, смотрят люди.

– А, другие люди, в Москве, в стране?

– Как вы не понимаете? – воскликнул режиссер. – Этот

фильм по нынешним временам «неформат». Вы знакомы с таким понятием? Это психологическая драма. Ни одна киностудия не имеет в планах подобных проектов. На них просто не выделяют денег. Практически все сделано на свои и на деньги друзей, – добавил он и замолчал.

– Что же теперь снимают? – спросил Леонидов.

– А вы не знаете? – засмеялся режиссер, – вы с какой планеты?

– Экшен! – вырвалось у него.

– Конечно! Конечно Экшен! Блокбастер! Мыло! Тарковский сегодня работал бы оператором, а Феллини осветителем, и это в лучшем случае, если бы очень повезло и нашлось протеже.

– Неужели нет никакой надежды? – на прощанье спросил Леонидов.

– Есть надежда, маленькая, но есть, – ответил тот, и глаза его загорелись.

– Канны! Если нас заметят Там. Если оценят в какой-нибудь номинации, наши кинотеатры будут бегать за мной и умолять продать им копии, но все это только после Канн. А без Канн мы никто.

Леонидов задумался. Может быть, ему тоже издавать свои книги Там. А Петров подтвердил эту мысль: – Старик, многие давно уже так сделали – раскрутились, а потом вернулись сюда, теперь они нарасхват.

– Но для этого придется уехать из страны, – подумал он. –

Уехать на годы.

И Леонидов вспомнил слова Петрова: «Уезжать не хочу. Это моя страна».

Журналист к концу первого дня устал и попросился домой.

– Только своим ходом, – возразил ему руководитель фестиваля.

– Но, я уже сделал свою работу, отработал гонорар. Больше мне делать здесь нечего, – возмутился тот, – у меня масса работы, полно заказов. Всем нужны репортажи, пиар, а я тут с вами время теряю! Мой контракт выполнен, в конце концов!

Руководитель был опытным администратором, он не хотел ссориться с журналистом – мало ли что, и сделал правильный ход.

– А вы посидите в партере, вон с теми людьми, заодно возьмите у них интервью, – и кивнул на наших мужичков, – а я пока вызову вертолет. Лично для вас, господин журналист.

Руководитель знал, что делает, он не в первый раз проводил такие фестивали, а журналист был молодым, горячим... и совсем неопытным. Через несколько часов он нашел журналиста в компании тех двоих, и в возмущении спросил:

– Ну, что же вы, господин репортер? Я вызвал для вас вертолет, вас, понимаешь, ждали, а вы...

– А и не надо никакого вертолета, – еле связал журналист

несколько слов, – у меня еще очень много работы, – и он посмотрел на недопитую бутылку – уже вторую. – Нам еще много нужно сделать.

– Да-да, – подтвердили мужики, показывая на третью бутылку.

– Поработаем ишшо... Ихмо... Меть... Ну его, этот вертолет. Отпускай его с Богом.

И вертолет отпустили. А был ли он, этот вертолет, уже никто не вспомнит.

На второй день в честь победителей хозяева фестиваля устроили банкет. А поскольку победителями оказались все, всех и пригласили. И доярок, свободных от смены, и, конечно же, наших двух мужичков. Все расселись за длинным столом, накрытым прямо на улице во дворике клуба, и отмечали закрытие. Леонидов сидел за столом и смотрел на этих людей – актеров и доярок, двух пьянчужек, на Петрова. И на мгновение показалось, что все так и должно быть. Все правильно, все получилось у этих людей. И какое-то смутное предчувствие защекотало, завибрировало в душе, в пустом желудке и в голове. Одни снимали кино, другие его смотрели. Чего же еще? При чем здесь столицы и слава, все это так далеко отсюда. Просто живут самые обыкновенные люди, пусть даже в городке Дальнерусске и смотрят кино. Оно им нужно, оно им нравится. И вспомнил глаза двух мужичков, которые еще были трезвыми, вспомнил, как они смот-

рели, и доярок вспомнил. И теперь он понял, что ему нужно делать. Но, об этом потом. И еще одно поразило его за этим накрытым столом. Теперь он смотрел не на людей, а на нехитрые угощения, которыми их потчевали. Смотрел и вспоминал тот день, когда они с Галей весь день смотрели телевизор и, казалось, пересмотрели все возможные передачи. В одной из них рассказывалось, из чего сделаны наши продукты. А здесь... Мясо было сделано из... мяса, огурцы из огурцов, картошка была похожа на картошку, рыба на рыбу. Мясо было из молодых бычков, а не из кенгурятины, которую, оказывается, мы потребляем многие годы. Оно и понятно. Откуда возьмется свинина или говядина в наших широтах? Кенгуру уже давно заплонили прилавки магазинов. Однажды кенгуру, вспомнив, что их историческая родина Россия, отправились в далекое путешествие. Они оставили Австралию и, видимо, вплавь, через океан, пустынями, горами, тайными тропами пробирались сюда. Так достигли цели путешествия и теперь снабжали своим мясом наши магазины. А на этом столе почему-то лежал настоящий жареный поросенок. Настоящие цыплята, не нашпигованные антибиотиками, просто цыплята. Видимо, по той дороге-недороге антибиотики не смогли доставить сюда или почему-то забыли это сделать. И цыплята были самыми обыкновенными. На столе лежал картофель! Несмотря на то, что уже давно национальным продуктом в нашей стране стали бананы! К весне только за сумасшедшие деньги можно купить остат-

ки гнилой картошки, а бананы пожалуйста – за сущие копейки. И, действительно, откуда здесь взяться картофелю, в нашей северной стране, когда повсюду, даже в городах, растут лишь пальмы, а с них свисают эти самые бананы. Улицы, площади и скверы покрыты пальмовыми плантациями. Только ленивый не подойдет и не сорвет эти плоды. Зимой удивительные пальмы, невзирая на холод и снег, дают прекрасный урожай, а картошка... Ее просто не должно быть в этих широтах, поэтому бананы и есть самый распространенный национальный продукт. А тут картофель! Настоящий! Пахнувший картошкой, из нее же сделанный – чудеса!

Он ел эту настоящую еду и вспоминал Галю: – Жалко ее нет рядом. Хотя у нее сейчас, наверное, начинается сериал. Ел настоящую еду, пил настоящий самогон, сидел рядом с настоящими актерами и режиссерами, доярками и двумя пьянчужками и чувствовал себя как-то необычно, по-настоящему. И дело его было стоящим, в которое снова верил, потому что знал, что книги его нужны людям. Это стало для него сейчас главнее всего...

С таким настроением и покинул этот замечательный фестиваль. Ему вручили бутылку самогона, впрочем, как и остальным. Правда, взамен попросили оставить журналиста. Уж очень он им понравился. Журналиста не отдали, аккуратно упаковали его в коробку от большого фонаря и особенно берегли фотоаппарат – завтра вся страна узнает об удивительном кинофестивале, который прошел с успехом в го-

роде Дальнерусске. В городе, где настоящие доярки и молоко, самогон, настоящая красная ковровая дорожка и где показывали самое настоящее современное кино. И еще сохранилось жаркое-жаркое лето...

Дорога вела назад, она становилась все шире, города больше, небо улетело на призрачную высоту, солнце спряталось. Все ближе и ближе к столице. Вот появились первые пальмы, с которых свисали любимые плоды, первые кенгуру перебежали дорогу. Наконец, въехали в город. Снова пальмы и повсюду эти красивые животные. Вот Плющиха, где давно вырубил три тополя и где теперь тоже растут три банановых дерева. А под пальмами этими сидят кенгуру и ждут, когда же их съедят. И снова зима...

Часть 3

26

Клейзмер подошел к окну и пристально посмотрел вдаль. Ледяной город сверкал в лучах зимнего солнца, отражаясь холодным блеском. Были видны дымящиеся металлические трубы завода, натянутые струны стальных рельсов трамвая, нити проводов на столбах. Мир, опутанный металлической паутиной. Металлический хаос. Бетонные стены домов заасфальтированного города, заасфальтированного мира, выбирались из сугробов грязного снега, скрывая людей, их замерзшие жизни, судьбы. Он посмотрел немного в сторону, где мерцали золотые купола, повел глазами вверх и увидел прозрачное голубое небо. Оно нависало над городом, пропуская лучи яркого солнца, которое уже не в силах было согреть никого. Была зима. Холодная зима.

Этот высокий бородатый человек стоял и пристально смотрел в окно. Потом раскрыл его, и ледяной ветер ворвался в его жилище. Он не замечал холода, лишь чувствовал свежесть его дыхания. Уже умывался этим ветром, а сердце бешено колотилось, согревая. Губы его шевелились, бормоча бессвязные слова, фразы, а в голове зрел вопрос, на кото-

рый он должен был дать ответ:

– Как уживаются этот бетон и пластик рядом с деревьями и людьми, небом над головой? – он снова посмотрел вниз.

– Два мира. Один под ногами, который создал человек, и теперь топтал ногами, мир который вполне устраивал его. Но стоит посмотреть наверх, открывается другой мир. Так в котором из них мы живем? Интересно, если убрать все искусственное, оставить лишь настоящее, что сохранится? Цивилизация уже ни раз проходила через это чистилище. Очищение. Остались после этого пирамиды, созданные его руками, но сделанные из натурального камня. А все атрибуты высокотехнологичной жизни стерты с лица земли. Остались каменные идолы и амфоры. Сохранились развалины. Что настоящее, а что наносное? Что должно остаться, а что исчезнуть навсегда?

Он продолжал всматриваться вдаль, временами поднимая глаза к небу, а губы бормотали эти бессмысленные, безумные слова:

– Все их технологии, изобретения. Где они? Только скелеты несчастных и величественные пирамиды над ними – больше ничего. А человек? Что в нем временное, а что постоянное, вечное? Нужно им это как-то объяснить. В этом нет ничего сложного. Есть величины непостоянные, переменные, а есть неизменные – КОНСТАНТЫ! Как это объяснить? Но, существует же неизбежность. Все равно это должно произойти. В конце концов, мир явился из точки. Это не взрыв. Толь-

ко невежества могут пугать такие понятия. Взрывы устраивают люди, а не Боги. Мир родился из точки и должен вернуться назад. Неминуемо вернуться, пройти через нее. Точка – это лишь мгновение, короткая пауза, переход, а за ней... Нужно пережить это, чтобы идти дальше. Нельзя вечно топтаться на месте, геометрия проста. И тогда произойдет обновление, истинное откровение. Бояться не нужно. Остается только отбросить ненужное, бессмысленное, переодеться и сделать этот шаг, дождаться, понять! В этом выход! Но, как это объяснить ИМ? Смогут ли? Захотят ли? Поймут?

Он подошел к столу, заваленному кипой бумаг, которые, словно живые, шевелились на холодном ветру. Перелистал замерзшие страницы.

– Не то... Все не то... Слишком много времени нужно, чтобы объяснить – жизни не хватит. Нужен другой путь.

Он продолжал перебирать листы бумаг, исчерченные, испещренные мелким подчеркиком.

– Все не то! Это не их язык! Но, должен же быть какой-то выход?

Он нервно отшвырнул в сторону кипу бумаг, где были надписи, математические иероглифы, понятные лишь ему одному. Те, соскользнув со стола, полетели вниз. Они белыми птицами распластались по полу, разметав свои крылья. Теперь они занимали все маленькое пространство. Формулы, мысли и цифры, написанные и доказанные, больше они были ему не нужны. Он их понял, постиг, он доказал ЭТО, и

теперь они его не интересовали. Отработанный материал...

Встав с шаткого стула, прошелся по белому полу, исчерченному иероглифами формул. Топча их ногами, нервно ходил, бился в четырех стенах, а совсем близко открывался другой мир, который он придумал, увидел и доказал. Его мир! Просто нужно найти язык, перевод. Нужно понять, как объяснить им ЭТО. Внезапно взгляд упал на предмет, который завладел его вниманием. Он кинулся в угол, достав оттуда старенький, пыльный футляр со скрипкой. Схватил его, вынул инструмент. Что-то подсказывало – он нашел то, чего так не хватало. Истина находилась рядом, она была в каждом предмете, каждом порыве ветра за окном, в каждом дыхании и мысли, и в этой скрипке. Кинулся к окну, закрыв его, обнял скрипку, согревая ее обеими руками, потом достал смычек и... заиграл.

Есть алгоритм, который понимают немногие, но есть язык, который должны знать все. Есть истина, которую не объяснишь словами или цифрами, но музыкой, нотами, сокровенным движением души. Этот язык доступен многим. Он понятен всем, потому что душа дана каждому. Она теряется, пропадает, бьется между сознанием, разумом и привычным, постылым телом. Она думает и говорит на своем языке. Но если она ведет тебя по жизни, желания твои совсем другие, нежели те, которые заложены инстинктами и телесными просьбами, вожделениями. Она свободна от них. Нужно услышать ее и найти к ней путь, отказаться, чем-то

пожертвовать. И тогда она завибрирует, заиграет, как струна. Откроет перед тобой сокровенные знания, ответит на вопросы, которые недавно ты даже себе не задавал! И жизнь изменится, засверкает, и не вялое похотливое тело будет тащить тебя за собой, а вести, звать, настаивать и торопить. И сотворять это будет твоя удивительная душа...

Он играл, и странная, удивительная мелодия исходила из инструмента. Это были не ноты, не музыкальные фразы, бесстрастно заученные равнодушным непонятливым подростком. Не бессмысленный набор звуков, не чья-то музыкальная фантазия, хотя кто-то ее когда-то написал. Она была узнаваема, но, как сейчас, в этой холодной пустой комнате, звучала впервые. Она говорила, и Клейзмер говорил вместе с ней:

Долгий тяжелый труд, опыт мучений, творческих побед, поражений, и снова побед. И когда цифры кончились, исчерпали себя, исписались, явилась простая и удивительная истина, и все эти формулы теперь были не нужны. Явилась идея, настоящая, не придуманная, не требующая доказательств, и она засверкала невероятным звучанием в душе и звуках волшебной мелодии. Он доиграет ее до конца, но останется ли она или исчезнет, как остальное, временное и бессмысленное? Останется! Конечно, останется и будет звучать. И станет такой же вечной, как его душа и души остальных в этом мире, в целой вселенной. Они не могут не услышать ее. Они

должны понять, и никакие формулы больше не нужны! Точка! Переход! А за ней новый мир и новая жизнь! Вечная...

За стеной заплакал ребенок. Он громко кричал, был потрясен непривычными звуками мелодии. Он не слышал еще такого, поэтому ему было не по себе. Просто ему никогда никто не давал слушать этой музыки и другой тоже, а потому он плакал.

– Клейзмер, прекрати сейчас же! – раздалось из-за стены.

Он не слышал, продолжая играть, словно в экстазе, а звуки неслись далеко за пределы закрытой комнаты – замкнутого кубика бетонной клетки. Но уже с другой стороны стена начала сотрясаться раздраженным грохотом:

– Клейзмер, прекрати хулиганить! Сейчас же перестань! Сумасшедший! Идиот! Блаженный!

Стены начали дрожать, изгибаясь под ударами крепких кулаков, они упруго вибрировали от ударов, словно были не из прочного бетона, а из резины или гибкого пластика. Коробка его комнаты превратилась в резиновую грушу, которую теперь нещадно колотили, топтали, били со всех сторон. Сверху, снизу. Потолок стал мягким, податливым и проваливался глубокими впадинами, пол ходил ходуном, а Клейзмер не замечая, продолжал играть. Потом закончил и словно прозрел:

– Вот, чего так не хватало! Этот язык доступен каждому!

А из-за бетонных стен продолжали раздаваться крики лю-

дей. Десятков людей, тысяч людей.

– Ты замолчишь или нет?

– Перестань сейчас же!

– Сумасшедший!

– Безумец!

– Блаженный!

Наконец он услышал их, изумленно огляделся. Отставил с плеча скрипку, задумался. Потом улыбнулся.

– Поймут! Просто нужно немного времени. Совсем немного! Времени и сил! Они обязательно поймут!

27

Леонидов вернулся из поездки, и Галя теперь его не узнавала. А он и сам себя не узнавал. Что-то сломалось, нет, скорее, открылось второе дыхание, и после всего увиденного он хотел работать, хотел идти к своему читателю, готов был, наконец, перейти чертовой улице, которая разделяла их все это время. Он стал другим. Словно отобрал крылья у своего Ангела и теперь готов был с их помощью совершить полет на неизведанную высоту. У Петрова получилось – теперь очередь его. Как это сделать, он пока не знал, но очень хотел этого и верил в успех. Он «завелся» и остановить его было невозможно. Он писал, как когда-то раньше – теперь ничто не мешало. Писал с удовольствием, яростно отдаваясь удивительному чувству свободы. Деньги закончились, и он

был совершенно «голым», неприкрытым перед этой жизнью с ее тяготами, невзгодами, но не обремененный ничем. Смело подходил к столу и писал, подготавливая себя к чему-то еще...

Галя смотрела на него изумленными глазами, не понимая.

– Мы проиграли, – как-то раз сказала она. – Больше надеяться не на что. Остается ждать премьеры. Что будем делать, Леонидов?

– Наоборот, – весело воскликнул он.

– Что? – не поняла она.

– Теперь самое время начинать.

– Я не понимаю, – она посмотрела на него с надеждой, но он больше не сказала ни слова, – я больше так не могу, я устала, – вдруг спросила: – Ты не хочешь позвонить тому издателю?

Леонидов ничего не ответил. Он вспоминал ту поездку, дорогу и колею, машину с табличкой «ЛЮДИ», глаза людей, которые смотрели на экран, поля колосющейся пшеницы, высокое небо и удивительное лето. Но объяснить ей этого не мог, потому молчал. Галя устало посмотрела на него и поняла, что сказать ему нечего.

– Все пишешь? – наконец, задала вопрос, который он давно от нее не слышал. – Ну-ну, – и вышла из комнаты. Галя не знала, что они будут делать завтра, на что будут жить, как жить. Просто устала, а он ничего не хотел объяснять. Знал

одно – у него появилось огромное желание и силы второго дыхания, а, значит, теперь он сможет все!

В карманах оставалось немного мелочи. Удивительное чувство свободы, – посмеялся он над собой. Пока не найдет-ся выход, нужно занять немного денег, а там будет видно. Что может быть проще? – подумал он. Набрал номер Петрова. Конечно же, Петрова, который в этой жизни был всегда рядом.

– А, привет! – обрадовался тот.

– Привет, режиссер! – поздоровался он. – Как дела, где будешь показывать свой фильм?

Петров задумался, немного помолчал и произнес:

– Знаешь, вчера я был на приеме у Алки... Ну, Аллы... Алочки...

– Неужели сама пригласила? – удивился Леонидов.

– Ну, ты понимаешь! Сама! Именно сама! Прочитала статью о фестивале и разыскала меня. Она коллекционирует всех знаменитостей, весь, так сказать, бомонд.

– Поздравляю! – порадовался Леонидов, – теперь и ты бомонд!

– Да, уж! – проворчал Петров, – знаешь, сколько я потратил на костюм для этой чертовой тусовки? Больше, чем на свой фильм! Вот так! А иначе нельзя, иначе ты не в фокусе.

– Зачем, вообще, пошел туда? – засмеялся Леонидов.

– Как зачем? Там собираются все. Там решаются вопросы. Пора выводить фильм в СВЕТ! Ну, сам понимаешь.

– Ну и как, нашел контакты? – спросил Леонидов. Петров что-то говорил, невнятно рассказывал о каких-то людях, светских львах, о пантерах и кошках, о родственниках и внучатых племянниках, вдруг горячо воскликнул:

– Да пошли они! Ничего, прорвемся! Все будет нормально. Главное фильм, а он готов – дело за малым. Буду ходить по киностудиям и каналам, буду проталкивать. Только, зря покупал эту тряпку. Знаешь, сколько стоит один такой костюм от какого-то... Медильяне? – возмущенно воскликнул он, назвав его стоимость, – теперь висит в шкафу. Занимает целую вешалку, целый шкаф. Видите ли, рядом с ним никто висеть не должен. Один он такой! – и Петров выругался. И тут Леонидов вспомнил о таком же костюме-негодяе-нарциссе, который уже почти год занимал место в его шкафу. Этот мерзавец выкинул оттуда все его любимые куртки и теперь одиноко пылился на вешалке.

Они поговорили еще немного, и Леонидов повесил трубку – язык не повернулся спросить у друга взаймы. Да и не было у него этих денег. Потом набрал номер еще одного старого друга – приятеля, с которым часто общался во времена, когда занимался бизнесом. Как хорошо иметь много друзей, – подумал он.

– Привет, старик, как дела, как бизнес? – с радостью отозвался тот. Он не коверкал слова «бизнес», с уважением относился к этому понятию. Наверное, поэтому имел в свои го-

ды приличное состояние, виллу на Кипре, шикарную машину и такую же молодую жену... уже третью. Они поговорили, вспоминая молодые годы, старые давние времена. (Когда-то они вместе прошли через бедность, голодное студенчество, а денег хватало лишь на чашечку кофе и пачку сигарет).

– Извини, старик, нет! – четко произнес тот в ответ на просьбу, узнав о его делах. – И не проси, денег в долг не даю, – подумав немного, добавил: – Тем более, друзьям.

– Почему? – вырвалось у Леонидова. Он знал, что его просьба не обременительна для него, и поэтому был удивлен. – Почему именно друзья попали в такую немилость? – засмеялся он. Но его старый друг серьезно продолжил:

– Потому что главное, что есть у людей, это дружба, – ответил тот. – Мы меняем бизнес, продаем и покупаем дома, квартиры, яхты, меняем жен, любовниц. Но единственное, что остается на всю жизнь – старые друзья. Это и есть самое ценное!

– Поэтому ты не даешь в долг друзьям? – не понял он.

– Совершенно верно, – ответил тот. – Деньги портят дружбу, отравляют жизнь, любовь, даже отношение к нам наших детей. Ты никогда не задумывался, почему я, имея массу старых друзей и приятелей, всегда делал свое дело сам? Потому что не хотел портить отношения с близкими людьми. Такова жизнь, старик. Стоит дать тебе денег взаймы, мы вступим в особого рода отношения! Нам это нужно? Нам это совсем не нужно. Да будь они прокляты эти деньги, которые лишат

меня друга. Плевать я на них хотел! Самое ничтожное, что есть на свете – это деньги, и не стоит ими ломать нормальные отношения. Так что, не проси. Не хочу, чтобы ты зависел от меня. Не хочу косо на тебя смотреть, когда ты мне их не вернешь. Главное дружба! Мы же одна компания! Ближе нас по жизни никого и не осталось! А ты говоришь деньги. Да, пропади они пропадом! Нет, старик, не проси. Я хочу сохранить то настоящее, что было между нами и есть. Это я тебе как настоящий друг говорю! Проси чего хочешь, ради тебя последнюю рубашку сниму, но денег не дам. Ну, ты сам понимаешь, – устало закончил он.

– Да-да, понимаю, – ответил Леонидов. Они дружески попрощались, и он повесил трубку. Потом сидел за столом и смотрел куда-то вдаль не в силах сфокусировать взгляд и сосредоточиться. Думал, что сошел с ума. Он ничего НЕ ПОНЯЛ!

Потом вынул из кармана последнюю мелочь и, разложив ее на столе, пересчитал. Когда в последний раз он делал это, сколько лет назад? Не помнил! Сидел так, долго смотрел на эти монетки, потом на горы книг, подпиравших потолок, и снова на них. И почему-то улыбался, получая странное удовольствие. Когда еще такое случится? Это нужно запомнить! Всегда, когда съезжаешь на санках с горы и попадаешь в самый низ, оборачиваешься и обязательно смотришь туда, откуда только что съехал. Смотришь, ощущая точку низшего падения. И только потом, оттолкнувшись от нее, снова взби-

раешься на гору или ищешь новую высоту.

День начался для него холодным зимним утром. Он рано вышел на улицу и теперь озирался по сторонам. Он не знал, что будет делать, куда пойдет, а в руках был пакет, в котором лежали его книги, много книг. Он достал их с высоких пыльных этажей, и теперь вместе с ними готов был совершить этот маршрут. Только пока не знал, куда. Люди проходили мимо, торопясь по своим делам, спешили на работу, собирая пробки на дорогах, очереди на остановках к маршруткам и автобусам, а он стоял и наблюдал.

– Черт возьми, ну неужели он не может продать несколько книг и заработать несчастные деньги? Вот люди, они рядом, просто подойди и предложи им свое детище, свой товар! И не нужны никакие издательства, книготорговые компании, посредники, магазины. Ты придумал их, это было нелегко, но ты писал их этим людям, и сейчас они рядом, они перед тобой! Сделай шаг – ты заслужил! Это же так просто! – уговаривал он себя.

Потом сел в какой-то автобус, доехал до метро, спустился в подземку. По вагону шел калека, неся в руках пакет. Он невнятно тянул жалобные слова о какой-то операции, о том, что не хватает денег на лечение. Люди доставали мелочь и протягивали ему. Калека вышел из вагона. Леонидов зачем-то проследовал за ним и увидел, как тот, отойдя пару шагов от дверей, лихо перебегая сквозь толпу людей энер-

гично расталкивая их руками, заскочил в следующий вагон, согнувшись, достал пакет и уже трогательно произносил заученный текст. А пассажиры снова доставали мелочь...

Так проехал несколько остановок, все не решаясь к кому-нибудь подойти. Потом его вынесло массой народа на перрон, потащило, поволокло по длинному залу, и он, не сопротивляясь, поплыл в этой плотной утренней толчее. Он был рад находиться рядом с людьми, он привыкал к ним, все еще не решаясь с кем-то заговорить. Да и не до него сейчас было этим людям. Ноги привели в просторный зал пригородных касс. Очереди людей за билетами, очереди электричек за людьми. Очереди, очереди. Серые спины, не проснувшиеся лица. Но было как-то тепло в этой толпе. Эти люди серой массой согревали друг друга, не давали замерзнуть, не давали сбиться с утреннего пути, и были рядом друг с другом. У высокой стены вокзала топталась, переминаясь с ноги на ногу, старушка. Она держала в руках пучки укропа, зелени, выращенной в домашнем парничке. Стояла и продавала, озираясь по сторонам. Рядом находился рынок, но туда ей путь был заказан – оно и понятно, откуда у нее столько денег, чтобы заплатить за место. Там торговали люди, которые даже не представляли, как выращивается этот укроп, впрочем, как и все остальное. Поэтому она стояла здесь, переминаясь с ноги на ногу и, озираясь по сторонам, боясь, что ее прогонят. А пока не прогнали – продавала. Наконец он увидел вокзал, тот словно, приглашал его войти и по железной

колее отправиться в неведомое путешествие. И только стук колес по рельсам...

– Электричка? Почему бы и нет, – подумал он. Наконец оказался в вагоне. Люди расселись, поезд двинулся с места. И тут началось! Из тамбура появлялись мужчины и женщины, парни и девушки, молодые и старые с мешками и рюкзаками. Они заходили по одному, энергично предлагая свой товар: расписания поездов и мини-массажеры, диски с кинофильмами и журналы, мороженое и бутерброды, ножницы и расчески. Какой-то мужчина, сев на маленький табурет и вынув из футляра гармонь, заиграл. Закончив свое вагонное произведение, с пакетом прошелся по вагону, получив за свое искусство пригоршню монет. И тогда Леонидов понял, что попал в место, которое искал. А еще подумал, что все это ему что-то напоминает. Что-то очень знакомое, подобное он уже видел раньше, только не помнил, где, и было это давно. Как только гармонист перешел в тамбур, из дверей показался следующий продавец, потом еще один и еще. Они шли в строгой очередности, по какой-то договоренности, не мешая друг другу и не пересекаясь. Делали свое дело хорошо, уверенно продавая маленькие вещи, и тогда Леонидов тоже перешел в тамбур. Теперь он стоял среди коробейников, следя за ними, а они один за другим продолжали заходить в вагон...

– Что это ему напоминает? – снова подумал он. – Очень знакомое. Он точно где-то уже видел это...

– Не тормози, – неожиданно услышал он чей-то голос.

– Не понял! – удивился Леонидов.

– Ты идешь или как? – спросил паренек с дюжиной варежек и перчаток в небольшой сумке. Те торчали, ожидая, когда же их продадут. Вернее, ждали людей, которых они согреют, поэтому им было некогда.

– В первый раз что ли? – воскликнул парень, глядя на его пакет и, заметив нерешительность во взгляде: – Новичок? Давай, не бойсь! – засмеялся он. – Давай-давай, не тормози, а я за тобой.

И легко подтолкнул коленом Леонидова в открытые двери тамбура прямо в вагон. Двери за ним закрылись, и он оказался один на один с публикой...

Леонидов смутился и растерянно смотрел на них, а они на него. Держал в руках пакет с книгами, а люди ждали – что же он принес, что он им предложит? А он робко стоял, не в силах вымолвить ни слова. И только одно слово застряло в мозгах – то, которое он мысленно произнес. Но он ничего не говорил! Он молчал! С самого утра он никому ничего не сказал! Обернулся к дверям с желанием скрыться, сбежать, исчезнуть, раствориться в толпе, снова стать пассажиром, но вдруг остановился и замер.

– «ПУБЛИКА!» – осенило его. – Это самая настоящая публика! Вот откуда он это помнил, вот где видел ЭТО. Публика, которая сидит в театре, а он актер. Просто актер, кото-

рый играет роль. Тамбур – это карманы за сценой, двери – кулисы, а вагон – самый настоящий зрительный зал, посередине которого находилась сцена!

И тут все встало на свои места. Чувство, такое знакомое, но давно забытое, ощущение, когда ты снова и снова выходишь на сцену, делаешь это в сотый, в тысячный раз, а публика смотрит и ждет! Так чего же ты молчишь?

Все промелькнуло мгновенно в голове. Он обернулся и неожиданно громким, уверенным голосом заговорил:

– Книжки московского писателя, автора психологических историй, приключенческих новелл, романов-катастроф, романов-утопий. Все по сто рублей. Все по цене типографий. Вы получите истинное удовольствие от времени, проведенного с ними. Ваша дорога не покажется долгой, а день этот станет для вас добрым и принесет удачу. Эти истории не смогут оставить вас равнодушными...

Он долго что-то говорил, неся ерунду, окоlesiцу, но чувствовал себя, как дома, как на сцене. А сцена и была когда-то его родным домом. Теперь ему не нужно было вдохновения. Все те годы, которые он, затаившись, провел в скучном офисе фирмы, пытаясь забыть, зачем родился, столько лет учился, ставил спектакли, играл – это чувство невысказанности восстало в памяти и теперь толкало на новую для него сцену. Он снова был перед зрителями, он играл, импровизировал, рассказывал короткие эпизоды из книг, готов был сыграть все роли, посеять интригу, заинтересовать. Ведь за пра-

во быть услышанным нужно бороться, нужно платить. Говорят, актер (настоящий актер) во время спектакля теряет столько же энергии, сколько летчик-испытатель при полете, сколько сил теряет пловец на длинной холодной воде. Но сил этих жалко не было, потому что к финалу ты сумеешь сказать то, что должен был, что хотел сказать, поделиться, отдать. Поэтому сил этих было совсем не жалко. А в награду – просветленные глаза зрителей – значит, оно того стоило...

– Дай какой-нибудь детективчик, – пропустил он мимо ушей, продолжая трепетный монолог. – Стой, куда пошел, дай книжку-то посмотреть!

Тут он замер, сначала не понял, потом уставился на незнакомого парня. Тот сидел, отпивая из металлической банки пиво, и смотрел на него.

– Что молчишь, книжку дашь или как?

Он удивился. Остановился. Свет прожекторов не слепил глаза, а зритель почему-то с ним разговаривал, вклиниваясь в спектакль! Здесь такие правила игры! – понял он. – Здесь нет четвертой стены, нет рампы. Просто ты один на один со своим зрителем! Как все изменилось. Другие правила игры, другой жанр!

– Детектива нет, – произнес он, – вот, возьми, тебе понравится.

– Не-е-е, – протянул тот, – стольник за детектив отдал бы, а так, – и с сомнением посмотрел на книгу. – А кто такой Леонидов? – спросил он. После этих слов Леонидов не ожи-

данно для себя произнес: – А не надо никакого стольника, просто бери и читай, понравится, в следующий раз запла-тишь. Как-нибудь потом, не сейчас. Или вообще ничего не надо. Держи.

– Чо! Серьезно что ли? – удивился тот, подозрительно уставившись на Леонидова.

– Бери-бери, не стесняйся.

– Без дураков?... А можно я возьму... две, – загорелись глаза паренька.

– Бери все четыре, – сказал Леонидов.

Тот выхватил из его рук бесплатные книги, оставил пиво и, забыв сказать спасибо, уткнулся в одну из них. Леонидов шел дальше какое-то время по вагону, продолжая свой монолог, у самого тамбура обернулся и посмотрел на парня. Тот сидел и неотрывно, строка за строкой, читал его книгу, прижимая к себе остальные. Банка пива стояла в стороне, он забыл он ней и теперь сосредоточенно читал. Так Леонидов впервые в жизни увидел, как его читают. Как, не отрываясь, перелистывают страницы его книги! Это было непередаваемое чувство! Он не расскажет об этом Гале, даже Петрову не расскажет, но не забудет этого никогда!

– Ну, и что ты здесь делаешь? – услышал он голос человека рядом с собой. Тот прижал его в тамбуре к стене вагона, где больше никого не было, и дышал легким утренним перегаром.

– Ты чего делаешь на моей территории? – продолжил тот. – Нехорошо!

Леонидов с интересом его рассматривал.

– Чего молчишь, давай башляй, просто так что ли?

– Это не территория, а поезд, ты контролер что ли? – спокойно возразил Леонидов.

– Это мой поезд! – ответил человек. – И разрешения здесь спрашивают у меня?

Леонидов мигом оценил весовую категорию противника. Ему ничего не стоило пнуть того, и молодой парень растворился бы в этом вагоне, не задавая больше вопросов. Но он произнес: – Рад познакомиться с человеком, у которого есть целый поезд.

Он прекрасно знал правила так называемой торговли. А они были просты – пнешь этого, через минуту придут пятеро таких же молодых, с таким же легким перегаром.

– Не надо со мной шутить, – произнес парень, – что там у тебя?

Он вынул из пакета Леонидова книги и разочарованно произнес: – Книги? – и с жалостью на него посмотрел. – По чем толкаешь?

– По сто рублей.

– По сто, – задумался хозяин поезда. – Ладно, давай пятьсот в день, а там посмотрим.

У Леонидова не было таких денег, у него оставалось только на проезд. Парень видимо это понял. Пауза затянулась.

– Что же ты без взноса пришел на точку? Новичок? Чем будешь аренду платить?

Наконец сжалился: – Ладно, давай товаром, только в следующий раз плати аккуратно. У меня порядок должен быть.

Вынув без спроса пять книг из пакета Леонидова, переложил их в свою сумку. Потом добавил:

– У меня пять поездов.

Он дал Леонидову расписание, пометив свои поезда.

– Летаем по этому времени, не перепутай.

– Летаем? – переспросил Леонидов.

– Ну! – коротко ответил тот. – От летучих архаровцев прикрою. Платить будешь утром. – И на прощанье добавил: – Иди, работай, чего стоишь?... Книги!.. Смешно! – бормоча эти слова, он исчез.

Леонидов пересчитал оставшиеся книги и пошел по вагонам. За весь день ему так и не удалось продать ни одной книги, спрашивали почему-то одни детективы, а их он не писал. Как-то раз он слышал, что одна писательница написала и издала за один год 154 детектива. Почему-то он запомнил эту цифру и этот потрясающий факт. Получается, что писала она по одному «роману» за два дня. А у него не было ни одного детектива, и работал он месяцами. И почему он не писал детективы? Может, стоило написать один, только настоящий?

Леонидов, уставший, но довольный, возвращался домой. Непроданный «товар» лежал в сумке, кошелек был пуст. За-

то сегодня он впервые увидел, как человек открывал его книгу и читал, сегодня его приняли на работу, только платили не ему, а он сам – по 500 рублей в день. Работал он снова в театре, который назывался точкой, работал на сцене, которая находилась в летающих поездах, где сидели зрители-пассажиры, а поездов таких было пять! Головокружительная карьера – и все за один день!

28

Клейзмер шел по улицам родного города, взирая по сторонам. Он любовался им, смотрел с восторгом на людей, на птиц, на дома, покрытые снегом, разглядывал все это словно, видел впервые, пробудившись от долгой спячки. Раньше его внимание занимало нечто другое, то, что помещалось в памяти компьютера, на страницах исписанных бумаг, в формулах, в его голове, воображении. Но, теперь... Ему безумно интересны были эти люди. Он многие годы не видел их, не замечал, просто не смотрел в их сторону, заглядывая куда-то вглубь себя, и бился в пределах неумной фантазии. Он рассчитывал мир, который находился в его воображении. Доказал его, и теперь, поняв, как он прекрасен, хотел рассмотреть ближе. В его руках был футляр со скрипкой, и он, как странник, гость с далекой планеты, путешествовал по родному-чужому городу, рассматривая его, словно ребенок, радуясь каждому случайному прохожему. Он привыкал

к этим людям и городу, который не видел очень давно. А над головой было высокое небо, сияло яркое зимнее солнце, а там дальше... Он знал это, он чувствовал! Оставалось только рассказать кому-то еще. Рассказать всем! И глаза откроются. Поэтому, шел и улыбался.

На Невском, припорошенном снегом, сновала совсем не праздная толпа, люди спешили по своим делам, и только Казанский Собор спокойно застыл в самом центре и никуда не торопился. И он тоже не торопился. Достал инструмент, встав на ступенях перед Собором, и задумался. Уже хотел взять смычок и начать играть, он был готов к этому, но что-то мешало. Он не был публичным человеком, не выступал на улицах и площадях, лишь перед аудиторией. А теперь... Теперь замер, растерялся и смотрел по сторонам. Разве он сможет? Он должен! Он так хотел этого! Всю свою жизнь он готовился, а теперь стоит, переминаясь с одной замерзшей ноги на другую, и скрипка безвольно повисла в руке. И тут Клейзмер подумал, что все эти люди и ступени, на которых он стоял, и небольшая площадь что-то ему напоминают. Что-то очень и очень знакомое. Когда-то он видел нечто подобное. Где видел? Когда?

Какой-то молодой человек, с интересом остановился поодаль, ожидая. Клейзмер уставился на него, а парень на Клейзмера. Так какое-то время они разглядывали друг друга.

– Чего ты ждешь? Играй! Говори! Ведь ты хотел, ты столь-

ко к этому готовился! – снова подумал он.

– Ну, что, – сказал парень, – сыграешь или как? Давай, не тормози!

Клейзмер замер на возвышении-ступенях, смотрел на парня, на прочих зевак, которые любовались Собором (наверное, туристы), а теперь с интересом уставились на него. И тут он прозрел! Конечно! Он видел это раньше, он делал это много раз! Просто, ступени – это кафедра, люди внизу – публика, а площадь – аудитория, которая собрала всех для встречи с ним. Это лекция, которых в жизни он прочитал сотни, тысячи. Делал это в своем городе, в других странах. Только математика сейчас – это скрипка, а музыка – высшая математика, и теперь он будет преподавать ее с этих ступеней!

Он выхватил смычок, как указку.... Нет! Как оружие... Снова нет! Как волшебную палочку и трепетно прикоснулся к инструменту, а люди замерли в восторге и недоумении. Клейзмер водил смычком по струнам, и небо поднималось на немыслимую высоту, солнце светило ярче, превращаясь в огромную звезду, которая согревала город своими горячими лучами, а за ней...

Вселенная освещалась призрачным свечением. Кто сказал, что космос черен и мертв? Наши глаза так устроены – нам не дано увидеть этого! Не дано понять! Но в эту минуту самые отдаленные уголки галактики стали видны, они,

раскрывались перед глазами людей, ясной картой мироздания разворачиваясь перед ними. Темные черные пятна превращались в уютные уголки вселенной и звали, приглашали, открывая свои тайны, дарили мудрость и знания, неизвестные доселе. И на карте этой все было в истинном ясном свете. Время застыло, все замерло в ожидании. Не стало бесконечности. Мир свернулся, замкнулся, стал понятным и ясным, как сказочный домик, где уживаются человек и природа, мечта и явь. Все стало другим, незнакомым, непривычным, нереальным. И это потрясающее зрелище притягивало внимание людей.

– Эй, прекрати хулиганить, – неожиданно услышал он. Два милиционера стояли неподалеку, наблюдая за беспорядком на вверенном им участке. Они уже в третий раз повторили эту фразу, почему-то не решаясь остановить странного человека и увести его отсюда, призвать к порядку, проверить документы в конце-концов! Наверное, люди, увлеченно слушавшие его, мешали это сделать. И эти двое в форме пока не трогали бородатого, заросшего музыканта, с длинными, как у цыгана, волосами, с безумным взглядом, в нелепой шапочке и стареньком холодном пальто. Не решались, а он все играл и играл. Один из них когда-то в детстве по недомыслию и ошибке родителей ходил в музыкальную школу, пока не бросил. Целых три года ходил. Он помнил уроки, знал, что такое музыка, но эта! Эта была совсем не музыка. Тогда что? Это

был непорядок! Непорядок на его участке! И от этих звуков становилось не по себе. Непонятное волнение передавалось толпе зевак и ему тоже, а в голову лезли странные мысли. Непонятные мысли! Порой становилось страшно от такого непонимания, становилось неуютно и непривычно. Словно сейчас должно было произойти нечто ужасное или необычное, во всяком случае, непонятное! И это пугало. Пора было все остановить! Прекратить!

– Прекратить сейчас же хулиганство! – закричал он.

Клейзмер остановился и удивленно на него посмотрел, потом по сторонам и неожиданно произнес:

– Почему посторонние в аудитории! Выведите, пожалуйста, его отсюда! Он мешает работать!

– Что!?! – пошел на него блюститель порядка. Больше он не раздумывал ни о чем, зная, что нужно делать. А дело свое он знал хорошо.

Небо упало с высоты, накрыв холодный город, солнце спряталось за темную тучу, и пошел снег. Галактика потухла, скрыв черные уголки загадочной вселенной, впрочем, туда уже никто не смотрел. Она стала такой, какой была всегда, все те прошлые тысячелетия, забытая и не интересная, какой ее знали люди. Она трепетно ждала своего часа, но час этот еще не наступил.

Тем временем хулигана отвели в сторону, чтобы люди из толпы зевак не мешали, и приступили к допросу. Впрочем, все уже разошлись, и Клейзмер больше не интересовал ни-

кого.

– Тебе кто разрешил хулиганить на площади?

Хулиган молчал, и милиционер продолжил:

– Я тебя спрашиваю, ты зачем беспорядки устраиваешь на центральной улице города? Это правительственная трасса. Голова у тебя есть?

Голова была покрыта старенькой вязаной шапочкой, а оттуда во все стороны торчали черные волосы. Взгляд исподлобья, из-под шапочки, был горящий, безумный.

– Псих, что ли? – сказал первый милиционер второму.

– Накурился, – ответил второй.

– Ты будешь отвечать? – снова спросил первый. Больше всего в этом человеке поражало то, что у его ног не было ни привычной тарелки для денег, ни шляпы. Он играл просто так! Бесплатно! Но такого быть не могло! Это непорядок! Такое невозможно! А ещё удивляло, что он не боялся, не оправдывался и ничего не говорил. Он должен бояться! Для этого они и находятся здесь, а этот стоит, молчит и смотрит куда-то вдаль. И нагло улыбается!

– Чего молчишь? – снова не выдержал первый. И тут человек в черной шапочке со скрипкой в руках неожиданно произнес фразу, от которой они оторопели:

– Я не даю интервью.

– Ты еще издеваешься! – заорал первый, – в обезьянник захотел?

– Нет-нет. Я интервью не даю, – снова серьезно повто-

рил черный человек. Какое-то время они недоуменно на него смотрели, на скрипку в его руках, на бороду. Человек не был похож на преступника, на террориста или кого-то еще. Он был странный. Таких не бывает! Удивительный человек!

– Ладно, – ответил второй, – с психом связываться, время терять.

– Вали отсюда, и чтобы я тебя больше не видел, – добавил первый.

Псих, не долго думая, отвернулся и припустил по улице, а они стояли и, молча, смотрели вслед. Потом тот остановился в сотне метров, забрался на какую-то приступочку и... снова заиграл!

– Ах, ты? – зашелся первый, – ну, я тебе покажу! – и побежал к психу. Тот, завидев его, соскочил со своего места и снова помчался по улице. Останавливаясь, играл и снова бежал. Так продолжалось довольно долго. Этот чертов сумасшедший бегал быстро! Очень быстро! Иногда казалось, что за секунды он преодолевает десятки, сотни метров, и поймать его было невозможно. Наконец, он исчез между домами, где была не их территория, и эти двое отстали.

А он действительно быстро бегал. За мгновение мог перескочить через улицы и площади, перешагнуть через высокие дома, через Собор! Он летел, почувствовав в себе невероятную силу, которая звала, тащила по городу, оставалось отдаться удивительному ощущению и покинуть этот мир на-

всегда, взлететь в небеса. Но он хотел играть этим людям! Поэтому площади превращались в концертные залы, а прохожие в публику, которая слушала его. Он не желал возвращаться в одиночество. Слишком долго он находился там. Только теперь понял это, и хотел оставаться здесь.

– Да, это же Клейзмер! Посмотрите, это тот самый математик, который отказался от миллиона! – закричал кто-то в толпе.

– Миллиона... миллиона, – вторила толпа, а какой-то изголодавшийся журналист уже щелкал затвором фотоаппарата.

– Господин, Клейзмер! А зачем вы играете на скрипке?

– Почему вы не бреете бороду?

Со всех сторон начали появляться стайки собачонок, которые, почуяв запах добычи, виляя хвостами, норовили вцепиться в полу его пальто.

– А почему вы не даете интервью?

– Почему вы не получили премию?

– Почему не стрижете ногтей?

– А где зимой вы собираете грибы?

С двух сторон появились машины с милицией, люди в форме выскакивали из них, они умело рассеивали, расчленили толпу, пробираясь к нему все ближе. Делали это молча, беззлобно и привычно. Уже добрались, почти завели его в свой воронок, оставалось немного! Всего несколько шагов, и этот человек прекратит несанкционированный концерт –

этот безобразный митинг.

– Это же гениальный пиар! – вдруг закричал журналист. – Как Сальвадор Дали! Тот ездил по Парижу на козе, а над Нью-Йорком летал на самолете, разбрасывая рекламные листовки. Это ГЕНИЙ пиара, не трогайте его! Он достоин миллионов! Миллиардов!

А толпа людей, еще недавних его слушателей, теперь забыв о дурацкой музыке, повторяла эти слова: – Миллиард... Миллиард... Миллиард, – и с интересом смотрела на математика-сумасшедшего-скрипача, которого сейчас поведут в обезьянник, а оттуда он выйдет миллиардером! Теперь это было модным.

29

Несколько дней Леонидов не выходил из дома. Сразу же после того, как он нашел работу, устроил себе отпуск. Да и не на что ему было добираться туда. Денег не осталось даже на проезд. В кармане было пусто, в холодильнике жалкие остатки продуктов, а в соседней комнате уставшая от такой жизни жена. Но какое-то смутное предчувствие подсказывало, что все решится само собой. Нет, он не пойдет к издателю и не понесет ему свои рукописи, не вернется в «бизнес». Хотя всего пару лет назад, он зарабатывал за один день столько, что можно было не на метро, а на самолете слетать в другую страну, заказать в ресторане шикарный ужин, съесть его,

и, вернувшись, не заглядывать в пустой холодильник. А сейчас не было денег даже на метро или на электричку. Только вспоминал глаза паренька, который, забыв про свое пиво, читал его книгу.

– Может, плюнуть на все? – и посмотрел на гору книг, подпавших потолок, – он не будет за деньги продавать свое умение писать, не превратит это дело в фабрику, как сегодня делают многие, почти все. Вернется в бизнес... И представил себе, как на долгие-долгие годы снова ляжет на дно, не задумываясь ни о чем, будет смотреть только себе под ноги. Нет, все должно решиться само собой! Он чувствовал это.

Галя, вернувшись из магазина, принесла много продуктов.

– Заняла? – спросил он.

– Можно сказать и так, – ответила она.

Он не понял, глядя на нее выжидающе.

– У тебя заняла, Леонидов, – поройся в карманах своей одежды – это же Клондайк! У тебя миллион курток, и в каждой из них куча денег. На черный день сбережения делал?

Он действительно любил куртки – не костюмы, не галстуки, а именно куртки, которых у него было множество, а кошелеков не любил, поэтому деньги рассовывал по карманам.

– Это я только в одном шкафу посмотрела. Поищи в другом.

Он неуверенно подошел к шкафу и открыл дверцу. Сняв с

вешалки две старые куртки, начал из карманов доставать... деньги. Действительно, в те времена он не признавал мелочь и пользовался только купюрами крупного достоинства – их теперь и доставал. Тысячи и тысячи! Когда-то он из дому не выходил без двадцати-тридцати тысяч в кармане. А теперь... Галя посмотрела на него, и он прочитал ее взгляд. Взгляд в прошлое, когда они ни в чем не нуждались.

– Может, вернуться? Спокойно облокотиться на благополучие, не думать ни о чем? Сможет ли? Почему бы и нет? Только больше ничего не напишет. Но, почему? Неужели невозможно совмещать такие вещи! Это все книга! Та самая – последняя! Она не дает ему покоя, не дает жить! Нет, пока не допишет ее, все будет так, как есть. И снова вспомнил глаза паренька в вагоне.

Он взял пятьсот рублей на оплату «точки», сотню на проезд и много своих книг. Остальное отдал Гале (на какое-то время хватит), – он почему-то был уверен, что сегодня повезет. Билет в один конец. Так даже интереснее!

Быстро добрался до вокзала (места своей работы). Заметив старушку у высокой стены, зачем-то купил у нее пучок укропа, потом в кассе билет и вот уже электричка и знакомые лица коробейников. Они продолжали уверенно ходить по вагонам, продавая свой товар, упорно и привычно работая, люди зарабатывали свои нехитрые деньги. Он встал в

тамбуре, не решаясь войти в вагон. Стоял так и смотрел. Театр! Новая роль! Что мешает? Посмотрел на пакет с книгами. С каким удовольствием он прошел бы по вагону и просто подарил их людям. – Идиот! – подумал он, вспомнив взгляд Галя, пустой холодильник и жалкие остатки денег.

– Привет, – окликнул его знакомый парнишка, которому он подарил книги. Леонидов поздоровался, с волнением посмотрев на молодого человека. Это был первый его читатель. (Галя и Петров не считаются. Они были близкими людьми. Они субъективны. А этот!) Парень, уставившись на него, смотрел как-то странно... и молчал, а Леонидов не решился спросить.

– Так это, оказывается, ты написал? Писатель!

– Ну, я! – ответил Леонидов.

– Знаешь, – продолжил тот, потом поправился, – знаете.

А вы мне должны кучу денег!

– Не понял, – удивился Леонидов.

– Ты... Вы говорили, что книжка понравится? Ну, я только детективы читаю, а это...

– Что? – переспросил Леонидов.

– Короче, я прочитал вашу книжку.

– Ну?

– Что, ну? Читал долго. Книжка длинная. Проехал свою остановку, въехал в чужую зону, добрался до конечной. Сидел как дурак и читал. Потом вошли контролеры и развели меня на тысячу рублей! Вот так!

– Ну, извини, – засмеялся Леонидов.

– Понимаешь, – в запале продолжил тот, – я читаю только детективы, фэнтези, короче, попсу всякую, а тут... Я никогда раньше не проезжал своей остановки.

– Хочешь, чтобы я отдал тебе эту тысячу? – спросил Леонидов.

– Дело не в этом, я хотел спросить... А нет еще таких же книг? Ну,... те я уже прочитал. Нет чего-нибудь ещё? Я бы заплатил. Только не сейчас – с полочки отдам обязательно.

Леонидов с удивлением посмотрел на парня. Тот не шутил, говорил серьезно. Он не думал, что так можно выражать свое признание.

– Пишу одну, – ответил он. – Скоро закончу, дам почитать, других пока нет.

– Жалко, – ответил парень, – да ты не заморачивайся про штраф – это я так, в шутку. Классно! Чтобы отшибало мозги – такое бывает только с девчонкой или за бутылкой, а тут... Совсем по-другому. Короче, пиши, писатель. Будет готово, дашь почитать, договорились?

– А ты пока деньги на следующий штраф готовь, – засмеялся Леонидов.

Парень ушел, а он стоял в тамбуре, смотрел в окно и думал. Яркий лучик солнца ворвался в эту крошечную железную клетку, осветив его задумчивое лицо, пакет с книгами и людей, которые с мешками и рюкзаками проходили мимо. Этому солнцу со своей высоты было интересно смотреть

на человека, который вел себя по-другому, иначе, нежели остальные, прочие в этом вагоне, в поезде, в этом городе, в жизни этой. А Леонидов все стоял и смотрел в окно. Мимо пролетали деревья, дорожные столбы, полустанки, люди, стоящие на платформах, городки и поселки, и только солнце было постоянно, оно висело на призрачной высоте и никуда не исчезало, светило и согревало, а время тоже замерло и не торопилось.

– Летаем, – подумал Леонидов, глядя в окно. – Вот почему – «Летаем»! Иначе и не назовешь.

– Ты куда пропал? – очнулся он, услышав знакомый голос. Рядом стоял хозяин поезда... пяти поездов, и дышал легким утренним перегаром.

– А, это ты? – с сожалением оторвался он от своих мыслей. Потом полез в карман за деньгами – платой за «точку».

– Прогуливаешь? – спросил тот и засмеялся. – Я тебя несколько дней искал, думал, что соскочил с моих поездов.

– Держи, – Леонидов вынул пятьсот рублей, протянув ему, – как договаривались.

– Не совсем так, – ответил человек, глядя на деньги, – условия изменились.

– Но, у меня больше нет, мы договорились, какого черта? – возмутился Леонидов.

– Ты меня не понял, – сказал тот, тоже достав из кармана пятьсот рублей, которые протянул Леонидову.

– Не понял?

– Почему не сказал, что книги твои? – строго спросил хозяин поездов.

– А что говорить? – ответил он.

– Короче, возвращаю деньги, – сказал это и добавил: – Будешь работать бесплатно, считай, что ты мой гость.

– Да? Ну, спасибо, – удивившись, протянул Леонидов, – а зачем деньгами? Вернул бы книги и все.

– Книги не верну, – ответил парень, – книги я взял себе. Купил у тебя. Четыре штуки, а пятую продал. Так что, держи, – и сунул деньги. Леонидов стоял ошарашенный. Он не знал, что сказать. А хозяин поездов, (пяти поездов!), достав из сумки одну из его книг, произнес: – Оставь мне это..., типа..., ну, как это называется, – и протянул ручку.

– Автограф? – подсказал Леонидов.

– Ну, типа того.

Леонидов покраснел, черкнул на титульной странице и вернул книгу назад.

– А больше почитать нечего? – спросил тот.

– Пока нет. Пишу, – ответил Леонидов.

– Ну, допишешь, дай почитать, – сказал тот, пожав на прощанье руку, собираясь уйти. – Расписание не потеряй, летаем строго по этому времени. Давай, писатель! Бывай! Пиши! Рад был познакомиться.

И он исчез в глубине вагона. А Леонидов долго стоял, рассматривая купюру, которая сверкала в свете яркого солнца. Когда-то он зарабатывал пачки таких денег, а тут стоял, и не

мог оторвать взгляда от этой бумажки.

– Таких денег? – подумал он, – нет, таких он не зарабатывал никогда. За его книги это был первый гонорар.

30

Клейзмер снова отправился на встречу со своим городом. Он шел к его улицам и площадям, гранитной набережной замерзшей Невы к людям, живущим там. Вчера ему не составило труда унести ноги от целой армии блюстителей порядка. Ему это ничего не стоило. Он был способен на многое, на все! Вот только не знал, с какой стороны подступиться, подойти к тем людям, чтобы ему не мешали. Он «завелся» (как иногда говорят), и теперь путь у него был один – из надоевшей квартиры в город. Он шел по его улицам, легко, с удовольствием преодолевая километры пути, озираясь по сторонам. А в руках нес старенький музыкальный инструмент, скрипку, которой вчера так и не дали доиграть, и теперь он шел, оглядываясь и улыбаясь...

В незнакомом дворике увидел толпу ребятни, играющей в войну. Они построили из снега две высокие горки и, прячась за ними, расстреливали друг друга твердыми снежками. Клейзмер постоял, посмотрел на них, вынул инструмент и заиграл. Дети сначала не поняли, потом прислушались и замерли, остановив веселую игру – эту бессмысленную войну. Они смотрели на него и слушали, внимая удивительным

звукам. А высокий человек с черной развевающейся бородой на холодном ветру, все продолжал играть, выводя ноты, словно таинственные символы на снегу. Он чертил в морозном воздухе неизвестные формулы, которые не требовали доказательств. Просто играл, а музыка уже заполняла весь темный двор-колодец, зажатый серыми бетонными стенами. Пространство становилось больше, музыка громче, дома раздвигались, и уже огромная площадь была под ногами, а посреди нее стояла толпа детворы и заморожено слушала музыку без мелодии, без нот, и только звуки будили в маленьких детских сердцах что-то неведомое ранее...

Вдруг смычок выпал из его руки и, словно острый кинжал, вонзился в высокий сугроб, а человек схватился за лицо, залепленное мокрым снегом. Он не успел отряхнуться, а в него уже летели десятки, сотни снежков, они больно колотили по голове, по всему телу, попадали в скрипку, которую тот пытался удержать, но, все было тщетно. Ребятня с диким восторгом продолжала свою войну. Появился удивительный противник, высокий, бородатый, с длинными волосами – прекрасная мишень! Его не защищала никакая стена, и они смело шли в атаку.

– Ни фиги себе! – воскликнул парнишка, который и начал эту войну. И теперь все эти маленькие люди смотрели наверх. А на крыше одного из домов стоял черный бородатый человек, продолжая играть на скрипке.

– Давай! Стреляй в него! – опомнился мальчик, – наверх,

на крышу!

Детвора забежала в подъезд, а снизу остались самые меткие стрелки, продолжая вести прицельный огонь.

– Бей его! Выше! Еще выше! – корректировал расстрел парнишка. Тут один белый тяжелый снаряд попал в окошко, и звон разбитого стекла возвестил о конце игры. Дети разбежались кто куда, и только этот человек остался один там, наверху, растерянно глядя вниз. Потом и он исчез.

Репортаж с места событий:

Мы ведем прямой репортаж с Центральной площади города. Какой-то человек, забравшись на крышу Эрмитажа, стоит там и играет на скрипке. Как он смог туда попасть, остается загадкой. Здание музея прекрасно охраняется, и попасть туда, минуя сотрудников милиции, невозможно. Тем более, что все люки, ведущие на крышу, закрыты. На площади собираются толпы людей. Они смотрят на этого странного человека, ничего не понимая. И мы тоже пока не имеем какой-либо дополнительной информации... Так. Давайте увеличим картинку... Сейчас мы видим, что это высокий человек в черном пальто, у него длинные волосы и борода. Он старательно выводит какие-то ноты смычком. Эта музыка... Впрочем, сейчас не важно, что это за музыка, поражает сам факт его пребывания там. А еще удивляет поразительное сходство со всем известным ученым, математиком, ко-

торый не так давно отказался от своего миллиона. Взгляните на него. Мы даем картинку его фотографии – одно лицо! Мы ничего не хотим сказать, но это сходство может заметить каждый. Впрочем, повторяю, пока мы ничего не хотим сказать. Хотя известны некоторые чудачества этого человека. Он не взял огромные деньги – премию, присужденную ему, он любит не только математику, но и музыку. Собирает грибы и носит длинные волосы. Он никогда не бреется. Впрочем, пока мы не готовы что-либо добавить к этому комментарию, но сходство поразительное. А на площадь продолжают стекаться люди. Уже сотни, может быть, даже тысячи...

Из милицейского протокола:

По нашему заданию на квартиру Г. Клейзмера был отправлен наряд для выявления его личности и местонахождения. В дверь долго звонили. Открыл заспанный человек, похожий на математика Клейзмера. Впрочем, скорее всего, это и был Клейзмер – кому же еще находиться в квартире Клейзмера с внешностью Клейзмера, как не самому Клейзмеру? Человек, похожий на Клейзмера, на вопрос – вы ли Клейзмер, ответил странной фразой и попытался закрыть дверь, но в результате следственных действий дверь осталась открытой, и допрос был продолжен. На все требования, а именно:

1. Предъявите документы.
2. Что вы сейчас делаете на крыше Эрмитажа?

3. Зачем вы там играете на скрипке?

4. Почему вы находитесь дома, когда в данный момент вы должны находиться на крыше Эрмитажа?

– и так далее, подозреваемый Клейзмер отвечал одной и той же непонятной фразой: – «Я не даю интервью».

Добиться от него других показаний было невозможно, из чего следует вывод, что Клейзмер на крыше Эрмитажа не Клейзмер, а совсем другой хулиган. На просьбу подписать протокол он ответил уклончиво, сказав, что не дает автографы, тем самым отказался от помощи следствию. Отсюда делаем вывод, что это и был настоящий Клейзмер, а на крыше Эрмитажа Клейзмер, но совсем другой.

Репортаж с места событий:

Мы продолжаем вести наш репортаж о человеке на крыше Эрмитажа. Вот, с двух сторон начали появляться бойцы спецподразделения по борьбе с хулиганами на крышах. Это элитный батальон, и сейчас мы увидим, как эти ребята будут работать. Зрителям нашего канала представляется уникальная возможность наблюдать за ними в прямом эфире. Мы видим, как они, оставаясь почти невидимыми, подходят к человеку, похожему на Клейзмера. Ближе. Еще ближе... По-видимому, они решили взять его с поличным в тот момент, когда он продолжает играть, чтобы в буквальном смысле поймать Клейзмера за руку... Так, секунду... Мне только

что сообщили наши сотрудники, имеющие прямой выход на милицию, что Клейзмер на крыше,... так,... не очень хорошо слышно... Клейзмер на крыше – это другой Клейзмер?... Другой Клейзмер!.. Да-да, я все поняла, Клейзмер, но другой. Стоп! А мы ничего и не говорили. Мы только предполагали, ссылаясь на внешнее сходство. Бойцы элитного отряда уже подходят вплотную, уже окружают его! Сейчас... Это невероятно... Клейзмер... Простите, человек, похожий на него, исчезает на наших глазах. Мы с вами видели это в прямом эфире! Это потрясающе – был человек, математик..., простите, скрипач, и больше его нет... А посмотрите направо! На колокольне Казанского Собора возник точно такой же человек! С такой же бородой и скрипкой! Он тоже играет! Это удивительно!

Настоятель Собора, услышав странные звуки наверху, кинулся на крышу. Это было удивительно и непонятно. Но он ясно слышал, что кто-то играл на скрипке. Он спешно для своих немолодых лет взобрался по лестнице и увидел возмутительное зрелище. Прямо на колокольне, в святая святых его Собора, стоял заросший бородатый человек и бесстыже играл на скрипке.

– А ну-ка, кыш отсюда, нечистая сила. А ну-ка, вон, безобразник. Надо же, место нашел. Изыди! Вон!

Он оттер взмокший лоб и округлившимися глазами посмотрел на пустое место и на крест в своих руках. – Вот что

делает Крест! – перекрестился он. – Вот что делает истинная Вера!

Дьявольское наваждение исчезло с глаз его, и слышались только крики людей внизу на площади...

Из милицейского протокола:

Операция по пресечению действий опасного хулигана на крыше под названием «Клейзмер» зашла в тупик. Преступник теперь свободно разгуливает по крышам города. Стоит бойцам отряда подняться, чтобы обезвредить его, он исчезает и тут же появляется на соседней крыше. Так продолжается уже несколько часов. Было принято решение по преступнику открыть огонь резиновыми пулями, бойцам выданы винтовки для ведения прицельного огня. Операция продолжается. Операция носит такое название, поскольку получила его до момента опознания настоящего Клейзмера, поэтому менять его уже не будем, чтобы не возникло путаницы.

Репортаж с места событий:

Наши камеры установлены по всему городу. Человек, хулиганящий на крышах, продолжает вводить в заблуждение отряд бойцов спецотряда. Они получили винтовки, и теперь снайперы замерли в ожидании приказа. Толпы людей на улицах, невзирая на опасность попасть под шальную пулю, про-

должают стоять внизу. Мы готовы к продолжению репортажа, мы ждем приказа... Кажется, он получен! Бойцы стреляют!.. Это настоящее чудо! Как только прозвучали первые выстрелы, человек начал размножаться на наших глазах, создавая свои точные копии. Теперь десятки, сотни людей со скрипками в руках занимают все крыши поблизости. Это галлюцинация! Все они играют одну и ту же мелодию, но теперь это уже целый оркестр! Это голограмма, мираж! Скрипок много! Очень много. Все они объединяются в согласованный хор, но играют разные партии. Это одна музыка. Какая?... Не важно какая, но играют ее тысячи скрипок – каждая на свой лад, все вместе, в унисон. Теперь у нас сотни скрипачей! Тысячи! Город дрожит от скрипичного оркестра.

Из милицейского протокола:

Операция «Клейзмер» снова зашла в тупик. Был отдан приказ стрелять по Клейзмеру, но Клейзмеров стало много. На каждой крыше по Клейзмеру. Выявляем главного Клейзмера – зачинщика. Название операции не меняем, чтобы не задеть кого-то еще. Принимаем решение – по какому из них вести огонь... Огонь вести сразу по всем Клейзмерам. Приказ отдан.

Репортаж с места событий:

Теперь город похож на место боевых действий. Наши камеры расположены на всех центральных улицах города, везде, на всех домах стоит один и тот же человек и играет разные темы, но, если прислушаться, мелодия одна. А в руках сотен бойцов ружья с оптическими прицелами, и они ведут прицельный огонь. Ни один преступник пока не пострадал. Резиновые пули, словно пролетают сквозь эти фигуры, не причиняя им вреда, а музыканты-хулиганы спокойно стоят и играют на скрипках... Но, что это? Галлюцинация! Такое не укладывается в голове!

Из наблюдений психолога по чрезвычайным ситуациям:

Город был подвергнут психотропной атаке, вызывающей видения галлюциногенного характера. Дома, казалось, не стояли на месте, они плавали в воздухе, становясь то меньше в размерах, то больше. Некоторые из них поднимались плавно на высоту и оттуда, словно летающие шары, возвращались на свои места. Люди тоже начали парить над землей. Они свободно перемещались под звуки музыки и парили, создавая причудливые фигуры летящей толпы, словно были в невесомости. Мною замечен интересный факт. В наиболее шумных местах города – на вокзалах, на площадях с высоким уровнем городского шума, с большой плотностью автомобильного потока, там, где дома были высокими, музыка слышалась меньше. В таких районах почти не было ано-

мальных явлений. Из чего делаю вывод и рекомендации – единственный способ избавиться от воздействия неизвестного оружия – необходимость его заглушить.

Репортаж с места событий:

Мы снова на центральной площади! Сюда стягивается спецтехника и, по-видимому, сейчас будет какое-то новое решение у работников правопорядка. У людей уже кружится голова, возникают непонятные видения. Мы можем наблюдать, что в небе тоже происходят необъяснимые аномалии. Специалисты говорят, что мы подверглись мощному воздействию психотропного оружия, которое вызывает галлюцинации. Ничего страшного! Ждем реакции наших военных...

Сирена! Мы ничего не слышим! Люди на крышах продолжают водить смычками, но теперь мы можем различать только мощные звуки сирены, которые исходят из динамиков, установленных на машинах военных! Эта сирена как прекрасная музыка! Она заглушает звуки скрипок, и дома начинают возвращаться на свои места, а люди на землю. В небе снова повисла сплошная черная туча, и теперь ничто не смущает умы горожан. Люди с удивлением, оторопев от пережитого, стоят и смотрят, слушая эту музыку. Эта сирена как избавление! Никто не думает закрывать уши. Просто слушают пронзительный звук и приходят в себя, в привычное состояние. Теперь будет долгое расследование хулиган-

ства. Виновник должен быть найден и наказан! Смущать умы людей целого города!.. Что это?

Черная туча, зависшая над городом, внезапно разверзлась. Люди, до сих пор играющие на дьявольских инструментах, исчезли, а в огромном проеме над центральной площадью города, в небе над самым ее сердцем, сначала возникло бородатое лицо, а затем рука с гигантским смычком. Огромная рука расширила этот черный проем, прикоснувшись смычком к скрипке, и заиграла. Мокрая борода тряслась, длинные черные волосы развевались на ветру, и мощные звуки, срываясь с высоты, сотрясали город. Мощные звуки сирены были писком комара рядом с этим небесным монстром. Скрипка продолжала играть, и ничто уже не могло ее заглушить. Музыка, которая так долго срывалась со струн, изгонялась, расстреливалась и умирала в мощном реве гудков из динамиков, наконец, доиграла мелодию до конца... И тишина... Мертвая тишина. Только чудовищный образ черного человека в зияющем небесном окне, а еще выше пронзительный яркий луч солнечного света. Или не солнечного вовсе – никто так и не понял. Затем крошечный мрак и туча, наносимая ветром, схоронила это видение в плотных туманных слоях атмосферы. Человек со скрипкой исчез. Хорошо бы навсегда.

Вчера он снова не продал ни одной книги, только бесцельно шатался по вагонам, вспоминая утренний разговор с двумя молодыми ребятами, любовался совсем не зимним солнцем сквозь широкие окна электрички, рассматривал людей в поездах. Он почему-то не торопился. У него была куча денег! Ему заплатили за пять книг целых пятьсот рублей, и теперь он мог приезжать на вокзал и просто бродить по вагонам. Он был «гость» в этих поездах. Почему?...

С такими мыслями, выйдя утром из своего дома, медленно побрел по улицам. Потом метро, снова калека-некалека, энергично расталкивающий людей крепкими руками, делающий деньги на милосердии. Он ничего не продавал – просто собирал деньги и клал их в карман. Он не создал ничего, не написал, не вырастил пучка укропа, не связал варежки! Ты два года жизни посвятил себя этому делу, работал, выворачивая себя наизнанку, ты говорил, едва успевая записывать слова, мысли, трудился, не покладая рук. И теперь заслужил внимания к своим книгам и самому себе! Так сделай ЭТО! Что же, снова сегодня будешь бесцельно ходить по вагонам? Снова бессмысленно тратить время? – так он ехал, сосредоточенно размышляя.

– Нет! Он будет их продавать! Продавать по-настоящему! Он станет настоящим коробейником и научится это делать

хорошо! И ни одной книги даром – все по 100 рублей и не центом меньше.

С такими намерениями вошел в знакомый вагон. Проскочил на вокзале мимо старушки с укропом, забыв купить пучок. Стоял в тамбуре и готовился к выходу, как к прыжку на большую глубину. Просто нужно набрать больше воздуха, задержать дыхание, а потом, уже не думая ни о чем, сделать этот шаг. И головой вниз! Поезд двинулся с места.

– Известный московский прозаик! Автор бестселлеров! Новинки книг! Новинки литературы! Только сегодня – все по сто рублей! Осталось несколько экземпляров, впереди еще много вагонов, последним уже не достанется. Четыре новинки знаменитого автора! Четыре потрясающие истории, четыре последние работы! Книги – бестселлеры! Книги – новинки! Книги – «Экшен»..., – неожиданно для себя обронил он это слово! Оно нечаянно сорвалось из его уст! Он не собирался его говорить!

И тут случилось невероятное. Люди вставали со своих зрительских мест, держа в руках не театральные программки, а деньги. Самые настоящие деньги! Стоило одному-другому купить его книги, создать маленькую очередь – сразу же начался ажиотаж. Они протягивали деньги, выхватывали из рук книги без разбору, не глядя, не читая названий. Это было чудом!

– Попрошу без сдачи, – ворчал Леонидов, скрывая сму-

щение, не ожидая такого эффекта, доставая из сумки свои шедевры. – Не суетитесь, спокойно, хватит не всем! – входил он во вкус. А люди продолжали покупать книги, повторяя волшебное слово – «ЭКШЕН», «ЭКШЕН», и радовались такому приобретению.

Поезд уверенно набирал обороты, колеса безжалостно стучали по металлической колее, приколачивая раскаленные рельсы к замерзшим шпалам. Искры золотистыми брызгами разлетались во все стороны. Искры горячими каплями падали на белоснежный снег, который таял от неожиданного огнестрелья, а колеса все стучали и стучали. Рельсы стонали на поворотах, но уверенно удерживали состав, который продолжал с немыслимой скоростью нестись в непроглядную даль. В даль, покрытую белыми снегами, тальми, горячими кляксами расплавленных капель-искр, и только холодный ветер в лобовое стекло...

Так продолжалось какое-то время. Молодой коробейник, который несколько дней назад втолкнул его коленом в этот бизнес, вошел в вагон. Он не дождался своей очереди и теперь стоял у дверей тамбура, ошарашено глядя, терпеливо ожидая, переминаясь с ноги на ногу. Такого он еще не видел.

– Мохеровые варежки на любой вкус! На любой размер, любого цвета! – неожиданно воскликнул Леонидов, толкая парня перед собой коленом, предлагая его товар. – Все по... Почему твое добро? – спросил он.

– По стельнику, – недоуменно ответил парень.

– Осталось всего двадцать книг! Каждому, купившему пару варежек, по одной книге в руки. Книги только в руки, которые в варежках! Варежки плюс книга – цена 200 рублей! Последние экземпляры! Последние книги! «ЭКШЕН», мохеровый «ЭКШЕН»!

За пару минут они продали весь товар, и уже не с чем было идти по вагонам. Пора было возвращаться за новой партией! И так снова и снова. Целые горы, небоскребы книг таляли на глазах, а карманы уже пухли от «стольников». Парень с варежками притащил целый воз своего пушистого товара, и весь день они носились по вагонам, перелетали с одного поезда на другой и продавали, продавали, продавали, собирая свои честные законные деньги. Уже в третий, в четвертый раз он возвращался домой, прихватывая коробки книг, грузил их в машину, которую нанял по дороге, и снова на вокзал, снова в театр! В бой! «ЭКШЕН!» «ЭКШЕН!»

– Новинки книг, бестселлеры, самое популярное чтиво месяца! Чтиво недели! «ЭКШЕН!»

– Он сделал это! – вспомнил Леонидов слова Ангела. – У него все получилось! Сегодня он продал несколько сотен книг! Сначала долго писал их, потом мучился, бился, искал выход, лазейку в этот странный бизнес и, наконец, нашел!

А теперь уставший, стоял в тамбуре и смотрел в окно. Парень с варежками, не выдержав, соскочил по дороге. Он давно распродал свой товар и уже был где-то далеко-далеко,

наверное, на Мальдивах или на Майорке, может, на Канарских островах. Сейчас это было не важно. Главное, что он отблагодарил, помог наладить его вагонный мохеровый бизнес. Помог, а теперь стоял и смотрел куда-то вдаль, а ледяной ветер сквозь разбитое окошко дул ему прямо в лицо... Поражало одно – не было радости. Не было ощущения победы, успеха. Только дьявольская усталость, словно целый день грузил эти вагоны или разгружал.

– Поэтому не было радости, – понял он.

И потому этот летящий поезд не казался в дивном полете – он тащился по колее, тоже устало стуча металлическими колесами.

Радость от успеха, от победы! Какая неуловимая это вещь! Казалось, за год они с Галей перепробовали все возможные способы. Как они хотели научиться продавать книги! Не чужие – свои. И ничего не получалось. А тут... И стоит этот несчастный, уставший коробейник, грузчик, и совсем не радуется.

– Что же ты не радуешься? Какого черта?

И тут он вспомнил летящего под куполом парашютиста-грузчика, который даже на невероятной высоте был привязан к своим книгам, и, как балласт, летел в обнимку с ними камнем вниз. Он даже не мог почувствовать ощущения высоты и полета, только деньги в карманах и воз товара под ним. А разве сам он пятнадцать лет делал не то же самое? И

таким же уставшим камнем по вечерам возвращался домой, падая в кровать с полным карманом денег и страшной усталостью от чувства выполненного долга. Какого долга? Перед кем? Зачем?

Леонидов продолжал тупо смотреть в окно. А за окном все пролетало мимо. Полустанки и люди, городки, другие поезда, и только он стоял в тамбуре, как пригвожденный к месту. Словно якорь, сброшенный с палубы корабля, который никогда уже не выйдет из гавани в открытое море.

Сошел с ума? Чего еще нужно? Это же твои книги! Твое дело! Все получилось!

И тут странная мысль закралась в голову, не давая покоя:
– Он не мог брать денег у тех людей, а теперь не мог на них смотреть. На жалкие сотни, которые с трудом помещались в карманах. А карманы уже тошнило от них.

– Но, как же та старушка с пучком укропа у вокзала – она сама вырастила его, сама продавала, почему же он не может так? Чем он хуже ее? Чем ее трава лучше его книг?

Уставшие извилины с трудом ворошили эти мысли, замерзшие мозги едва переваривали случившееся.

– Старушка относилась к укропу как к товару и спокойно брала свои гроши. В этом все дело. Для него еще вчера книги значили большее, чем эти 100 рублей. Они стоили намного дороже, дело здесь совсем не в гордости. И тут он сделал неожиданное открытие:

– Продавать свои книги то же, что делать операцию люби-

мой женщине или торговать талантами своего ребенка, хотя...

И вспомнил отца Моцарта, который с малолетства эксплуатировал уникальный дар сына.

– Черт с ним, с этим папашей Моцарта. А как же те первые деньги, которые он получил от «хозяина» поездов? Как он радовался тогда! В этом все дело! Когда их продает кто-то другой, не так болезненно, даже радуется, но самому собирать ничтожные гроши, отдавая за них книги – это ужасно. Каждый должен делать свое дело. Книга – не пучок укропа, выращенный в парнике, пусть даже своими руками. Кусочек души – равный ста рублям. Если хочешь говорить, не торгуй словом, не бери алтынный за мысль рожденную, вымученную, которая стоила несравненно дороже. Она не разменная монета и до тех пор не имеет цены, пока за нее не заплатили, и тогда все стирается корыстным ластиком, утрачивая смысл.

Он не знал, что ему думать! Он стоял, тупо глядя в окно. Он потерял что-то главное, дорогое! Не было удивительного ощущения экстаза от написанного. Еще вчера эти книги были чем-то нереальным, священным. Этот дар был дан ему свыше, он не имел цены! И теперь уставший, голодный, пустой, с полными карманами денег, он стоял у разбитого окна и бормотал себе что-то под нос. А пар валит изо рта.

– И роль твоя бессмысленна! Когда говоришь, творишь, лицедействуешь, а в голове ничтожный калькулятор тем вре-

менем подсчитывает гонорар за каждый выход на сцену. И сцена эта уже не место для священнодействия, а лишь для торговли. Каждая фраза – копейка, каждый акт – алтын, каждый спектакль – тринадцать серебряников, за которые ты предал самого себя! Каждая книга – бессмысленные месяцы, которые провел наедине с собой и пустым кошельком. Пустой душой, которая ждет гонорара. Гонорар за откровение, премия за полет души, чек за несостоявшийся гений! Фабрика чувств мелочного таланта, обглоданный суррогат твоей души. Нетленной души, которая была разменяна за алтын! Так вот почему Клейзмер не взял проклятый миллион!

В этот миг перед ним разверзлась бесконечная пропасть. Она притягивала пустотой и мраком, и голова начинала кружиться. А он заглядывал в нее, стоял на самом краю, чувствуя, понимая, ощущая каждой замерзшей клеткой нечто ужасное, абсурдное, непостижимое, неведомое ранее.

– Если он будет делать только то, что ХОЧЕТ, что ДОЛЖЕН делать, стоя перед Богом, они погибнут от голода. Если не будет делать ЭТОГО – сойдет с ума! Так устроена жизнь, устроен мир! Просто он прикоснулся к чему-то запретному, незнакомому, неведомому ранее. Раньше он мог об этом только догадываться, но даже представить не мог, насколько это ужасно.

– Но, был ли ты счастлив, когда писал?

– Да!

– Тогда, что же делать?

32

Последний концерт этот удивительный человек со скрипкой играл на сцене. На настоящей сцене, где за его спиной в ярком свете прожекторов мерцал орган, а в зрительном зале сидели люди, тысячи людей, зал был забит битком. А он все играл, отдавая им волшебные звуки инструмента. Он нашел свою сцену и зрителя. Только... Никого в этом зале не было, горело лишь несколько лампочек дежурного освещения. Было поздно, была ночь. Этот большой зал еще вечером проводив последнего зрителя, теперь сонно дожидался следующего дня. И тут явился этот странный бородатый человек и теперь, как сумасшедший, терзал свою скрипку. Музыка разрывала на части пустоту зала, металась, отражаясь от стен, кресел, высокого потолка. Она звучала и настаивала, кого-то искала, зал становился больше, мог уже вместить в себя тысячи... миллиарды людей, которые, внимая удивительным звукам, в ее отражении узнавали себя, свои жизни и судьбы, заглядывая в самые потаенные уголки души. И там рождалась, выворачиваясь наизнанку, совсем другая, неизвестная раньше мелодия, та самая, которую ты мечтал услышать всю свою жизнь. Ждал ее долгими бессонными ночами, в предчувствии трепеща всем своим существом. И теперь она, ослепляя, помогала широко распахнуть глаза, да-

вала то удивительное зрение, которым теперь ты мог увидеть намного больше. Увидеть все! Все и наяву! И это не был сон, ни болезненный, воспаленный образ твоей фантазии, а реальный символ, знание, желание изголодавшейся души. Музыка души...

– Ну что, студентик? Что уж так заходишься? Поздно уже. Пора спать... Спать...

В зал вошел подслеповатый сторож. Он давно заснул, но, заслышав наверху непонятный шум, поднялся, теперь стоял и жалел студента, который, наверное, мечтал вырасти и играть на этой сцене.

– Ну-ну, угомонись, все получится.

Говорил он медленно, слова его были словно колыбельная или сказка на ночь. Оставалось только закрыть глаза.

– Вырастешь, станешь большим и придешь сюда. Все будет хорошо, – успокаивал он человека со скрипкой.

– Будут у тебя зрители, будешь подниматься на сцену, играть, а тебе будут аплодировать, дарить цветы, – сонно бубнил старик.

– Станешь знаменитым, богатым, будешь ездить на гастроли, путешествовать, люди будут брать у тебя автографы, интервью, показывать по телевизору. Будет... все будет... А сейчас пора спать. Давай, студентик, завтра на учебу, на занятия. Будешь учиться – все получится. Завтра. Все завтра. Спать, пора спать...

Его голос мягко звучал в полутемном зале, успокаивая, обещая, что все получится, все будет... но, только не сегодня. Завтра... завтра... И теперь этот большой зрительный зал превратился в удивительное место далеко на другой планете, а может быть, где-то еще. Там не было усталого старика, не было прожекторов и кресел, зрительного зала, только склон высокой горы и темные, почти черные деревья в округе. Ветер трепал его всклокоченные волосы, а далекий горизонт не собирался озаряться ярким предутренним светом. Человек со скрипкой все играл и играл, и помешать в этом одиноком мире он уже никому не мог. А деревья и высокие кусты в такт его звукам преклоняли кроны и ветви к земле, покачиваясь в мертвенном свете, слушая волшебную музыку. Просто была ночь, черная ночь, и только звезды сияли на недосыгаемой высоте.

33

Леонидов снова мчался в свой «театр». Он торопился, словно боялся опоздать к началу спектакля, где должен был играть главную роль. Играть премьеру! Не глядя, перебежал через улицы и переходы, преодолевая нескончаемые ветки метро, наконец, выскочил наружу и пулей пересек привокзальную площадь. Сегодня был его день! Он снова будет играть на сцене. Сегодня он сел в первый попавшийся по-

езд – где его не знали, не читали, не покупали его книг. А значит, все будет с чистого листа!

Люди, такие же, как и в тех электричках, занимали места в партере, на галерке, а в тамбуре, за кулисами, сновали коробейники, готовясь исполнять роли. И он тоже готовился. Поезд двинулся с места.

Эти актеры в тамбуре, отложив в сторону реквизит, глядели на него, словно понимая, что роль его главная, а потому пропускали вперед. С его товаром! С его книгами! С новой его новой ролью! Леонидов смело откинул в сторону занавес-дверь и вышел на сцену:

– Сегодня проходит необычная встреча с книгами нового, неизвестного вам автора, – уверенно начал он. – Неизвестного писателя, четыре романа которого были изданы за последние два года, и, если вы пожелаете, можете взять их себе...

– Взять?

– Ни копейки с вас никто не попросит, берите, читайте. Если понравится – оставьте на память, если нет, безжалостно выбросьте в мусорную корзину. Это ваше право! Сегодня эти книги для вас!

Поезд уверенно набирал скорость. Поезд едва касался колесами накатанной колеи. Он больше не сеял раскаленными огненными искрами по снегу, был невесомым, продолжая неумолимый безудержный бег.

– Книги-новинки, психологические романы, истории от-

кровений, книги для души. Для вашей души!

А за окнами все продолжало мелькать в безумном невыносимом порыве: сменялись остановки, их не стало вовсе, сменялись города, городки, небольшие деревушки. Небо поднялось выше, солнце светило ярче, и снова лето, снова поля нескошенной пшеницы, бесконечные зеленые луга и речушки без переправ! Поезд мчался через них какими-то неизвестными путями-тропами, а дорога вела по прямой и только вперед!

– Эти истории отвлекут вас от долгой дороги и спячки, дадут немного времени, чтобы вы могли побыть наедине с самим собой и удивительными героями. Иногда стоит забыть о том, что у тебя за пазухой и вспомнить – рядом находится сердце, которое бьется, услышать волшебный звук, и тогда ты почувствуешь что-то еще. Книги откровения – книги для вашего сердца...

Только вперед! Вперед и вверх! Вот удивительное ощущение полета! Вот почему – «летаем»! Леонидов обошел все вагоны поезда, раздав почти весь свой багаж, и теперь возвращался, разглядывая пассажиров. В руках многих были его книги. Они листали их, ощущая аромат типографской краски, переворачивали страницы и... читали. Люди не обращали на него внимания, только на книги! Весь поезд, все эти люди, устремившиеся неизвестно куда, сейчас читали его. Они позабыли об остановках, которых не стало вовсе. Только летающий поезд, по сторонам облака и яркое-яркое

солнце, и еще лица этих людей, их глаза...

Под вагонами больше не было рельсов, не было надоевшей металлической колеи, которая неминуемо доставит тебя в нужное место по определенному расписанию. Теперь лишь стремительный полет, головокружительная высота, зеленые холмы и леса где-то далеко внизу...

Он не сразу понял, что произошло. Но почувствовал, что поезд, продолжая лететь, начал стремительно менять траекторию. Она превращалась в небесную горку, и теперь состав то взмывал на высоту, то стремительно падал вниз.

Но так он разобьется! Ведь под ним больше нет рельсов! Нет мощной опоры, за которую можно ухватиться, держаться, не упасть!

А какой-то человек в немыслимой одежде то ли сказочно-го зверушки, то ли персонажа из мультфильма, появился из тамбура и заорал на весь вагон:

– Книги-новинки, книги-блокбастеры, книги-ЭКШЕН!

Леонидов в ужасе услышал это слово.

– Акция! Только сегодня! Только для вас, господа! Как заработать миллион! Как заработать миллиард! Все по триста рублей! Бабло! Настоящее Бабло всего по тысяче! Вы не хотите заработать миллион? А миллиард?

Его смешная рожица корчилась немыслимыми гримасами, а люди, оторвавшись от чтения, отложив книги в сторону, забыв обо всем, начали волноваться. Начали нервно роп-

тать:

– Миллион... Миллиард... Бабло... Бабло... Бабло...

Поезд сделал мертвую петлю, и тут Леонидов понял, что упасть он никак не может. Это же горки – настоящие горки, те самые, из аттракциона, а под колесами вагона теперь находился мощный рельс. Он не даст свернуть с пути, он будет непреклонно тащить, волочить за собой, состав, и соскочить с него уже не удастся. Оставалось только пристегнуться...

Поезд продолжал полет, но уже по этой замысловатой траектории. Окна замерзли, они покрылись инеем, и сквозь них не было видно удивительных бесконечных зеленых полей и лесов, рек, не покрытых толстым слоем льда. (Да и были ли они – эти зеленые леса и луга?) Неба не стало и солнца тоже...

– Бульварный романчик! – продолжал человечек, а на головы людей посыпались гребешки и ножницы, какие-то сувениры.

– Мужской рроманнн! – снова заорал Человек-Мультик, надувая гигантский «шарик» над головой.

– Блокбастеррры! Детективввы!

Книги-убийцы, книжки бандиты, книги-торта и шоколадки, книги-губная-помада, книги-жвачки, книги-бутерброды!

Наконец появилась знакомая фигура человека. Тот летел с высоты второго этажа головой вниз и скоро, очень скоро, должен был коснуться зеленой поверхности болота, застрять

там, увязнуть и превратиться в кровавую кляксу, в след, в тень. Люди бесновались, люди сходили с ума.

– Все по триста, по пятьсот рублей! Книжки – инстинкты, все по тысяче, по миллиону! Кто больше?! За каждый истраченный миллион – миллиард взамен!

Люди доставали миллионы! Люди в этом поезде везли целые тонны денег, все свое состояние, и теперь отдавали их Человеку-Мультику! Человеку, который дарил главные и основные инстинкты жизни! Больше им не хотелось ничего.

34

Он летел в самолете, и огромный мир расстилался перед глазами. Летел, смотрел в круглое отверстие, и думал:

– Мир, как он велик, но как он может быть мал. Все зависит от того, как на него посмотреть. Все зависит от отношения, точки зрения. Неужели Клейзмер прав? Неужели эта теорема доказывается именно так. Да и дело совсем не в ней. Клейзмер пошел дальше, значительно дальше. А если все это правда?

Стюардесса принесла напитки, и он налил в бокал красного вина. И так с бокалом в руке на высоте десяти тысяч метров над землей, сидя в удобном кресле, продолжал размышлять. Это был директор того самого Математического института, которого Клейзмер обделил вниманием. Клейзмер пренебрег всеми устоявшимися правилами и повел себя,

мягко говоря, некорректно, неэтично и непонятно. Плевать на этику! Плевать на правила и приличия! Но, это «непонятно» мучило его в последнее время? А смутные подозрения одолевали.

Он давно не отдавал себя любимому детищу – математике, не посвящал ей жизнь, не молился ее молитвами. Все какие-то встречи, презентации, переговоры. В последние годы было не до нее. Иногда тосковал, но рутина повседневности не позволяла вернуться к ней. Это, как любимая женщина, которая ждет тебя, и ты всегда сможешь прийти, отдав самого себя, но только позже, потом, не сейчас. Женщина подождет, она будет ждать вечно. Это как старенький музыкальный инструмент, жаждущий твоего прикосновения, и тогда он откликнется и с благодарностью одарит волшебными звуками. Но пока хватает времени лишь смахивать с него пыль – нет, не сейчас, в другой раз, как-нибудь потом. И вдруг возник этот Клейзмер!

Ученые института, которые четыре года расшифровывали иероглифы Клейзмера, ему объяснили, что скрывает в себе эта теорема. Еще помня отдельные моменты сложной, любимой науки, он сумел их понять. Но, когда понял! Только бы Клейзмер ошибался! – подумал он, отпивая глоток вина. Он знал – Клейзмер не тот ученый, который будет выдавать желаемое за действительное. Знал уровень этого математика, и ошибки в доказательстве быть не могло. Хотя они искали эту ошибку несколько лет. Искали и очень надеялись найти.

Такое уже бывало раньше, в течение почти ста лет. Люди выдвигали гипотезы, спустя годы их опровергали. Но сейчас! Искали и найти не смогли. Но нашли нечто другое. И если Клейзмер подтвердит свою догадку – мир перестанет существовать... в том виде, в каком мы его привыкли видеть.

Он снова посмотрел вниз сквозь окно иллюминатора.

– И зачем эти люди суют свой нос во все щели? – подумал он. – Мало им планеты, зеленых лужаек, морей? Мало жизни и красоты?

Вдалеке показались Альпы. Маленькие горные шале и крошечные отели свисали со склонов. Они зависали над пропастью, крепко цепляясь за гору, которая их надежно удерживала на такой высоте. Зеленые холмы, покрытые высокими деревьями, глубокие ущелья, а вдалеке море. А где-то там материк, океан, край планеты, бесконечный бескрайний дивный мир! Как мудро все продумано, создано, как гармонично соотносится друг с другом. И вдруг все превращается в одну ослепительную точку. Она слепит глаза, она неотвратимо притягивает, и спрятаться, увернуться от ее блистательного сияния уже невозможно, а потом яркая вспышка, и больше ничего. Ничего?! Дальше все собирается в крохотный светящийся эмбрион, из которого вновь зарождается жизнь.

– Плевать на ту жизнь! Мы живем сегодня, сейчас! Живем в этой жизни!

И тут ему по-настоящему стало страшно.

– Мысль материальна. Как можно одной мыслью перевернуть весь мир? А мир этот просто записан одной короткой формулой. Но нужны ли ей доказательства? Зачем эти выводы? Зачем наука, которая создает вселенную в голове и ты волен поступать с ней, как хочешь? А готов ли ты, человек, к этой миссии? Кто ты такой? Создатель, творец или разрушитель? Почему истина в твоей голове рождает иллюзию совсем другого миропорядка, и тогда все становится иллюзорным, остается лишь формула и ее доказательство, и совсем другой мир. Еще ее создатель. И это потрясает! Но черта эта последняя, и Клейзмер к ней подошел! Уже, внимательно рассматривает, готовится переступить.

Он снова посмотрел в окно, и бесконечные равнина и горы, море вдалеке начали сворачиваться, бешено вращаясь перед глазами. Они становились все меньше, все дальше от него. Мир стал пустынным, и только маленькая светящаяся точка притягивала внимание. Приковывала, уже затягивая в себя. Деревья, зеленые лужайки, отели и маленькие шале, самолеты, облака, звезды и планеты – все деформировалось, трансформировалось, все превращалось в единый стремительный поток бесформенной массы, который сгущался, уменьшаясь в размерах. И самолет, на котором он летел, потеряв высоту, ... (а высоты уже не было, ничего не было) устремился в эту сверкающую, зияющую пустотой, горящую точку-бездну. И взрыв.

– Нет, только не ЭТО! Есть открытия, о которых чело-

вечество потом жалеет! Цивилизацию может спасти только незнание!

Он оторвал взгляд от иллюминатора и дрожащей рукой поднес бокал к губам. Выпил залпом, вытер платком мокрое лицо и больше туда не смотрел. Хотелось только одного – вниз, к Нему. Он сможет Клейзмеру все объяснить, убедить! Есть знания, которые человечеству не нужны.

35

Леонидов вышел в тамбур и долго смотрел в окно. Больше смотреть было некуда, да и незачем. Потом устался себе под ноги, заметив какую-то газету, подобрал ее. На титульной странице был заголовок: – «Мастер уходит из театра!» Зачем-то начал читать. Он давно знал этот театр. Его создал режиссер, который полвека назад, собрал студентов своего курса, вместе с ними творил, создавая свой Дом. В статье было написано, что актеры театра почти единогласно проголосовали за изгнание Мастера из Театра, потому что на гастролях им не заплатили за спектакль по... 900 рублей! Поэтому его выгнали из театра – из собственного Дома. Все эти актеры, раньше или позже, были его учениками. Они жили в этом Доме, учились, работали, творили. Мастеру было много лет – почти сто! Столетний Мастер! Скала! Он до сих пор руководил театром, творил, ставил спектакли,... но по 900 рублей не заплатил, и его выгнали.

Леонидов швырнул газету на грязный пол. – Зря подбирал, – и подумал: – Теперь Петрову не удастся показать свой фильм нигде и никогда. Он снимал его об этом театре и его Мастере. – И еще подумал: – 900 рублей – интересно, сколько это в «серебряниках»? Какой курс сегодня, и ходит ли такая валюта в наши дни? Скорее всего – да.

В тамбуре к Леонидову подошел какой-то человек и задал уже знакомый вопрос:

– Что вы делаете на моей территории?

Леонидов недоуменно на него посмотрел. Человек был в форме, человек был явно при исполнении.

– Ничего не делаю, – равнодушно ответил он.

– Ничего не делаешь? – внезапно тот перешел на Ты.

Леонидов снова посмотрел на него и улыбнулся:

– А-а-а, это ваш поезд? Да-да, понимаю. Целый поезд! И принадлежит он вам? Рад познакомиться с человеком, у которого есть целый поезд, – повторил он старую шутку.

– Мне принадлежит вся железная дорога, и все поезда на ней, – жестко ответил тот, не оценив юмор.

– Вот как? – удивился, Леонидов.

– Будешь дурака валять или как? – спросил человек.

– Архаровцы! – вдруг вспомнил Леонидов, – вот они какие! Он забыл о них, а его предупреждали. Просто сегодня он сел не в тот поезд.

– Ну и чего вы хотите? – спросил он.

– Не понимаешь? – удивился тот.

Леонидов устал, он уже ничего не хотел – ни доказывать, ни убеждать, ни сопротивляться. Сегодня он не продавал, просто дарил свои книги. Хотя, какая теперь разница? Здесь такие правила, а правила нужно выполнять. Тем более законы!

– У меня нет с собой денег, – произнес он, – расплачусь товаром. Достав несколько своих книг, протянул Архаровцу. Тот с удивлением посмотрел на них, словно видел впервые. Потом произнес: – Что это за... Книги? Издеваешься? – побагровел он. – За кого ты меня принимаешь? Накурился? Захотел в обезьянник? – и брезгливо оттолкнул пачку книг. Те выпали из рук, рассыпались и, лежа в жидкой грязи на мокром полу, с удивлением посмотрели на Леонидова. Они не понимали! Книги не ждали такого обращения с собой! Такое было невозможно! Ну, что ты стоишь? Ты ничего не сделал! Ты написал книги, потом дарил их людям, а теперь какой-то... бросает их на пол и топчет ногами! Ну, сделай же что-нибудь! Ничего ценнее у тебя нет!

Снова услышал голос:

– А ну, поднимай! Давай быстро – это вещественное доказательство. Незаконная торговля, незаконное предпринимательство, дача взятки...

Незаконное... незаконное, – звучало в ушах. Внезапно в тамбур вошел Человек-Мультик. Из-под его веселого костюма виднелись сотни, тысячи сережек в ушах и ноздрях, а те-

ло было сплошь покрыто татуировками. Он с улыбкой пожал руку Архаровцу, (видимо, старому знакомому) посмотрел на Леонидова, на грязные книги в его руках.

– Чтобы я больше тебя здесь не видел! – спокойно произнес Мультик, – ты меня понял?

Леонидов промолчал. Мультик перевел выразительный взгляд на Архаровца:

– Он не понял.

– Так объясним, – ухмыльнулся тот.

– Я ничего не продавал и не нарушал, – твердо заявил Леонидов.

– А вот это мы проверим, – сказал человек в форме. – Пройдемте, – официально добавил он.

Идя по вокзалу в сопровождении человека в форме, Леонидов увидел владельца пяти поездов. Тот заметил его издалека, с сочувствием посмотрел, но подходить не стал. Это был не его поезд. Не его территория. У стены вокзала встретился глазами со старушкой, продающей укроп, которая тоже с жалостью на него взглянула, и спрятала свой товар в корзинку – мало ли что. Потом закрытый автомобиль с решетками на окнах, который не летел, а уныло плелся по городу, лениво расталкивая другие машины мигалкой. Потом обезьянник...

– Значит это ваши творения? – спрашивал его уже другой

человек в форме, брезгливо глядя на грязные книги, лежащие на столе. – Надеюсь, вы понимаете, что нарушили правила торговли? За это полагается штраф. И не только...

Он что-то объяснял еще, говорил, доводил до его сведения. Леонидов его почти не слышал. Ему было досадно и обидно. За свои книги, за себя, за город, в котором жил, черт возьми! За старушку на вокзале! Он ничего не сделал! Он только написал эти книги! Потом искал способ продать! Потом просто решил подарить их людям! Те читали его книги! Они им нравились... до поры до времени – и вспомнил лицо Человека-Мультика. А теперь перед ним было лицо человека в форме...

– Вы ничего не продавали? Конечно! За свои деньги их напечатали, а потом раздавали! Бесплатно! Вы меня за идиота принимаете?

– А что, писатель не имеет права дарить свои книги? – воскликнул Леонидов. Он был искренне удивлен. Он не желал оправдываться и не чувствовал себя виноватым! Он должен был за себя постоять! А еще, ему было обидно! Очень обидно! Почему он должен унижаться перед этим человеком? Хотя, разве возможно быть униженным? Можно лишь унижить самого себя – а в это он верил свято. Но сейчас дело было даже не в нем. И тогда он произнес:

– Мы живем в цивилизованной стране!

Человек в форме прищурился, презрительно улыбнулся и спокойно произнес:

– Кто вам это сказал?

Этим ответом он его ошарашил. У Леонидова не находилось слов, аргументов. Ответ был настолько прост и очевиден... И тогда, неожиданно для себя, он сказал простую вещь: – Я не даю интервью.

– Т-а-а-к, – протянул человек в форме, – разговор не получился. А я думал, мы договоримся... полюбовно. Ну, как хотите. Тогда, я завожу дело. Посидите 24 часа, подумайте. Даю вам сутки...

В обезьяннике было темно и тесно. Люди, не совсем опрятно одетые, находились рядом. Они сидели и ждали своего часа. Ждали решения по их «делам». И Леонидов тоже сидел, глядя по сторонам. Он впервые в жизни «сидел», пусть даже 24 часа. Сидел и ждал.

Ничего он не ждал! Он готов был бороться! Он должен был бороться и сейчас его колотило. Он пойдет до конца. Интересно, где тот конец?! Невозможно, чтобы ему что-либо могли предъявить, вменить – или как там говорят? Теперь ему было абсолютно все равно, было наплевать на себя. Он имел право стоять до конца, и он сделает это! Просто у него была новая роль, и сейчас он с удовольствием примеривал новый костюм и готовился к выходу на сцену. Что же – поиграем! Даже интересно стало в этом удивительном помещении. Хорошее наблюдение – такое надо запомнить – когда еще доведется увидеть? Впечатление на всю жизнь! Ему

не хотелось раздвигать стены тесного помещения или шагать неуязвимым по крышам домов. Хотелось одного – испить эту чашу до дна. Постоять за себя! И за свои книги. В конце концов, он имеет на это право!

Снова человек в форме, его спокойный голос. Интересно, как можно из ничего создать целое «ДЕЛО»? Он тоже спокойно, с любопытством наблюдал за собеседником.

– Значит, вы не даете интервью? – повторил тот его последнюю фразу. – А что вы скажете на то, что в так называемых книгах между страничками находились пакетики с наркотиками?

Задал этот вопрос и с интересом на него уставился.

– На которых есть ваши пальчики? Вы снова не даете интервью? А входите вы в обширную сеть распространителей этой дряни! Мы за вами давно присматриваем. У нас есть записи камер наблюдения, стоящих на вокзале. Вам показать? Вы, как на работу, приходите на наш вокзал и носите товар целыми коробками. Вчера вы сделали четыре ходки всего за один день. У нас все ходы записаны.

Леонидов молчал. Терпеть он точно решил идти до конца. Он изуистически испытывал себя на прочность. Он завелся! Интересно, что нужно сказать еще, чтобы сломать невинного человека? Он желал это знать! С каким-то удовольствием и даже азартом он ввязывался в незнакомую игру. Он пойдет до конца, теперь точно пойдет! Он выполнит свою миссию!

После того, что он услышал – назад дороги нет.

А человек напротив все нажимал, давил, выдвигая обвинения, и не понимал, почему этот странный тип не пугается и не идет на попятную. Почему просто не предложит законную мзду? И теперь он тоже завелся и выполнял свой долг! Свою миссию! Он должен был сломать этого наглеца! Это стало делом принципа, делом его чести! А наглец сидит напротив и позволяет себе улыбаться! Нахально улыбаться! И пока не знает, какой на руках у него есть козырь!

И тут Леонидов услышал фразу, от которой ему стало дурно. Нет, не фразу – имя, которое произнесли в этих стенах. Человек напротив продолжал:

– Галина Леонидова – жена и сообщница, стояла на при вокзальных улицах, помогая своему мужу продавать книги. Так называемые книги. Товар! Она тоже, как вы понимаете, у нас в гостях.

– Галя! Его Галя сейчас находилась здесь, в этом здании?! Галя ходила по улицам и продавала его книги?! И теперь она снова была рядом! – и услышал:

– Вы опять не даете интервью, господин Леонидов? А это уже совсем другая статья... так сказать расходов. Что скажете? Сейчас мы устроим личную ставку.

Человек в форме сидел на своем рабочем месте, на боевом посту и победно смотрел на задержанного. Смотрел на человека, лицо которого покрывалось испариной. Тот больше не улыбался, не говорил глупые вещи, только по-рабски

следил за каждым его движением, ловя каждое слово, взгляд, интонацию. Сколько раз в своей жизни он видел подобное. Все эти людишки, такие разные, по-разному ломаются, но сдаются одинаково. Вот и этот. Какое немыслимое удовольствие сделать свое дело хорошо, довести его до логического конца и сломить противника. Завалить его, дожать. Никакие деньги не сравнятся с мигмом победы над врагом, и созерцанием этой ломки... Наконец, он услышал знакомую фразу, которая его уже не взволновала, была она предсказуема, привычна и не интересна:

– Командир, может, договоримся? Цена вопроса?

Человек при исполнении назвал цену. Назвал с избытком – так сказать, за моральный ущерб. Деваться этому писателешке было некуда.

– А может, он действительно торговал наркотой? – неожиданно для себя подумал он, про себя посмеявшись такому предположению. Он так завелся, что уже готов был в это поверить.

– У меня нет таких денег, – выдохнул Леонидов.

– Зато у вас есть 24 часа. Посидите-подумайте, – ответил тот, закончив разговор. И подумал: – Странная парочка. Писсатели.

вышел из дома, где несколько часов разговаривал с Клейзмером. Это был сложный разговор, и вообще, день у него сегодня выдался тяжелым. Его предупреждали, что Клейзмер ни с кем не общается, не разговаривает, даже не дает интервью, не вступает ни в какие контакты и сторонится людей.

– Прекрасно он разговаривает, оказался умнейшим человеком, впрочем, кто бы сомневался? Таких умов на планете меньше, чем пальцев на одной руке. Просто, с ним нужно говорить на темы, интересующие его, а эти...

Он сидел в машине, направляясь в аэропорт. Миссия его была завершена. Эта была непростая миссия, но она была выполнена. Он ехал, вспоминая этого удивительного человека, от которого еще вчера зависело многое, зависело ВСЕ!

– Надо же – один человек, одна ничтожная формула и все рушится, летит ко всем чертям, рассыпается вдребезги!

Он сидел в удобном салоне машины, напряженно думая:

– Клейзмер – это лишь первая ласточка. Через год или сто лет появится новый Клейзмер, и снова создаст коллизию, которую предотвратить будет уже невозможно! Мы подошли вплотную к черте, за которую даже заглядывать не стоит, не то что доказывать или строить гипотезы. Нельзя смотреть в эту сторону. Нужно очертить безопасные границы, и никого к ним не подпускать.

И вспомнил знакомые факты из истории, которую изучал еще в детстве в колледже.

– Такая проблема существовала всегда, только раньше ей

уделяли должное внимание, а сейчас... Всегда находились умные люди – и в древности, и в средние века. Были структуры, институты, которые зорко присматривали за порядком, а теперь... Теперь они необходимы как никогда! Что же, снова разводить костры, устраивать охоту на ведьм? Почему бы и нет? С такими людьми иначе разговаривать невозможно. Сейчас, когда общество, наконец, избавилось от фанатизма, от лживых идей и пророков, и только деньги мудро выстраивают рентабельность любого дела – стоит только перекрыть финансовый кислород, и всякое порочное изобретение или инновация летит в корзину, любое произведение искусства становится никчемным, а его автор изгоем. Когда появился идеальный механизм, регулятор, контролирующий и фильтрующий все и вся, и только деньги могут принимать и избирать. В этот самый момент является некий Клейзмер! И никакие деньги ему не нужны! А на кой черт ему нужны эти деньги, когда их просто не будет! Они станут бессмысленными бумажками, впрочем, какими и были всегда, – неожиданно перебил он самого себя, но тут же поправился: – Просто об этом никто не знал! Вернее, знали, но немногие. И таких Клейзмеров контролировать будет невозможно! Но не может будущее цивилизации зависеть от такой ничтожной вещи, как какая-то теорема и ее сумасшедший математик. Слава Богу, все удалось...

Неожиданно в голову пришла смешная мысль: – А, может, нужно было убить этого Клейзмера? Уничтожить и все! Как

говорится – убрать его.

И теперь он, вытирая пот со лба и стряхивая напряжение, представлял себя киллером, возвращавшимся с задания. Он понимал то состояние – чувство выполненного долга, которое должен был испытывать этот человек. Осознавал, какая миссия, новая миссия, ложится на его плечи. Необходима целая организация, которая будет контролировать подобные процессы. Военные, их службы, разведки безнадежно устарели, отстали со своими переворотами и нефтью, выборами и перевыборами, цветными революциями и переделом земель. Нужны силы, которые будут стоять на страже, охраняя подступы к этой опасной черте. А быть киллером? Зачем? – отмахнулся он от дурацкой мысли, – найдутся другие методы – мы же цивилизованные люди!

Он вышел из машины и уже готов был направиться на взлетную полосу, где ожидал самолет. Внезапно его окружили журналисты. Вспышки фотоаппаратов, свет прожекторов.

– Господин, директор, несколько вопросов нашему каналу...

– ...нашей газете...

– ...нашему журналу...

Он остановился и не щурился от яркого света. Он давно к этому привык – это была его стихия. А голоса неслись со всех сторон:

– Что вам сказал математик Клейзмер?

- Он стал с вами разговаривать?
- Почему он не бреет бороду?
- Почему уволился из института и нигде не работает?
- Над какой проблемой он сейчас трудится?
- Какую премию ему будут присуждать в этом году?
- Какие его ждут награды?

Подняв руку, он остановил поток вопросов и ответил одной короткой фразой:

– Господин Клейзмер просил вас передать, что математикой он больше не занимается. И просил его больше не беспокоить.

Люди с микрофонами в руках замерли, переваривая сказанное. Вдруг кто-то очнулся и задал вопрос. Тот самый вопрос:

– А почему он не взял миллион?

– Миллион? – рассеянно переспросил директор. – Ах да, миллион, – вспомнил он и задумался.

– Почему он не взял миллион? – заголосили со всех сторон люди с микрофонами, – почему не взял?... Не взяллл?

– Потому что..., – помолчал мгновение, посмотрел на этих людей, потом, неожиданно для себя, произнес:

– Вы все равно не поймете, – махнул рукой и быстро направился к самолету. Добавить ему было нечего.

– Да, пропади все пропадом! – вертелось в голове Леонидова. – Гори все дьявольским огнем. Что он на самом деле? Ему больше всех надо? Гений! Доморощенный гений! За кого он себя принимает? Довел себя, довел Галю до безумия! Люди вокруг работают, делают деньги, крутятся, а он... Писатель! – и мысленно зло посмеялся нас собой. – Писатель? Ну-ну!

Они с Галей сидели в шикарной машине, которая, рассекая утренние пробки, напролом, без оглядки, неслась по городу. Было как-то уютно в этой машине, в ее просторном салоне. Уютно, и не хотелось больше думать ни о чем. Этот салон напоминал кают-компанию большого корабля, на котором хотелось плыть и больше не смотреть по сторонам, только вперед, уверенно разрезая ее мощным корпусом волны ревущего океана. Где-то за окнами бушевал шторм, а здесь было спокойно, тихо, и только брызги волн иногда надоевшими каплями оставляли следы на плотно задраенных люках.

Галя задумчиво опускала и поднимала затемненное окошко – она давно не игралась в эту игрушку. А на переднем сидении находился их спаситель – тот самый издатель. И даже грузчиком его теперь не назовешь – уважаемый бизнесмен, владелец крупнейшего в стране издательства, солидный че-

ловек, богатый человек!

– А откуда вы узнали о нас? – нарушил тишину Леонидов.

– Вы не поверите, – отозвался издатель. На нем был желтый восхитительный пиджак и малиновая рубашка без галстука.

– Утром мне позвонил человек, который представился вашим добрым Ангелом. Он и сказал, что вы готовы подписать договор, только место для этого выбрали экстравагантное. А вы молодец, Леонидов, это отличный пиар! Вы гений пиара! Завтра все газеты напишут, что мы подписали договор... в обезьяннике, – и он зашелся беззлобным, веселым смехом.

– Честно говоря, для меня это первый такой случай. За один день о вас заговорит вся столица! Да, что там, столица?...

Автомобиль мчался по улицам, невзирая на светофоры и правила, на разметку, на прочие машины, толпящиеся уныло в утренних пробках. На нем, казалось, тоже был надет восхитительный костюм и, глядя на него, никому и в голову не приходило его остановить, а потому пропускали без звука, сигналов и гудков, безо всяких правил. Езда без правил – что может быть прекраснее, когда за закрытым окном все пролетает мимо в обреченном стоянии, в раболепном оцепенении, и только для тебя дороги открыты все!

– Я обещал подумать о вашем имидже, не меняя слишком многого, так сказать, сохраняя ваше лицо, – снова обернулся к ним издатель, – я пошел вам навстречу. Мы не изменим

ни единой буквы! Мой специалист придумал замечательный псевдоним! Леонидов, вы слышите меня? – уже громче кричал он, как будто издали. И, если бы окна машины были открыты, его слова слышны были бы на всю улицу. Да, что там, на многие километры, на весь город... страну. Он засмеялся и спросил: – Вы знаете, как теперь, Леонидов, вас зовут?

– Нет. Пока нет, – весело отозвался Леонидов, подавившись его настроению. Тот снова зашелся в диком хохоте и прокричал:

– «Леонидов»!.. Ну, вы понимаете? Вы ни черта не понимаете! Я не изменил ни единой буквы, но сделал превосходный псевдоним – слушайте еще раз! Леонидов! Леон Идов! Теперь вы поняли? Леон! Тигр по-французски! Теперь вы Идов! И ни единой буквы лишней – только пробел. Парадокс? Стоит к имени человеку добавить пробел, маленький штришок, фикцию, воздух и происходит полная смена имиджа! Леон Идов! Лео! Леон!

– Класс! – закричала Галя. – Здорово!

– С вами оказалось сложнее, – продолжал издатель, – Галя, не Галя. Гелла! Вот так!

– Теперь мне остается сказать свое ВАУ! – поперхнулась она таким псевдонимом. – Что же, Гелла, значит Гелла! Тебе нравится? – посмотрела она на Леонидова.

– Да! – тоже кричал он на всю улицу и площади, пролетающие по сторонам, на весь этот город, на всю страну, кото-

рая так и не узнала какого-то Леонидова еще вчера, но уже завтра будет читать нового писателя, нового автора, новый бренд, и имя его Леон Идов! Леон Тигр!

– Леон и Гелла, тигр и пантера! Вот это парочка! – кричал человек на переднем сиденье. А машина все мчалась, задевая тротуары полами своего пиджака, пролетая светофоры, расталкивая случайные авто на дорогах, и эти трое на удобных сидениях, радовались, веселились, ликовали, не задумываясь больше ни о чем...

Часть 4

38

Теперь у него было много работы. За последние четыре месяца с момента, как он подписал договор, изменилось многое. Изменилось все. За этот короткий период он заработал больше, чем за всю свою прежнюю жизнь. Издатель не обманул. Да и не мог обмануть, ведь он торговал книгами, а не чем-то еще. Ежемесячно он выплачивал сумасшедшие гонорары за книги, которые теперь с легкостью расходились по рукам читателей. Тысячи книг, десятки тысяч! Издатель знал свое дело! Он умел работать! Эти деньги теперь не распирала мелкими купюрами карманы шикарного пиджака, а цивилизованно лежали на счету... виртуальном счету, но были настоящими, в этом они с Галей убеждались каждый день. Она, как сумасшедшая, носилась по магазинам, салонам, бутикам и самозабвенно их тратила. Галя наверстывала упущенное за последние кошмарные два года. Она имела на это право, и Леонидов был за нее спокоен, больше не думал ни о чем, только писал. Они много путешествовали. Едва успевали вернуться с каких-то островов и дальних стран, сразу же делали визы и покупали билеты на следующий вояж. Его

удаленная работа позволяла вести такой образ жизни. Они побывали... Они посмотрели... Увидели... Он не помнил, где они побывали и что увидели, не успевал замечать ничего, смотреть по сторонам, потому что перед ним всегда находился маленький ноутбук, и он трудился, не покладая рук. В аэропортах и самолетах, на горячих пляжах и у бассейнов, на каких-то развалинах, на орбите далеких планет, в других Галактиках, он не помнил, куда его все время тащила Галя, только стучал по клавишам, делая свое дело. Он не замечал даже Галю, знал, что она где-то рядом, в разных нарядах, на приемах, презентациях, на кухне, в постели. Галя была его рукой, глазами, частью его самого, но не обязательно же пялится постоянно на свою руку или все время заглядывать в зеркало. Все равно знаешь, что там увидишь. А его маленький компьютер связывал его всегда и везде в любой точке мира с далеким офисом в самом центре Москвы, куда он отправлял рукописи. Теперь он не писал книги целиком. Стоило окончить главу, он засовывал ее в маленький ящик электронной почты, в ее узкий проем. Это напоминало мясорубку, а через мгновение рукопись уже в виде перемолотого фарша выбиралась где-то за тысячи километров. А люди, «классные специалисты», мгновенно превращали этот фарш в горячие котлетки или пирожки. Все зависело от жанра. За эти четыре месяца он написал 12..., нет, 14..., может быть, 18 книг. Он точно не помнил. Как не помнил, что ел на завтрак неделю назад. Такое помнить невозможно! Писал гла-

вы, потом их превращали в книги или наоборот, ему давали сюжеты, чьи-то чужие наброски, а он делал из этого книги. Он не помнил названий, не все сюжеты отложились в памяти. Теперь он писал не слова, а символы, которые подсчитывались программой текстового редактора. Символов должно было быть столько и столько. Для каждой истории свой объем и размер, своя арифметика. Зато теперь он был в «формате» и писал этот «формат». А символы... Это слово его совсем не раздражало и не пугало. Даже нравилось это красивое слово – «символ»! Зато теперь его читали!

Иногда они, возвращаясь в Москву, шли на презентации или встречи с читателем. Галя выбросила всю мебель из квартиры, сменив на все новое. Теперь он не узнавал свое жилье, хотя, это его совсем не смущало. Под такую замену подпал и старенький телефон, который было не жалко. В последнее время он позволял себе вольности, и общаться по нему было крайне сложно и невыносимо. Он был очень впечатлительным аппаратом, и с его электронных уст постоянно срывалось нечто непонятное, странное и даже ужасное. А новый телефон-факс вел себя прилично, скромно издавая привычную трель, и говорил только на нормальном человеческом языке безо всяких сюрпризов, иногда молча плевался бумажным факсом. Пришлось сменить и номер телефона. В последнее время появилось множество старых знакомых. Он и не знал, что их так много. Они звонили, просили о встрече, о помощи, о чем-то еще. Один, обнаглев, попро-

сил денег взаймы. Он, не долго думая, переадресовал его к старому другу, тому самому. Это же была одна компания – все они знали друг друга. А его старый друг сумеет тому популярно ответить на подобную просьбу и все объяснить. У него была целая философия на этот счет. Поэтому, чтобы избавиться себя от этих звонков, он сменил номер, но все равно старые знакомые находили и одолевали его. Только не звонил Петров. Хотя, как он мог позвонить, когда не знал его нового номера. И он ему тоже не звонил. Все собирался, но как-то было не до него. Да, и сказать было нечего. А может, Петров не знал о переменах в его жизни? Не знал его нового имени? Вряд ли. Проходя мимо крупных книжных магазинов, нельзя было не заметить огромные плакаты с изображением, теперь модного писателя, фотографии которого светились именем – Леон Идов. Да и найти его при желании было просто – постоянные конференции, встречи, презентации. Ему даже нравилось улетать отсюда с Галей – не так отвлекали от работы. А Петров... Петрову он когда-нибудь позвонит. Не сейчас, позже, как-нибудь потом. Через двадцать... Нет, он этого не говорил! Он даже не мог подумать такое. Позвонит! Обязательно позвонит! Но не сейчас...

Книгу он забросил. Он показал эту последнюю недописанную рукопись редактору-классному-специалисту издательства, пожилой интеллигентной женщине, которая, в отличие от своего шефа, книги читала и знала о них все. Она и сказала свое мнение. Она была очень хорошим специалистом,

и не поверить ей он не мог, да, и не хотел.

– История о математике? О человеке, не взявшем миллион? Это не совсем интересно сегодня, – мягко сказала она, глядя на него сквозь большие очки подслеповатым взглядом, – давайте поразмыслим. . .

Она не давила, не настаивала, но была очень убедительна.

– Ваш Клейзмер – математик, сегодня это интересно? Нет!

Он не взял миллион – это трогает? Безусловно, да. Но, чем мы заинтересуем читателя еще? Математик, играющий на скрипке? Математик, прыгающий с крыши на крышу? Нам нужно непрерывное стремительное действие, убедительный сюжет с неожиданными поворотами и событиями, постоянное движение – Экшен, – он в ответ закивал головой, а она добавила: – Китч!

А это уже был совсем другой жанр, с которым он еще не был знаком, но запомнил это название. Он быстро учился! Хороший заголовок для книги – КИТЧ! Женщина тем временем продолжала:

– Кто ваш математик, что он делает? Собирает грибы – не интересно! Играет на скрипке – тем более! Не бреет бороды, волос? Ну, и что? Мужчина, который не имеет не только любовницы, но даже жены? Скучно! Если бы он слонялся по миру и имел в разных странах кучу женщин и незаконных детей, было бы интереснее. Если бы он законно забрал миллион, а многочисленные родственники преследовали бы его, пытаясь обобрать – еще интереснее. Или наоборот! Очень

хорошее развитие сюжета для человека, не взявшего свой миллион. Математик, гений, чудака, по каким-то соображениям и убеждениям отказывается от миллиона, но внезапно тяжело заболевает его мать... нет, сестра... нет, обе сразу! Они попали в аварию! У обеих сломаны позвоночники. Несчастные прикованы к постели, они не могут жить, существовать без посторонней помощи, готовы покончить с собой! Срочно нужна операция, требуются колоссальные расходы! Гений мчится в Америку, гений передумал, он готов взять причитающийся ему гонорар, а эти несчастные женщины уже готовы отбросить копыта, и тут он узнает, что миллиона больше нет. Поезд ушел! Нужно было брать его раньше! Вот вам трагедия, вот поворотное событие, которое заставляет задуматься, содрогнуться. А, вы говорите – грибы. Еще один возможный сюжет – человек, гений, великий математик, один на миллионы. Но не за грибами он собирается в темный лес, – голос специалиста становится ниже, говорит она медленно и по слогам, – а солнце уже садится, уже деревья отбрасывают высокие тени, которые ложатся на километры, закрывая все в округе. Он вампир! Он ждет большую Луну, и в эту темную отвратительную ночь будет искать вовсе не грибы, а очередную жертву.

Она снова заговорила мягким и жизнерадостным голосом: – Или не вампир вовсе, так, обязательно извращенец или подофил, маньяк – а потому ему не нужны ни жены, ни любовницы. Это бодрит, будит фантазию, будоражит вооб-

ражение!

Женщина устала и теперь смотрела на него своим мягким интеллигентным взглядом. Ее глаза сквозь очки выражали сочувствие и желание помочь начинающему, но уже известному писателю. Она трепетно относилась к его таланту и готова была подарить все свои несбывшиеся сюжеты и откровения, все ненаписанные книги. Что же, каждый должен заниматься своим делом – он писать, а она быть при нем редактором – помогать работать, помогать творить.

Он не стал дописывать книгу, хотя оставалось немного. Да и измучила его она, чуть не свела с ума. Небоскребы книг он свез в гараж. Галя больше не терпела хаоса в современно обставленной квартире. Они купили классную машину – внедорожник, сейчас это было модным, и теперь он «разъезжал» на ней и Галя тоже. Было модным, когда за рулем огромного сарая сидела миниатюрная женщина и маленькой ножкой, нажимая на педали и пролетая по улицам, рассекала все препятствия на своем пути. Правда, он хотел совсем другую машину, но так получилось. Хотел маленького, стремительного эгоиста, куда будет помещаться он один. И только ветер в лобовое стекло. Но почему-то купил внедорожник. Ничего – еще успеет.

Как-то раз, ставя автомобиль в подземный гараж, увидел свои книги, те самые, не проданные, не измененные, а потому не нужные никому. Он давно не обращал на них внимания, а тут заметил. И вдруг ему в голову закралась странная

мысль:

– Раньше книги читали, бывали времена, когда книги сжигали, а теперь их хоронят заживо.

Он отмахнулся от этой мысли, прижал к себе сумку с ноутбуком, с которым за эти месяцы уже породнился, и подумал: – Надо бы их отсюда выкинуть. Мало ли что. Но, почему-то не выкинул. Так они и мозолят глаза до сих пор. Теперь он пытается их не замечать, просто не обращать внимания...

39

Весна оттаяла замерзший город, залила его ярким светом, пробудив жизнь, листья на ветках деревьев, наполнила радостью охладевшие сердца. Она небрежно прыгала из лужи в лужу, брызгая во все стороны каплями талой воды, носилась, заглядывая в окна домов и машин, сходила с ума. Она жаждала приключений, ища попутчиков в этом сумасшедшем полете. Приглашала на праздник, который бывает лишь раз в году. Не теряя времени, отдавала этим зимним людям капельку тепла и яркого солнечного света... и немного любви – тем, кто на нее еще способен. А иначе, зачем вообще нужна эта сумасшедшая весна?!

В первый раз в своей жизни он прошел мимо нее. Не заметил, как набухли бутоны на ветках деревьев, распустились цветы, пропустил первую траву на газонах в парках и даже не

успел заметить, как растаял снег. Метался из одной страны в другую, перелетал, переезжал. Из своей зимы в чужое лето, из лета снова в зиму, и, наконец, остановился уже в своем, московском жарком, душном лете. Пропустил целое время года – как такое могло случиться? Лето ослепительно сияло в вышине яркими солнечными лучами, напоминая о себе. Напоминая о том, что прошел ровно год и скоро должна состояться премьера фильма, снятая по мотивам его книги, той самой, которую он когда-то написал и не дал к ней прикоснуться никому другому. Конечно же, не лето ему напомнило обо всем, а металлический голос железной секретарши Силаева, которая позвонила ему, то ли на Майорку, то ли на Майами. Он не помнил точно, куда, в общем, что-то на «М». И теперь они с Галей должны были срочно возвращаться на премьеру.

– Так указано в договоре! – возмутилась секретарша, узнав, что они на каком-то острове на букву «М». Вы должны через два дня быть на премьере! Этот вопрос не обсуждается! Господин Силаев ждет вас!

И, жестко пригвоздив этой фразой, повесила трубку. А они и не возражали! Разве они могли не приехать на свою премьеру? Они ждали ее целый год! И теперь мчались, перелетая через океаны и моря, горы и материки, вот уже родные зеленеющие поля, речушки, дачные поселки, фонари аэродрома, и, наконец, полоса приземления гостеприимно встречала их в летней ночи. Долго ехали по городу. Он смотрел

по сторонам, но ничего не видел. И, все равно, что-то пробудилось в нем, воскресло. Он вспоминал киностудию, свой первый поход туда. Потом Силаева, вручающего сумасшедший по тем временам, гонорар, но дело даже не в нем. А теперь премьера, и все надежды, связанные с ней. Завтра человек (его человек) будет босыми ногами ходить по горячему песку, омывая их в волнах теплого океана. Он выйдет из той самой книги, из настоящей, написанной им самим. Это единственное, что оставалось из коротенькой жизни, когда он еще умел мечтать! И почему-то вспомнил, как они сидели с Галей на полу и оборачивали обложками книги, как писал, словно сумасшедший, любил, словно в последний раз. Кучка мелочи на столе – низ горки, от которой он оттолкнулся, взлетел на высоту. И залетел так далеко! А теперь не знал, был ли это низ горы или ее вершина. Как все перевернулось. Юность. Короткая бесшабашная юность в зрелые годы. Маленький оазис во времени и возрасте. Короткое взрослое безумие! То время промелькнуло, словно короткая весна. Весна не бывает вечной, но он помнит о ней, и она снова рядом, снова с ним. И его Галя тоже рядом, которую он, казалось, не видел несколько месяцев. Где она была? Где был он?... Завтра... все завтра... Завтра будет премьера, он вернется к себе и побудет наедине еще какое-то мгновение. А, может быть, снова что-то изменится. Может, теперь он будет писать сценарии для фильмов, где не символы, не «форматы» меряют километры пленки, а шаги по горячему песку

или высота волн теплого океана. Завтра наступит этот день! А сейчас была глубокая ночь, и они подъехали к своему дому. Но разве бывают чудеса? И, все-таки, он спустился в подземный гараж и достал книгу. Всего одну – много места она не займет, потом на кухне сидел и читал ее до самого утра. Читал, чувствуя, словно, уже был на премьере.

И вот, оседлав внедорожник, они с Галей, ... то есть с Геллой, неслись по улицам города. Леон и Гелла! Тигр и Пантера верхом на огромном боевом слоне! На ней как всегда было удивительное волшебное платье, на нем костюм. Нет, не тот, совсем другой, или десятый, конечно же, из магазина Медильяне. И, казалось, весь город приоделся в нарядный праздничный костюм. Люди шли веселые, красивые, а направлялись они, конечно же, на премьеру. Оставалось совсем немного. Она сидела за рулем, не доверив ему вести машину, видя, как он волнуется. А он действительно волновался. Нет, он сходил с ума!

Они уже подъезжали к огромному кинотеатру в центре города, где издавека были видны толпы зрителей. Но сейчас его волновало другое. Он увидел огромный плакат во всю стену кинотеатра и теперь, не отрываясь, смотрел на него. Все так, как он хотел! Как себе представлял! О чем мечтал! Какой-то удивительный художник, словно прочитав его мысли, зарисовал гигантское полотно, украсившее здание. Уже виден раскаленный белый песок, яркое солнце наверху афи-

ши. Он различает каждую песчинку на широком пляже. Человек! Он идет по песку, а ноги его босы! Его брюки закатаны до колен, и он ступнями обжигается о горячий берег, а рядом играют с ветром высокие волны океана.

– Леонидов! Смотри! Это же твой чертов человек! Ты узнаешь его? – закричала на всю улицу Галя... Нет, Гелла... Нет, ГАЛЯ! Его Галя! А люди, оборачиваясь на них, тоже глядели на огромную афишу в самом конце улицы и видели этого человека! Сейчас он войдет в воду, сейчас его босые ноги прикоснутся к волнам, и он растворится, будет таять в океане, где только прозрачная голубая вода и дельфины, играющие на самой поверхности...

– Стоп, что это?! – они подъехали близко, едва не коснувшись колесами пляжа и прозрачных волн. Наверху огромной афиши сидел какой-то человек и корчил невероятные гримасы! Нет, их было двое! Два человека! Оба на самом верху отвесной стены! Один с крыльями! Это же Ангел! Их добрый Ангел! Он был здесь! Он не мог сюда не прилететь, а рядом с ним, тоже вставая в немыслимые позы, кривлялся человечек, который был то ли сказочным зверюшкой, то ли человеком из мультика... Человек-Мультик! Они извивались на верхней раме огромной картины и строили всемирные рожицы. Неизвестно, видел ли их кто-то еще. Сейчас это было не важно, главным был этот человек! Его человек. Он стоял босиком на песке в шаге от прибрежной волны, а на голове его была черная бандана, которая укрывала от яр-

кого солнца. Человек застыл в оцепенении, в ожидании, лицо его озаряла нечеловеческая улыбка, зубы отливали перламутром, мускулистые сильные руки были подняты кверху, а в них были зажаты... два автомата. Те своими дулами были направлены в разные стороны, готовые разорвать воздух в клочья очередями трассирующих пуль...

Он не писал такого! Он не мог вложить в руки человека, его героя, смертельное оружие! В этом был весь смысл! Человек, вопреки логике и здравому смыслу должен был «раздетым», почти голым, босыми ногами прикоснуться к песку, к океану. Больше не нужно было ничего! Только песок и дельфины на сверкающей волне! Блокбастер! – вспомнил он название жанра и прочитал его на афише! Они изменили его замысел! Изменили «немножко»... «чуть чуть»... Они отправили этого человека убивать!

Галя посмотрела на Леонидова. Гелла взглянула на Леона.

– Пойдем? – тихо спросила Галя, припарковав машину.

– Нет, не пойду, не могу, не сейчас, – ответил Леонидов.

– Пойдем, – уже громче повторила Гелла...

– Да-да, пойдем, – ответил Леон, – конечно, пойдем. Пойдем...

А два человечка – Ангел и Мультик все скакали, как сумасшедшие, извиваясь в танце дикарей...

Алка позвонила неожиданно – Алка... Алла... Аллочка. Он посмотрел на календарь – еще не прошло двадцати лет. Не прошло и года с тех пор, как они назначили следующую встречу – «через двадцать лет и ни днем позже».

– Через двадцать? – удивилась Алка. – А сколько тогда мне будет? – и, подумав, возмутилась, – Леонидов, ты с ума сошел? Ты обезумел? Сегодня у меня небольшая тусовочка, приезжай! Ты должен быть обязательно!.. Леонидов, ты меня слышишь?

Телефон вел себя прилично, он больше не издавал лишних звуков, трепетно передавая каждое слово его старой знакомой, не позволяя никаких вольностей. Это был разумный телефон. Леонидов не стал спрашивать, как она узнала новый номер. Его, пожалуй, теперь знали все..., кроме Петрова, которого он даже не пригласил на премьеру. И правильно сделал.

– Сегодня? – переспросил Леонидов, – сегодня не смогу, много работы, – сказал он, – давай в другой раз, давай через...

Он сидел за столом и писал. После вчерашней премьеры, нескончаемой презентации, встречи со зрителями, чествований и безумия праздничного фейерверка он хотел побыть наедине с собой. Хотел уткнуться в экран компьютера, не

замечая никого. Работать. Только работать. В сумасшествии наслаивать друг на друга «символы». Громоздить этажи знаков, запятых и букв, возводить целые небоскребы, которые теперь легко помещались в памяти компьютера, не занимая место рядом. Только они помогали не думать ни о чем...

Галя выхватила у него трубку из рук: – Какое «через»?

Галя теперь всегда была рядом. Эти две женщины поговорили, познакомились. Он подивился, как быстро они нашли общий язык.

– Мой гений просто устал, он обезумел от счастья, до сих пор не может прийти в себя от вчерашней премьеры, – говорила Гелла. – Будем, конечно, будем, Аллочка! Заодно познакомишь со своим мужем, давно хотели увидеться.

Они еще какое-то время говорили, а он пошел собираться. Снова на выход, снова занимать место на привычном Олимпе.

Тусовочка проходила в загородном доме Алки. Они подъехали к особняку и теперь разглядывали огромное строение, которое занимало тысячи квадратных метров на зеленой лужайке у кромки леса, на самом берегу реки.

– Квадратных метров, – подумал Леонидов, – почему говорят квадратных, почему не кубических? Словно все должно находиться в пространстве двух измерений, в плоскости, но этот дом поднимался высоко наверх. Он словно пронзал маленькое облачко, зависшее в небе, и невозможно было со-

считать, сколько в нем этажей. У Гали... у Геллы засветились глаза. О таком можно было только мечтать. Теперь в ее воображении возникало и строилось нечто невообразимое. Уже отделялись верхние этажи шикарного загородного дома, вокруг били фонтаны, причудливые деревья укрывали от надоедливого летнего солнца, в прудах плавали золотые рыбки, а по дорожкам бегали заморские зверушки.

Они вошли в просторный дом, где у дверей их встретила Алла. На ней был потрясающий наряд, на человеке рядом с ней тоже. Они познакомились. Ее муж был достаточно молод и лыс. На нем был белый пиджак и черная рубашка. Галстука не было, мощную шею обвивала золотая цепочка и никаких крестов. Одет он был, как и подобает издателю известного крупного издательства страны. В просторном зале, где уже собрались гости, не было кресел и столов, только широкие стены, фонтанчики, статуэтки, а по краям на маленьких столиках крошечные бутерброды и выпивка. – Здесь и состоится фуршет, – подумал он. Алка воскликнула: – Леон, дружисце! Гелла! Рада вас видеть! Пойдемте, покажу вам все!

– Привет, Алла, – выдохнул Леонидов. Они не виделись двадцать лет, но он не ожидал, что встретит такую молодую и красивую женщину. Как будто не было этих двадцати. Время ей пошло на пользу. Вернее, время это прошло мимо нее...

– Какая, Алла! – зашептала она. – Эллен! Запомните и не проговоритесь. Давно уже Эллен!

– Хорошо, Эллен, – согласился он, подумав, что Алка ей

шло намного больше.

Алка..., вернее Эллиен, провела их по залу, познакомив со своими гостями. Лица многих из них он уже где-то видел, люди были известными, люди были публичными. Галя и Эллиен ушли вперед, о чем-то разговаривая, а он немного отстал, обратив внимание на пожилого человека, человечка, пытаюсь вспомнить, где он мог его видеть раньше? Старичок тоже смотрел на него, потом подошел и воскликнул: – А ведь мы знакомы! Помните?

– Да-да! Помню, – обрадовался Леонидов.

– Вы прекрасно смотрите в этом костюме, вам очень к лицу!

Это был тот самый незнакомец из магазина. Из того самого магазина, откуда они с Галей начинали свое восхождение. И старичок тоже был очень рад ему. Они разговаривали как старые знакомые. И вообще, все эти люди в зале тоже были знакомы друг с другом. Они здоровались, обнимались, подходили к ним, жали руки! Господин, Леон! Господин Идов! Все его знали, все хотели с ним поговорить. Обстановка теплого дружеского банкета, вечеринки, где собрались только близкие люди. Добрые друзья!

– Вас уже познакомили с Мадам? – спросил старичок.

– Мадам? – переспросил он. – Нет, я не знаю никакой Мадам.

– О, вы не знаете Мадам? – воскликнул его собеседник. – Сегодня у вас большой день, сегодня вы вступаете в этот

Клуб!

– Клуб? – удивился он.

– Да, Клуб, а вы ничего не знаете? – рассмеялся старичок. – Узнаю Эллен! Она любительница сюрпризов!

Старичок не стал развивать эту тему и снова посмотрел на Леонидова. – А вам не кажется, что вы уже давно в Клубе? Помните, я как-то вам рассказывал об этой одежде? Она вам очень идет. Впрочем, как и всем остальным, – почему-то устало пробормотал он себе под нос, потом встрепенулся: – Какие ощущения? Вы себя чувствуете другим человеком? Человеком новой формации, новой касты? Вы способны носить другую одежду, черт возьми?

Леонидов посмеялся и промолчал, глядя на чудаковатого старичка, а тот продолжал:

– Вы не слышали новость дня?

– Нет, – произнес Леонидов.

– Вы не знаете, что нет больше великого художника, великого мастера Медильяне?

– Как нет? – удивился он.

– Его убили, – прошептал старичок.

– Как убили?

Старичок теперь говорил тихо заговорщицким тоном:

– Да-да, убили. Господин Медильяне отказался шить костюмы и платья. Он отказался делать то, что делал всю свою жизнь и начал ваять... шорты и майки. Вот так.

– Зачем? – изумился Леонидов.

Старичок задумался, потом произнес:

– Наверное, ему надоело одевать всю эту толпу. Ведь имеет право человек на старости лет своей длинной жизни хотя бы единственный раз сделать то, что ХОЧЕТ?

Помолчал немного и продолжил:

– Всю свою жизнь он одевал этих господ, они уже не могут жить без его одежды, костюмов, платьев, аксессуаров, и у него родилась гениальная идея! Теперь он будет не одевать этих людей, а... раздевать! Это великолепно! Это гениально!

– Да, здорово! – согласился Леонидов.

– Здорово, еще как здорово! КИТЧ!

– Да-да, китч! – повторил он.

– Замечательно, когда хотя бы один единственный раз в жизни ты позволяешь себе сделать то, что ХОЧЕШЬ! За это можно отдать все, – шептал безумным голосом старичок, потом грустно добавил: – За это его и убили, – и посмотрел куда-то вдаль.

– А что за Мадам? – спросил он старичка.

– Увидите сами, – ответил тот, – запомните одно – никто не должен быть красивее ее, талантливее, остроумнее и умнее. Такое правило. А в общем, милейшая женщина.

– Даже так? – удивился Леонидов, – образ Богини.

– Да-да, Богини, – задумчиво пробормотал старичок.

– Ваша жена восхитительна в этом наряде, – произнес он, спустя какое-то время, – жалко, что для нее больше не найдется такого великолепного платья. Ей это очень шло.

К ним подошла Галя.

– Мы только что говорили о тебе, – сказал Леонидов, желая познакомить ее с этим удивительным человеком, хотя, пока сам не знал его имени.

– С кем ты тут разговаривал? – весело спросила Галя. Глаза ее блестели от выпитого шампанского, на ней потрясающе сидело платье, она была очень красива.

– Познакомься, – произнес он...

– Но здесь никого нет! – улыбаясь, воскликнула она. Он обернулся и не нашел своего собеседника. Старичок исчез, растворился! Как тогда! А был ли он, этот старичок? – подумал Леонидов.

– Сейчас начнется самое интересное! – воскликнула Галя.

– А разве еще не началось? – спросил он, оглядывая собравшихся. Люди размеренно ходили, общались, пили шампанское, и звонкий шум голосов отражался от стен гостеприимного дома.

– Основные гости еще не приехали, ты представляешь, кого еще ждут? – и, не дождавшись ответа, в восхищении продолжила: – Маммонну!

– Кого? – недоуменно переспросил он, услышав такое имя.

– Ты не знаешь, кто такая Маммонна? – Гелла презрительно на него посмотрела: – Никому об этом не говори. Ты просто серость, Леонидов. Прости, ты гениальная серость, господин Леон. Маммонна! Я и не знала, что у Эллен бывают

такие люди! Здесь собирается весь бомонд!

По залу пронеслось оживление, и все подошли к огромным окнам, выходящим на лужайку перед домом. Люди заворожено смотрели вдаль, произнося волшебное имя – Маммонна. Он тоже взглянул в окно.

Если вспоминать почетные выходы президентов или генеральных секретарей, членов правительственных делегаций, сошествие Папы Римского в Ватикане с высоты своего балкона или английской королевы в дни торжеств и праздников – все могло показаться нелепой забавой младенцев, играющих в песочнице, по сравнению с этим зрелищем. А зрелище завораживало и потрясало. Река, доселе так невинно струящаяся в своем неспешном течении, забурлила в тесном соитии берегов, закипела и начала выплескиваться наружу. Ей стало тесно в постылом русле. Теперь ее рассекали мощными моторами огромные катера и даже яхты. Они толкались, они не помещались в этом бурлящем водовороте, неслись по волнующейся поверхности воды. Они стремились сюда, к Эллен, к маленькому пирсу, который теперь напоминал огромный портовый причал. Дорога вдалеке закрубилась торнадо из пыли и вечернего зноя, а по ней в стремительном полете мчались десятки машин, земля сотрясала от грохота моторов и громких сигналов. Облачко, спокойно висевшее на своей высоте, цепляясь за верхние этажи дома, разорвало в клочья, и сквозь него уже летела на разноцветных парашютах целая стая гостей. Зрелище напоми-

нало военную операцию, а все эти люди – группу захвата, только никто не стрелял, не взрывались снаряды, но грохот, тем не менее, стоял невероятный. Этот летящий, плывущий, несущейся по дороге десант почти достиг зеленой лужайки, и люди в красивых нарядах – костюмах и вечерних платьях – вываливались из стремительных колесниц, заполняя все пространство вокруг. Они выстроились большой шумной толпой, встречая длинную машину, которая неспешно, по-хозяйски, въезжала в центр зеленой лужайки, безжалостно приминая траву. Кто-то кинулся открывать двери. Дверей оказалось много – очень много. Все напоминало аттракцион – кто угадает, кто встретит главного гостя, или гостью, и проводит в зал «тусовочки»? Кто будет первым? Наконец, один счастливчик открыл дверцу и оттуда появилась рука... Рука была, скорее всего, женская. Пальцы ее были украшены огромными перстнями, драгоценные камни ярко блестели на солнце, переливаясь. Рука была огромной, она шевелила пальцами, готовясь вцепиться в своего «встречателя», в жертву. Наконец поймала его за воротник, и из темноты салона явилось нечто:

– Маммонна! Маммонна! – закричали люди со всех сторон. Нечто вылезло, выползло из машины и строго оглядело собравшихся. – Ну, что, засранцы, не ждали? – воскликнуло оно и засмеялось низким хохотом. – А вот и я! Встречайте! Думали не приеду? Ха! Приеду! Еще как приеду! Куда же вы без меня?! Давайте, ведите меня, встречайте...

Это была огромная черная жаба. Вернее, женщина, на нее похожая. Черная, потому что была она задрапирована черной одеждой. Именно задрапирована, а не одета. Одевать такое тело было бы невозможно, только покрывать лоскутами, скрывая безобразное содержимое, которое трясло складками и шевелило толстыми пальчиками в перстнях. Голова плавно перетекала в плечи, минуя шею. Шеи не было вовсе, зато был здоровенный подбородок, который покоился на груди. Волнистые волосы черным водопадом стекали с головы на плечи и мощную грудь. Из рта раздавалось шипение. Руки тряслись. Все это черное желе вибрировало, колыхалось, и, цепляясь за руку своего кавалера, устремилось вперед.

– Маммонна, ... Маммонна..., – продолжали повторять люди в праздничных нарядах. Ее завели в зал, и все столпились вокруг в ожидании чего-то еще. «Чего-то» не заставило себя долго ждать.

– Подарочек от вашей Маммоннки! – воскликнула она, и с высоты потолка или откуда-то еще в самый центр зала свалился огромный белый торт. Он подпрыгнул на месте и замер, как вкопанный. Торт был метра три в диаметре, высотой с человеческий рост, и крем полетел во все стороны, забрызгав кое-кого белыми розочками.

– Небольшой тортик честной компании! – воскликнула она. Люди смеялись, аплодировали. Люди с радостью снимали капли крема со своих нарядов, совсем на нее не обижа-

ясь. Это была восхитительная шутка, это был подарок, без которого Маммонна, видимо, не приезжала никогда. И теперь счастливички, на которых попал крем, слизывали его со своих рук, смеясь и радуясь везению, словно выиграла в лотерее.

– Элка, привет! – махнула Маммонна короткой рукой хозяйке дома. Та покраснела, расцвела в улыбке и поздоровалась.

Тусовочка началась. Люди в праздничных нарядах весело разливали шампанское и прочие напитки, закусывали маленькими канопе, общались, обнимались, шумели. Здесь были одни знаменитости, весь бомонд: пожилые мужчины и молодые девчонки рядом с ними, совсем еще юные мальчишки под руку со своими мамочками, знаменитыми, всем известными, отпиаренными и любимыми. Вдалеке Леонидов увидел своего издателя, потом Силаева, увидел маленького менеджера Агентства «22 и 2», здесь были всем знакомые журналисты и ведущие различных шоу и передач, режиссеры и актеры. Были продюсеры и их модели-певицы. Полуголые, но изумительно раздетые, полутрезвые и навеселе, разгоряченные жарой и праздником, молодые женщины. Здесь собрались все! Политики и бизнесмены, племянники и племянницы, светские дивы и светские львы. Зрелище напоминало большой веселый вольер, в котором по случайности собрались люди разных пород, возрастов и званий, разных ре-

галий и чинов. Словом, весь Бомонд!

– Там решаются все дела, – вспомнил он слова Петрова.

Пока он разглядывал вновь прибывших гостей и Мадам (по-видимому, это и была она), Маммонна продолжала о чем-то темпераментно говорить, а гости понимающе ей кивали. Вдруг он услышал имя Медильяне и подошел ближе. А Маммонна продолжала гневную речь:

– ...каков мерзавец! Оставить меня без тряпок, без нарядов! Позволить себя убить! В чем теперь я должна ходить? У кого я буду одеваться? Кто, вообще, меня сможет одеть? Он знал каждый сантиметр, каждую клеточку моего тела! Его убить за это мало!

– Но, его уже убили! Застрелили! – воскликнул кто-то из толпы.

– Мало! Мало! – продолжала Маммонна, – и поделом! Каков наглец! Надеть на нас майки! Шорты! Наглец и извращенец! Извращенец!..

Последнее слово она произнесла трогательно, с любовью и подняла с вершины торта картинку, вылепленную из крема и шоколада. На ней был портрет какого-то человека. Маммонна воткнула его, как праздничную свечку, в торт и поднесла зажигалку. На картине была расположена маленькая свечка, которая осветила лицо человека. Леонидов вздрогнул и огляделся. Человек этот был ему знаком! Он напоминал старичка, с которым он только что разговаривал. Это точно был тот самый старик! Как такое могло произойти!? Он сошел с

ума! А люди вокруг зашептали: – Медильяне, Медильяне.

– Мой хороший! – трогательно продолжала Маммонна, – мой Ангел! Мой любимый папочка!

Люди притихли, она пустила слезу и отломила кусочек шоколадки, съела его, громко чавкая, потом произнесла: – Сегодня мы празднуем твою кончину! – помолчав мгновение, резко обернулась и неожиданно заорала: – Празднуем, я сказала, празднуем, веселимся, нечего сопли жевать! Торррт! Рррежеммм торррт! Офффициантт!

К ней подбежал человек с подносом, на котором лежали маленькие ножи и вилочки для канопе. Она взяла двумя пальцами одну такую крошечную вилку и воткнула ее, как булавку, в огромный торт. Потом снова и снова, оглядываясь по сторонам.

– Ты, что издеваешься? – гневно воскликнула она. – Пшел вон, скотина! – топнула она ногой на официанта, – садовника! Зовите садовника! Пусть принесет свои прибабасы! Да побыстрей! Маммоннка ничего не ела с самого утра! – и грохнула поднос оземь. А к ней уже мчался человек, неся большую совковую лопату и вилы. Появились люди с огромными подносами в руках, на которых можно было уложить целого жареного поросенка или барашка. По-видимому, Маммоннка не признавала фуршетов и тяготела к гигантомании и средневековым оргиям. Очень скоро в ее руках оказался огромный поднос с куском торта величиной с голову, который она разрежала большим садовым кинжалом и

ела прямо с ножа. Остальные тоже получили лакомые куски, положенные совковой лопатой. Праздник продолжался...

Спустя немного времени, какой-то человек подвел к Маммонне трех разодетых... или раздетых, высоких девиц и молодого парня: – Вот, Маммонна, посмотри на моих ребят! Мой новый проект! – гордо произнес он. Маммонна стояла с куском торта, широко расставив ноги, громко чавкала и критически, прищуренными глазками, смотрела на этих людей.

– Какие сюзьки! – наконец, воскликнула она.

Капелька пота потекла по лицу этого человека, по-видимому, продюсера новой группы. Он заметно волновался и заискивающе на нее смотрел. Маммонна подошла к одной из девиц. Та была выше ее на голову. Маммонна сунула свой нос в шикарный бюст девицы, потом оторвалась от него и басом спросила: – Настоящий?

– Настоящий, – робко улыбнулась девица.

Люди вокруг радостно засмеялись. Маммонна проделала то же самое с остальными девицами, тоекратно получив овации за свою шутку, и проворчала: – Ну да, ну да, настоящие, так я и поверила. – Потом подошла к молодому парню, солисту группы, и снова произнесла, чавкая тортом: – У тебя тоже настоящий?

Парень покраснел, но сразу же ответил: – А то! Иначе стоял бы я здесь перед вами!

– Стоял! Стоял! – покровительственно закивала Маммонна, – при виде такой женщины можно только стоять! – и

лукаво на него посмотрела: – Ладно, потом, позже познакомимся, пупсик!

– Вам нравятся мои ребятки? – спросил продюсер, улыбаясь.

Маммонна снова оглядела девиц, потом паренька: – Немноговато ли для одного? Ладно, пойте... или что там они у тебя делают?

– Поют, еще как поют! – воскликнул продюсер.

– Ну, и ладно! Пусть себе поют, пока я добрая.

Потом к ней снова и снова подходили какие-то люди. Они знакомились, представлялись. «Решали дела».

Вскоре Леонидов потерял Маммонну из виду, заметив старого друга. Того самого, который его как-то «выручил» деньгами. Тот очень обрадовался и отвел его в сторонку: – Рад видеть тебя, старина! – воскликнул он, – наконец ты с нами!

– С вами? – Леонидов не понял, но переспрашивать не стал. Они какое-то время говорили, потом друг спросил: – Как теперь тебя называть, Леонидов? Господин Леон? – и засмеялся.

– Да, хоть Леонардо, называй. Можешь Васей, можешь Петей, Майклом – кем угодно, значения не имеет! – проворчал он.

– Это ты напрасно! – воскликнул друг: – Тебя классно отпиарили, держись этого курса. Теперь ты, как разведчик, будешь лежать на операционном столе под наркозом, да, хоть

при родах, не имеешь права вспоминать свое настоящее имя.

– А, было ли оно когда-нибудь, имя это? – мрачно пошутил Леонидов. Но друг шутки не понял: – Вот это правильно! Не было этого имени! Вот это по-нашему!

– Тебя-то как теперь называют? – спросил Леонидов. Тот ответил:

– Я, старик, не публичная личность, остался тем же, кем и был. Все по-прежнему, – и, посмотрев на него, сказал: – А ведь ты, Леонидов, ... прости Леон, должен мне кучу денег.

– Серьезно? – удивился он.

– Ты знаешь, что я подумал? Помнишь тот случай несколько месяцев назад, – продолжал друг. – Если бы я тогда дал тебе эти несчастные деньги, эти гнилые, порочные деньги, сейчас бы ты не стоял в этом замечательном зале, и мы не разговаривали бы с тобой.

Леонидов уставился на него и не нашелся, что ответить.

– Да-да, – убедительно продолжал друг, – если бы ты просто взял тогда в долг и все это промотал, потом снова взял и так далее, у тебя не появился бы азарт, вкус к жизни, к борьбе! На это я и рассчитывал! Я ждал, когда ты начнешь бороться, это и был мой гениальный план! Я тебе тогда «конкретно» помог. Как видишь, у меня получилось!.. У нас! – поправился он и добавил: – Так что, с тебя причитается!

Друг говорил на полном серьезе, он не шутил, был уверен в правоте своих слов! Он был в этом убежден!

– Сколько? – пошутил Леонидов.

– Не сейчас, – серьезно ответил тот.

– Не хочу быть обязанным, – настаивал Леонидов.

– Потом, потом, сочтемся. Я подожду, не к спеху, – ответил друг и воскликнул, глядя куда-то вдаль. – Посмотри, какие люди!

Теперь Леонидов смотрел на какого-то человека, пытаясь его вспомнить.

– Художник! Это же его старый друг, Художник! Как он мог не узнать его сразу?

Они протиснулись сквозь толпу, поздоровались, обнялись.

– Ну, как твоя Луна? – спросил Леонидов.

– Сияет в ночи! – ответил тот. – Закончил, теперь могу выполнить твою просьбу.

– Какую просьбу? – спросил он, делая вид, что не помнит.

– Ну, как же, твои обложки! Пора рисовать, пора творить! Буду рад поставить твою фамилию рядом с моей. Представляешь? На обороте титульной страницы крупно: – «Иллюстрации к книге выполнены известным господином Художником»! – воскликнул он, – моя фамилия, ... а потом и твоя... тоже!.. Ну, или наоборот, – покраснел он и поправился: – Как когда-то, помнишь в театральной программке – режиссер ты, художник – я.

– А как же твой Сатурн? – воскликнул Леонидов, – Сатурн домазал?

– Сатурн подождет! – воскликнул Художник, – сначала

твои дела! Мы же одна компания, какой может быть Сатурн, сначала книги. Ты просто обязан отдать мне заказ на эти обложки, ты должен...

– Должен? – снова прозвучало в голове.

Алка..., вернее Эллен, с мужем подошли к их компании.

– Господин, Леон! – воскликнула она, – я выполнила твою просьбу! – гордо заявила она.

– Какую просьбу? – не понял он.

– Ну, Леон... Идов! Не придуривайся! Ты же хотел печататься в нашем издательстве! Мой папочка прочитал твои книги, ну..., то есть, просмотрел..., пролистал... короче, мы согласны!

– Без понтов! – подтвердил папочка, и добавил: – С твоим издателем все порешаю, разберусь сам, короче, можем работать, в легкую.

Алка посмотрела на мужа и перевела: – Все юридические тонкости мой муж берет на себя.

– Не твоя печаль, – добавил папочка.

– Ну да,... ну,... это самое я и говорю, – сказала Алка, – подписывайте договор и вперед! Вперед? – посмотрела она на мужа.

– В легкую, – повторил папочка, поправил пиджак на широких плечах и ослабил.

– Я подумаю, – произнес Леонидов.

– Подумаю? – удивился папочка.

– Леонидов,... прости, Леончик! – поправилась Эллен. –

Ты же сам нас просил? В конце концов, ты обещал! Теперь ты просто должен! Ты наш!

– Должен, – снова мелькнуло в голове, – когда он оказался всем должен?

– Он хотел сказать, что не отказывается, – возникла Гелла, теперь она всегда появлялась в нужное время, – просто Леон пока не готов к резким движениям, – мягко и мудро продолжала она. – Завтра поговорим. Мы ни от чего не отказываемся. Завтра, хорошо? Да, Леон? Да?

Он стоял и смотрел на этих людей – на друга-бизнесмена и Художника, на Алку. Ему было очень приятно встретить старых друзей в этом доме. Друзей, которые ради него были готовы на все. А иначе и быть не могло! Ведь это была одна компания, все, как прежде...

– Ты кто такой? – внезапно услышал он резкий утробный голос за спиной. От неожиданности он застыл на месте, потом повернулся. Перед ним стояла сама Маммонна и своим коротким толстым пальчиком тыкала в него.

– Это Леон! Леон Идов! – быстро затараторила Эллен. – Я не успела вам его представить! Это тот самый Идов, писатель...

– Я не тебя спрашиваю, Эллка.

Маммонна не удостоила ее взглядом, уставившись на него. В этих глазах застыл дьявольский блеск, который выдавал удовольствие от встречи. Блеск глаз голодного человека,

или не человека вовсе, который, не насытившись огромным куском торта, теперь желал чего-то еще, чего-то посолонее. Она пожирала его глазами, проникая в голову, в сознание, в самую душу. На мгновение Леонидов почувствовал себя жертвой перед хищником. Почувствовал себя раздетым, совершенно голым, беззащитным, он стоял, как школьник в гимназии, ожидая наказания. Правда, пока не знал, за что.

– Я тебя спрашиваю, ты кто такой? Леон... Идов. Ну, кто ты такой? Почему не идешь ко мне? Не «проставляешься»? Ты кем себя возомнил?

Люди вокруг притихли, с замиранием сердца наблюдая за этой сценой. Они привыкли к дурачествам своей Маммонники, по-видимому, она имела на это право, поэтому с уважением, трусливо смотрели, ощущая себя на месте этого Леона – тигра, который оказался в клетке.

– Не жрет мой торт?! – продолжала она. – Не идет знакомиться! Никакого уважения! Дать ему торта! Принести моего торта! Быстро! – прокричала она.

Прямо у носа Леонидова оказалось блюдо, на которое плюхнулся огромный кусок торта, соскочивший с лопаты. Леонидов молча стоял, держа его в руках.

– Ну, Леон Идов, ты кто такой? И чего ты можешь в этой жизни? Пссатель.

– Скажи ей что-нибудь, – зашептала на ухо Алка. – Давай, чего ты молчишь? Ну, скажи что-нибудь! Ты должен ей понравиться!

А он все стоял и смотрел.

– Он что у тебя немой... или просто тупой?

Маммонна с удовольствием рассматривала его, прищуриив глаза. Она готовилась съесть это блюдо целиком, но пока не решила с какой стороны начать. А этот пссатель не понимает, что нужно сказать комплимент царице вечеринки. Просто, в знак уважения, немножко унизиться, показать свое место. А этот стоит и тупо молчит! Какой скандальчик! Какая прелесть! Пссатель – придурок!

– Сделай ей комплимент, Леонидов! – продолжала шептать Алка, позабыв его новое имя. Ей было не по себе. Такой конфуз в ее доме! А Леонидов, как медведь, упирается и не может подкатить к Мадам! Какой ужас!

– Она лишит тебя всех контрактов! – шептала Алка, – я не шучу, она может все! Ты должен ей понравиться! Давай!

– Должен! Снова должен! – подумал он.

А Маммонна продолжала сверлить его глазами. Но теперь это не был взгляд тупой самодовольной жабы, в ее глазах застыло острие, которое пронзало его насквозь.

– Конечно, должен! – мягко прошептала она. Леонидов был поражен. Она читала его мысли. – А ты как думал? – продолжала она. Это не была шумная, взбалмошная бабенка. Это была женщина, которая умными всепонимающими глазами смотрела на него и улыбалась. Это была улыбка человека, который знал про него все. Ему даже показалось, что выглядит она теперь по-другому. Он не мог понять, как,

но этот наряд, килограммы краски и жира были бутафорией, фикцией. Под всем этим скрывалась умнейшая, красивая женщина, которая смотрела на него и ждала. А еще понял, что этот взгляд он уже видел, она ему кого-то напоминала. Он оглянулся, словно ища поддержки. Вокруг никого не было. Исчезли люди, исчез яркий свет праздничного зала, они остались вдвоем. И полумрак вокруг.

– Темный затхлый могильник, – мелькнуло в голове. – Что вам нужно? – спросил он.

– Чтобы ты любил меня, свою Богиню Маммонну, – ответила она. – Чтобы вступить в мой Клуб, нужно выполнить некоторые правила. Ты должен искренне полюбить меня и молиться этой молитвой. Или ты с нами, или один – третьего не дано. Ты никто! Ты ничтожество, Леонидов, – ответила она, смеясь.

Он точно видел эти глаза, этот взгляд, и видел его не один раз. У многих людей, у разных людей. Только, не мог вспомнить – у каких. Вдруг рядом в сумраке появился некто. Ангел! Его Ангел! Слава Богу – он не один!

– Ты должен понравиться ей! – прошептал Ангел, – такое правило, ты должен ее полюбить, тогда у тебя все будет.

– Снова, должен? – промелькнуло в голове.

– А ты как думал? – читала его мысли Маммонна. – Писсатель, гений... Мне не нужны гении, – улыбнулась она совсем не доброй улыбкой. – Их время давно прошло. Это я тебя так, на всякий случай предупреждаю, на будущее, а ка-

ким будет это будущее, решать теперь мне. А за тобой я давно присматриваю. Ты никто и ничто без меня. Ты понял? Ты ничтожество, Леонидов.

Он тупо молчал, словно перед детектором лжи, боясь подумать о чем-то еще, а Маммонна, наконец, оторвала от него пронзительный взгляд. Снова яркий свет, снова люди кругом, они смотрят, ждут. И еще один человек на него пристально смотрит. Этот взгляд выделялся из толпы. Или показалось? Тот самый человечек – тот старичок. Он смотрел на него и тоже ждал чего-то, хитро улыбаясь.

– Так, ты соизволишь мне что-нибудь сказать? – уже не выдержала Маммонна. Ей надоело пассивное созерцание, и она желала развязки, финального аккорда.

И снова глаза старичка..., снова Маммонны.

– Я не даю интервью, – неожиданно для себя громко произнес он и галантно улыбнулся.

– Да, ну-у-у-у? – изумилась Маммонна, на мгновение застыв и прищурив глаза, – какие люди у нас сегодня! – и широким жестом пригласила лицезреть это зрелище. Гул удивленных голосов пронесся по залу. Теперь она говорила медленно, с удовольствием, как только что разрешила торт.

– Мы не даем интервью? Какая прелесть! И тортик мой тоже есть не собираемся?

А он стоял, смотрел на нее и тоже почему-то улыбался. Маммонна погрузила в торт палец, и провела белым кремом по его костюму.

– Ах, какой конфуз! – воскликнула она, – какая жалость! Последний костюмчик от Медильяне, видел бы он сейчас! Бедный Медильяне! Душка Медильяне!

А он видел. Он смотрел на него, и в памяти Леонидова воскресла фраза этого человека: – Единственный раз в жизни сделай то, что ты хочешь. А что он хотел? Очень хотел?... Он обезумел? Он сошел с ума?

Но остановить Леонидова уже было невозможно. Он спокойно заглянул в глаза Маммонне. Галя в ужасе отшатнулась, заметив этот взгляд. Она хорошо его знала. Она еще помнила «того» Леонидова. Дальше все происходило, словно в замедленной съемке. Леонидов спокойно поднял блюдо с тортом, плавно перевернул его и надел огромный белый кусок крема на голову Маммонне. Люди в зале выдохнули, застыв в оцепенении, мертвая тишина повисла в просторном помещении. Люди не знали, что им делать. Они хотели отвести глаза, сделать вид, что не видели, не заметили, хотели исчезнуть, раствориться.

– Что он хочет еще? – стучало в голове, – что? – и оглядел эту разодетую, пеструю толпу. А глаза старичка продолжали сверлить его и улыбаться. Старичок подбадривал его, он был с ним! Леонидов медленно снял с себя замазанный кремом пиджак, отшвырнув его в сторону, и полез на торт. Он хватался за его края, скользил, наконец, взгромоздившись на самую вершину, взял в руки лопату. И тут произошло невероятное. Маммонна наконец сняла с себя огромный кусок

торта, голова ее куда-то исчезла, и теперь на всех смотрело незнакомое лицо то ли зверушки, то ли кого-то еще. Леонидов тем временем воткнул лопату в торт, поднял большой кусок крема и теста и метнул это угощение в толпу людей. Вой пронесся по залу, а он снова и снова копал торт и швырялся им по сторонам. Потом стащил надоевший галстук, снял грязную рубашку и отбросил в сторону. Он остался в одной майке. Майке Медильяне! А глаза старичка продолжали за ним следить. И улыбаться. «Сделай то, что ты хочешь! Не одевать, а раздевать!»

И тут пронзительный крик сорвался с губ Маммонны без головы:

– Ах ты, мерзкий пиарщик! Паразит! Ай да, молодец! А он мне нравится, ублюдок эдакий! Безобразник! Отпиарился, гаденыш, оторвался!?

Она тоже стащила с себя одежду из лоскутков, покрытых кремом, и перед изумленной публикой возник образ незнакомого человека. Мужчины! Похожего то ли на зверушку, то ли на человека из мультика. Человек-Мультик! Леонидов узнал его! Это снова он! Тысячи сережек блестели в ушах и ноздрях, все тело было покрыто татуировками, и он издавал радостные нечленораздельные звуки.

– Мультик! Тот самый!

А Мультик закричал: – Ну, что, засранцы, уставились, а ну, раззздаваййсь! Ну-ка быстро стряхивайте с себя грязное шмутье! Что смотрите – забыли, кто в доме хозяин? Быстрр-

ро!

А сам, раздевшись до нижнего белья, оказался в шортах и майке. Самой настоящей майке от настоящего Медильяне!

Люди в зале начали спешно раздеваться, стягивая с себя наряды – пиджаки и вечерние платья. Теперь они оставались в одних шортах и майках. А Мультик все продолжал кричать: – Ну, Леон...Идов, ну, пиарщик – сделал всех. Гений пиара! Умница! Вот это ЭКШЕН! Вот это КИТЧ!

Женщины, сбросив с себя наряды, остались почти безо всего. Под восхитительными платьями у них ничего и не было. И только белый крем скрывал их загорелые тела и пышные формы. Бомонд утопал в креме.

Человек-Мультик скакал рядом с Леонидовым. Он ловко запрыгнул на торт и тоже швырялся огромными кусками. На мгновение повернул лицо и бросил жестко, но беззлобно: – Поговорим ишшо, успеется, – снова обернулся к толпе и продолжил нечеловеческий танец. А рядом Леонидов увидел еще одного человека. Тот танцевал, кривлялся, строил дикие рожицы. Нет, не человека – Ангела. Своего доброго Ангела! Тот опять был рядом. Он находился на вершине торта, а Леонидов на самой вершине карьеры и славы, потому что выше подняться невозможно. Некуда. Сегодня его признала сама Маммонна – богиня основных инстинктов, богиня ЭКШЕН! Богиня мультика под названием – КИТЧ! Его Ангел был счастлив! Его добрый справедливый Ангел. Наконец, ему удалось все! Он сделал ЭТО!

Надоевший факс выплевывал ненужные бумаги, шуршал каретками и шестеренками. Никому не нужный факс бросался никчемными символами, знаками препинания, бессмысленными символами, которые отбирали жизнь и время, так нужное каждому и наполненное всякой ерундой. А где-то рядом находилось место, где звучала музыка, лежали книги, любимые кинофильмы. Та, другая комната, параллельный мир, где сознание уходило от привычной рутины, и разум позволял себе не мыслить, но чувствовать, существовать, растворяясь в другом параллельном пространстве и времени, где мысли были открыты для чего-то другого, чего-то большего. И у каждого это по-своему. Свой мир, комната, или мансарда в этом параллельном мире. Музыка или книги. У каждого они – со своими именами и значением. Страшно, когда нет такого места и этой комнаты. И тогда некуда деться от времени, этого факса, и самого себя. И поэтому остаешься по-прежнему там же и тем же и всегда один...

Потом неминуемо возвращаешься. Безжалостный звук или репортаж телевизора бросает тебя, уставшую душу и разум, швыряет о камни и разбивает то мимолетное, сокровенное, что ты так бережно создавал и хранил в своем маленьком мирке. Назойливая реклама расстреливает очередями суррогата из памперсов, гигиенических прокладок или таб-

леток для импотентов. Помойка новостей выплескивает содержимое на головы тех, кто смотрит, слушает, на тех, о ком говорится. И уже думаешь – а стоит ли возвращаться, находиться здесь и быть одним из них? Или быть самим собой? Но, где же ты есть, тот самый, который достоин быть?

За комнату эту тебе придется ответить. За то, о чем думал, читал и чувствовал. За то, что не соответствовал переписи переписанного населения. А судьи сидят сейчас в теплых домах, живут на деньги этих несчастных, тех, кто виновен и кто невиновен вовсе. Интересно, как они засыпают, судьи мира сего? Как спят, живут, умирают? Не создав ничего, но взяв на себя такую ответственность. Когда-то самим придется предстать и ответить, а время подходит. Но стоит ли думать о них и говорить?...

Что же – плясать под откровение мыслей своих или предаться забвению, покорности, рабству и не иметь того, что дала тебе комната, твой уголок, в сознании мыслей свободных, здравого смысла или полета фантазии, которая вечна и бесконечна; и уже не чувствуешь себя в стаде, которое стоит в очереди на бойню. А сколь велика та очередь – уже не думаешь вовсе.

Он тоже так думал. И совершал, и соответствовал. Выполнял и брал на себя. Насколько соответствовал – настолько брал. Он не хотел устремиться в преисподнюю или на Олимп. Просто жил, трудился, созидал. Или созерцал. Но, снова думал...

Все решено, определено и оценено, доказано и предопределено. Остается следовать и выполнять, идти по узкому коридору, толкаясь локтями и шеями. Больно ударяться, но снова идти. А в конце – конец! Тот самый, который прописан – и не поднять головы. Но если посмеешь – поднимешься, выйдешь из этой узкой стези. Тебя ожидает покорность и рабство уже совсем в другом коридоре и месте. И лучше соответствовать, чем преклонять колени свои и ждать. А времени остается так мало. Как много остается времени – если любишь и не боишься, просто идешь и чувствуешь, а там – будь, что будет. Так думал он...

В пределах пространства и времени в рамках того, что дано. Кем дано и почему это есть и существует? Не важно. В этих пределах разума и времени существует коридор, выход или исход, где дни удлиняются и жизнь становится другой. Открытой ко всему новому, совершенному и снова вспоминаешь ту комнату. А не выход ли находится за той дверью? А не спасение ли это души твоей, а значит тела, в котором ты пока живешь и мыслишь и чувствуешь? И существуешь...

В последнее время снился один и тот же сон. Полет на машине в горах или по дорогам в городах или ином пространстве. Трасса бесконечностью не дает покоя, тащит, зовет за собой. Не дает возможности расслабиться и отдохнуть, но останавливаешься, и хочется что-то сделать. Мучительное желание захватывает всецело, но не ясно – чего ты хочешь?

Дверь закрыта. Хочется ее открыть и пройти дальше, чтобы понять, но незнакомый голос спрашивает:

– Действительно ли желаешь этого?

– Да, – отвечаешь ты.

– Сначала пойми, что тебе нужно там, зачем тебе это, а потом заходи.

И так по кругу. Ночь сменяет другая ночь, проходят дни, недели, месяцы, и снова закрытая дверь. Она манит неизвестностью, тем, что скрывается за ней. И ждешь вечера с надеждой, что, как во сне подойдешь, прикоснешься, может быть, откроешь. Потом долго не видишь ее, а суета не дает подойти поближе. Забываешь. Снова гонка, скорость и ветер в лицо. Но, стоит остановиться...

Может это не сон, а совсем другая реальность, в которую не можешь пока поверить, переступить. Не можешь, но уже так желаешь этого...

Дорога извивалась в горах замысловатым серпантином. Эта лента заасфальтированными зигзагами то поднималась, то скатывалась с высоты, огибая пропасти и ущелья. Она вычерчивала немислимые узоры, лентой Мебиуса рисовала замкнутые восьмерки и фигуры не для езды, но для высшего пилотажа, которые смыкались, потом рвались на части, соединяясь, и снова звали тебя за собой вперед и ввысь, проносясь сквозь этот горный массив. И только безупречное покрытие дороги и редкие знаки на обочине напоминали о челове-

ке, цивилизации, плодах его труда, а вокруг нетронутые зеленые склоны, верхушки деревьев, мелькавшие за стеклами окон, и каждый взгляд, каждая картинка отпечатывала в памяти незабываемые кадры незнакомых склонов, ущелий, облаков на этом высоком небе, которое теперь было так близко и, казалось, что дорога вела, петляя, напрямиком к нему. Хотелось запомнить каждое деревцо, каждый цветок на обочине и на склонах, познакомиться на лету с каждым из них, узнать имена, записать в книгу памяти, а потом, когда-нибудь, долго листать ее на досуге, вспоминая каждый листик на кронах деревьев, каждый камень в россыпях обвалившихся скал, этот полет или бег, или езду на такой высоте, в горах, под высоким небом.

Иногда восторг гонки сменялся ощущением полета. Но повороты один за другим возвращают тебя на землю, заставляя вращать руль, который спасает от пропасти, бездны и неизвестности. А может быть, лишают этого неба, хотя сейчас оно так близко, но так высоко, а ты пока на земле и должен крепко держаться за дорогу и руль.

Кому нужна эта скорость? Ветер сквозь лобовое стекло? Еще недавно там, внизу, он плелся по скучному тракту, обгоняя машины и города, заправки, оставляя позади запахи людей, бензина, еды, отходов цивилизации, но вот, поднялся и словно крылья выросли за капотом машины. И уже не хотелось ни думать, ни ползти, а лететь, огибая горы и пропасти, и только чувствовать.

Скорость! А не повод ли это забыться? Не думать, не вспоминать. Только небо над головой и неровный асфальт под колесами. Лететь! Но колеса разумно не дают споткнуться, цепко держат дорогу, а новая машина рассудительной безупречностью не сбросит тебя вниз, и вынесет, и доставит. Но поворот, и еще. А там глубокая пропасть. Теперь нужно по высокой террасе огибать зияющую пустоту. Снова поворот, и еще. А не разогнать ли тебе твою красавицу до безрассудного полета, оторвать ее шины он надоевшего асфальта, вспомнить, что за спиной есть крылья – точно есть! И сделать этот прыжок в никуда, в бездну, в неизвестность. Очнуться на другой стороне, или где-то еще и не считать больше надоевшие повороты и спуски...

Что это? Неужели скорость, которая теперь и есть – повод не думать до такой степени позабыть, что уже готов сделать этот прыжок? Просто сводит с ума машина, которую вчера, наконец, подарил себе, вытащил из скучного салона-магазина, надавил на педаль и отдался полету...

– Зачем тебе она?

– Хотел уехать от ее стояния и самого себя...

– Куда?

– В никуда!

– Почему?

– Некуда больше, да и незачем.

– Но, почему?

– Лучше не думать и мчаться, и давить на педаль, потому

что стоит остановиться, задуматься... Просто нужно ехать и делать это, как можно быстрее...

42

Дорога резко оборвалась. Впереди темный склон и камни под колесами. Он бросил машину и теперь пробирался сквозь редкие кусты на вершину горы, освещенную ярким светом фар. Он не знал, где находился, куда шел, было только одно желание – вверх. Только не вниз. Свет становился более тусклым, но он продолжал свое восхождение. Наконец, небольшая площадка открылась перед глазами. Остановился, огляделся. Вдалеке торчали верхушки гор, холмов, все было в предрассветном тусклом тумане. И все-таки он смог разглядеть, что эти вершины не стояли на месте – они колыхались, становясь то выше, то ниже. Все было в каком-то сказочном движении. Там, в самом низу, горы заканчивались, спускаясь в бесконечную равнину моря. Они, то поднимаясь из воды, то исчезая на глубине, размеренно плыли. Каждая часть этого странного рельефа была независима. Все, не цепляясь друг за друга, было в постоянном движении, в свободном полете. Не было точки отсчета, не было координат, не за что было ухватиться взглядом и остановить мгновение. Взгляд следовал за бесконечным движением и не мог сфокусироваться.

Он посмотрел прямо перед собой. Неподалеку заметил че-

ловека. Человек был знаком ему. Он был для него той единственной точкой, которая никуда не перемещалась, не уходила, не двигалась с места...

Клейзмер стоял на широкой площадке на самой вершине горы. Его волосы и длинная борода развевались на легком ветру. Он стоял и смотрел вдаль. Он ждал, когда из-за высокой горы начнет появляться солнце. Он давно был один. Очень давно, и только горы, море, небо над головой, солнце, планеты, космос теперь были его собеседниками. Внезапно Клейзмер заметил человека и в ужасе отшатнулся:

– Нет-нет!.. Оставьте меня... Оставьте меня в покое...

Он хотел скрыться, но, поняв, что бежать некуда (только вниз, но туда он идти не хотел), произнес: – Я не даю интервью.

Незнакомец неожиданно ответил: – я тоже.

Клейзмер удивленно на него уставился: – Что «тоже»?

– Я тоже не даю интервью, – устало произнес незнакомец, замолчал, безучастно глядя вдаль, не обращая на него внимания. Теперь Клейзмер внимательно разглядывал этого человека. Потом перевел взгляд вдаль горного ландшафта, долго стоял так и смотрел, потом на футляр со скрипкой, который одиноко приткнулся у высокого серого камня и снова на него.

– Вы ни о чем не хотите меня спросить? – произнес он.

– Нет, – жестко ответил человек.

– Но, почему? – уже громче, с обидой в голосе, восклик-

нул он.

– Все равно не пойму вас..., вашу чертову математику.

Сказал это и снова замолчал.

– Но, это же так просто! – воскликнул Клейзмер.

– Да-да, просто..., все просто, – пробормотал человек.

– Хотя, вы правы, – согласился Клейзмер, – зачем что-то понимать, кому теперь это нужно? Никому.

Снова долгое молчание повисло в свежем предутреннем воздухе. Клейзмер повторил: – Никому... Ваши желания трехмерны! Глаза слепы. Вы даже не можете поднять голову и посмотреть наверх.

– А ваша математика? – перебил человек, – чего вы добились с ее помощью. Что вы хотели доказать?

– Дело не в математике, – горячо заговорил Клейзмер, – все эти науки, доказательства, теоремы... Дело в нас самих. Мы ведем себя как крысы в лаборатории генетика. Как кролики. Мы беспрерывно раздражаем наши рецепторы удовольствия, но не более того. Только животные инстинкты. Мы покрыты толстой коркой удовольствий и низменных желаний. А ведь так было не всегда! Мы зашли в тупик, превратились в бессмысленную ветвь. Осталось ей усохнуть и отвалиться за ненадобностью.

– Вы математик или философ? – спросил собеседник, уже с интересом глядя на этого высокого человека, покрытого густой черной растительностью. Он напоминал ему дикого зверя, хотя разговаривал, как человек.

– Это одно и то же, – с благодарностью продолжил Клейзмер. Он так хотел с кем-то поговорить. Только сейчас он понял, как долго молчал.

– Все эти понятия фундаментальные и являются звеньями, которые, соприкасаясь, намертво цепляются друг за друга, образуя неделимую цепь. Цепь – это наука, но сегодня она висит на шее у чудовища, имя которого – невежество. Теперь на нее можно повесить любые амулеты и символы, используя в порочных целях.

– Такова реальность, – тихо ответил его собеседник.

– Реальность?! – закричал Клейзмер. – Реальность – это границы нашего невежества. Мы прочертили их для собственного удобства, но продолжаем жить рядом с вещами нереальными. Вспомните пирамиды, которые до сих пор не смог повторить человек, идолов невероятной высоты, сделанных из камня, где в округе лишь одни пески, вспомните все чудеса света. Сегодня мы не замечаем этого. Нам достаточно лишь того, что понятно и объяснимо, что уже есть и поддается простому доказательству. Когда-то человек был способен на многое. А ваша «реальность» так же бесконечна, как вселенная, время, разум...

Он говорил, и глаза его ярко блестели в тусклом свете зарождающегося утра.

– Вспомните: «Нужно носить в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду». Так сказал Фридрих Ницше. А вот еще: «Только те, кто предпринимают абсурд-

ные попытки, смогут достичь невозможного». Это – Альберт Эйнштейн. «Человек начинает жить лишь тогда, когда ему удастся превзойти самого себя», – он же. А вы говорите реальность! Стоит потерять это чувство реальности, и нам уже не по себе, нам не комфортно, нас затягивает в пропасть. И ты уже летишь в неведомый мир. А зачем он нам нужен? Там неудобно, непривычно. Стоит ли поднимать головы и смотреть туда. Но, еще Платон сказал: «Всё, что вызывает переход из небытия в бытие – творчество».

Человек посмотрел на него и произнес: – Вы математик, вам проще – есть за что держаться.

Клейзмер теперь смотрел куда-то вдаль, он устал, он сказал все, что хотел, в этих нескольких фразах он излил целый поток мучений и страданий, а теперь молчал. Потом тихо произнес: – Стоит взобраться на эту гору, и ты обязательно остаешься один...

Посмотрел на своего собеседника и повторил его последнее слово: – Математик! Да – был математиком! Я не занимаюсь больше математикой! – резко произнес он. – Она мне больше НЕ ИНТЕРЕСНА! – и добавил:

– Ваш мир спасет невежество!

– Что же делать? – спросил его человек.

Клейзмер уже повернулся и куда-то пошел. – Что делать? – на ходу бросил он, – что делать? Вон гриб! Видите! Смотрите, какой большой! На моей горе! Вон еще один! И еще...

Он шел, и голос его становился тише, теряясь вдалеке, пока не затих совсем.

– Так что же делать? – вдогонку закричал человек.

– Оставьте меня в покое... Я не даю интервью... Не даю... не даю... Интервью не даю... Гриб... Мой гриб...

Человек остался один. Снова один!

«МИР СПАСЕТ НЕВЕЖЕСТВО» – билось в его висках.

Он смотрел вдаль на проплывающие горы. На одной из них ему показалась знакомая фигура. Показалась – не показалась. Сейчас это было не важно. Он узнавал в чертах этого человека лицо Альберта Эйнштейна. Вот еще гора, а на ней Фридрих Ницше, вон еще – и на ней Платон. Каждый из них взобрался на свою гору и остался там навсегда. Потом он видел горы и высокие холмы со своими любимыми писателями, классиками, поэтами. Каждый на своей горе, на самой ее вершине. И обязательно один. Неожиданно увидел человека в белой форме... Петров! Он узнал его. Тот тоже сидел на верхушке своей горы и смотрел вдаль, на голове его была капитанская фуражка. А под горой сиял в предрассветном тумане огромный белый лайнер с большими парусами, которые весело надувались и звали в дорогу.

– Петров! Когда ты успел? Зачем?

И, наконец, еще одна гора – она плыла в сумеречном пространстве, а на вершине ее тоже стоял человек. Он знал его. Знал уже давно – всю свою жизнь. Это и был он сам...

Огляделся... Вот она – цель его путешествия – предел сумасшедшего бега или полета в неизвестность, к которой он так стремился, к звездам и небу, к верхушке серого острого пика горы, который скоро засияет на весь горизонт утренним неземным блеском. Всполохнет ярким пламенем в вышине. Как маяк на одиноком острове, заброшенном далеко в океане в бесконечности водной стихии, затерявшемся на просторах Земли и космоса.

Он стоял на самом краю маленькой площадки, и ночь, тяжелыми зыбкими аккордами заканчивала свою темную песню, отступая, а на смену ей робкими звуками на легком прозрачном ветру зарождался ноктюрн – утренняя песня. Эта музыка нежно звенела над океаном, трепетно касаясь верхушки горы, растекалась по ее склонам, наполняя воздух светлым звучанием. Ночь свалилась за горизонт, растворившись в невысказанном серебряном блеске. Солнце заиграло на лице человека, отбрасывая длинную тень от его крошечной фигурки. Теперь он закрывал спиной редкие деревья и кустарники горы, целые километры дорог, городов, поселков, забытых внизу. Такое бывает лишь одно короткое утреннее мгновение, крошечный миг, когда ты становишься великаном на этой планете, и рука твоя может заслонить целый город от утреннего солнца и его ярких лучей... Может заслонить – только зачем?

Яркое солнце озарило горизонт. Солнце было таким, как прежде – ярким, ослепительным, теплым и... родным, ка-

ким он видел его каждый день. Но сияло оно необычно, трепетно. И сияло только для него. Уже растворились, исчезли в его лучах остатки утреннего тумана и обрывки слов, сказанные этим странным человеком, Клейзмером. Тот ушел из его жизни навсегда, оставил его в покое. Наконец, он от него освободился. И только солнце над головой оставалось с ним.

Посмотрел вниз. Горы раздвинулись, и перед глазами предстала бесконечная водная гладь. Этот океан не имел границ, он сиял в утренних лучах, и свет, отражаясь, переливался всеми цветами радуги, падал на горы, падал на небо, падал... Мир перевернулся. Этот мир не имел границ и координат. Все в нем имело божественный смысл и значение. Эти горы вдали, холмы, длинные берега, омываемые прибрежной волной, широкие пляжи, дальше поля и леса, возвышенности. Этот огромный пустынный мир притягивал, приглашая войти и там остаться навечно. Улечься на полях нескошенной травы и почувствовать себя частью маленькой уютной вселенной, где ты тоже теперь занимал законное место...

Внизу его внимание привлекли крошечные тени... точки... нет, люди... Десятки людей, сотни. Они летели на дельтапланах, на парашютах, летательных аппаратах. В утренних лучах они казались веселой зарницей, искрами, которые рассыпались в разные стороны. Но вот они дружной стайкой слились, соединились в единый поток, устремившись в океан. И уже на водных лыжах, на катерах, удивительных водных колесницах помчались по волнам. Их мускулистые кра-

сивые тела освещались ярким утренним светом, одеты они были в коротенькие шорты и майки. Мокрые и счастливые они неслись по поверхности океана. А дальше из-за горы явился большой сверкающий корабль. На нем тоже были люди. Тысячи людей, миллиарды...

Это был гигантский корабль-остров. Он неповоротливо плыл по волнам, и длинные весла размеренно опускались в воду. А люди продолжали свои привычные движения. Они делали это уже многие годы. Снова и снова опускали весла в воду и гребли. Их отцы, деды и прадеды делали то же самое. Люди щурились от ослепительного солнца, закрывая глаза. Их ослепляло это яркое солнце, оно опаляло разгоряченные спины, и пот лил с натруженных тел. Остров был гигантским. Кто не сидел за веслами, в тесноте двигались в разных направлениях, неся свою ношу. Словно маленькие муравьи они строили высокие сооружения, четко выполняя работу свою, гигантские вышки качали из недр островка остатки нефти и газа, кто-то рубил остатки жалкой растительности, кто-то таял снега на крошечных полюсах. А пирамида становилась все выше и выше. В недрах острова открывались большие полости и пустоты. Он становился как решето, и рос в высоту. И лишь отсюда, с этой горы, можно было заметить, что еще немного, и остров перевернется, он не выдержит эту высокую пирамиду, накренится и рухнет в океан. А люди все гребли, и остров медленно плыл.

Крошечные точки на сверкающих катерах и гоночных

лодках, причалив к острову, заняли места на огромной палубе. Там находилась рубка корабля. Там был капитанский мостик. Эти люди верно держали курс, а гигантский корабль продолжал свое плавание. И только плеск весел о воду. Вот корабль, описав широкий круг, замкнул его в бесконечном океане, заходя на следующий виток. И так снова и снова по замкнутому кругу. А рядом виднелись берега с бесконечными равнинами и полями, высокими холмами и горами. Но их никто не замечал. Яркое солнце мешало открыть глаза и заметить это. А места на корабле уже оставалось слишком мало. Люди, ударялись друг о друга спинами и шеями, толкались, настойчиво продолжая свой кропотливый каторжный труд. Они строили пирамиду, где на вершине находился капитанский мостик. На нем были те самые – мускулистые и сильные в красивых спортивных нарядах – в шортах и майках. Глаза их защищали темные очки, и сквозь стекла они видели все. И тот сказочный дивный берег тоже. Они не могли не видеть, ведь они были рулевыми и следили за курсом. А корабль продолжал крениться и очень скоро готов был потерять равновесие.

Но почему они не сойдут на берег? Вокруг столько свободного места! Почему продолжают это бессмысленное движение? Горы и равнины, с удивлением на них взирая, словно приглашали причалить. Но, корабль продолжал совершать привычный круг в бесконечности океана, и солнце слепило глаза...

Электронные письма летели одно за другим. Они врывались без разрешения, появлялись в уголке экрана и просили, нет, требовали и настаивали на том, чтобы их прочитали. Они переполняли память компьютера, вирусом проникая на экран, уже маленькими настойчивыми муравьями сползали с него, проторив себе дорожку. Скоро они мягким ковром заполонят всю комнату, весь этот маленький уютный мир. И мир этот тоже станет коричневым. Он будет шевелиться, уменьшаясь в размерах. А письма все сыпались и летели:

– Вас приглашают на презентацию...

– Вас ждут на съезде почетных гостей...

– Вам присуждается премия...

Леонидов уверенно нажал на клавишу и смахнул весь этот назойливый мусор с экрана. Потом долго сидел и смотрел в окно.

Неожиданно послышались чьи-то шаги. Он обернулся. Это был сын. Его сын! Он с удовольствием посмотрел на него, как будто очень давно не видел.

– Ну, как же, видел, конечно, видел! – подумал он, – вот только...

В руках у сына было нечто, что привлекло его внимание. Где он видел это раньше? Разглядев странный предмет, с недоумением перевел взгляд на сына, а тот весело произнес:

– Пап, ты уезжал. Я... ну... короче, без спроса взял твою книгу.

– Да-да, книгу, – пробормотал он.

– А у тебя больше почитать ничего нет? – спросил сын. – Что ты сейчас пишешь?

– Я больше не пишу ничего, – ответил Леонидов.

– Ничего? – удивился сын.

– Мне это больше НЕ ИНТЕРЕСНО! – жестко добавил он, потом смягчился: – Как твои дела, как учеба?

– Нормально, нормально учеба, – торопился сын, – а можно я возьму еще несколько книг, меня ребята попросили.

Леонидов удивился и равнодушно ответил: – Бери, вон целая полка.

Сын задумался, потом как-то просто ответил: – Нет, не этих. Мне нужны те, которые в гараже. Дал почитать ребятам – всем понравилось! Прикольно! То есть, я хотел сказать – классно! – и снова поправился: – Здорово! Просто здорово! Вся группа читает! Весь курс! Ну, вроде как, неудобно просить их читать по очереди. Так можно я возьму еще? У тебя их много в гараже.

Глаза сына светились радостным огнем. Как давно он не смотрел в эти глаза, как давно их не видел. Все было не до этого.

– Так я возьму? – повторил тот свой вопрос.

Настроение сына передалось ему. Он смотрел на книгу, на ее пеструю обложку. Потом подошел, снял с книги оберт-

ку-фантик и произнес: – Вот так-то лучше!

А книга с благодарностью на него посмотрела.

– Бери, бери, – добавил он, – бери, сколько хочешь.

– Спасибо, пап.

А сын уже побежал, вдруг на мгновение остановился, обернулся и задал еще один вопрос:

– А ты действительно больше не пишешь?

Леонидов молчал, он не знал, что ответить, смотрел и ничего не говорил.

– Ну, я полетел, спасибо папуль! – воскликнул он, помчавшись по своим делам.

– Пишу, – пробормотал Леонидов, – кое-что, ... так, немного ... чуть-чуть ... Пишу ...

Но сын его уже не слышал. Он летел! Уже в подъезде был слышен его голос, уже на улице звонким эхом отражался от стен домов.

– Пока, папуль!

Этот совсем еще юный человек легко переступал через дома, стоящие на пути и мешающиеся под ногами. Уже несся над городом. Его голос был легким ветерком, он мчался, опережая время, бился в пространстве между облаками, небом и землей, улицами и площадями. Он поднимался на недостижимую высоту и там звонко и уверенно продолжал звучать.

– Пока, папуль, спасибо!

И только ветер в лицо ...